

**АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ А.ДОНИШ**

**САРАЗМ – ОҒОЗИ ТАМАДДУНИ КИШОВАРЗӢ,
ҲУНАРМАНДИ ВА ШАҲРСОЗИИ ТОҶИКОН**

*Маводи симпозиуми байналмилалӣ бахшида ба 5500-солагии шаҳри
Саразми бостонӣ, 2020, 11-12 сентябр, ш. Панҷакент*

**САРАЗМ – НАЧАЛО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ,
РЕМЕСЛЕННОЙ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ ТАДЖИКОВ**

*Материалы международного симпозиума, посвященного
5500-летию древнего города Саразма, 2020, 11-12 сентябрь,
г. Пенджикент*

Душанбе - 2022

**Зери назари академик Фарход Раҳимӣ
Мухаррири масъул д.и.т., профессор Насрулло Убайдулло**

**Мухаррирон: д.и.т. Бахриниссо Қобилова,
д.и.т. Саидмурод Бобомуллоев**

Саразм – оғози тамаддуни кишоварзӣ, хунармандӣ ва шаҳрсозии тоҷикон. Маводи симпозиуми байналмилалӣ бахшида ба 5500-солагии шаҳри Саразми бостонӣ, 2020, 11-12 сентябр, ш.Панҷакент. – Душанбе: Дониш, 2022 – 180 с.

Саразм – начало земледельческой, ремесленной и градостроительной цивилизации таджиков. Материалы международного симпозиума, посвященного 5500-летию древнего города Саразма, 2020, 11-12 сентябрь, г. Пенджикент – Душанбе: Дониш, 2022 – 180 с.

Дар маҷмӯаи мазкур суҳанрониҳои Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон, суҳанҳои табрикотии дабирони кулли ЮНЕСКО хонум Одрэ Азуле ва ИСЕСКО Салим ал-Малик, президенти АМИТ академик Ф. Раҳимӣ, табрикоти мутахассисон ва бостоншиносони хориҷӣ ва маърузаҳои илмӣи шиғирокчиёни симпозиум ба шакли мухтасар оварда шудааст.

Настоящий сборник содержит Выступления Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, поздравительные речи Генерального секретаря ЮНЕСКО Одре Азуле и Генерального секретаря ИСЕСКО Салима аль-Малика, президента НАНТ академика Ф.Рахими, поздравления зарубежных специалистов и археологов и краткое содержание научных докладов участников симпозиума.

© ИТБМ ба номи А.Дониш

Суханрони Асосгузори сулҳу ваҳдат, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, мӯхтарам Эмомалӣ Раҳмон ба ифтихори чашни 5500-солагии Саразм

Ҳамватанони азиз!

Меҳмонон ва ҳозирони гиромӣ!

Арҷгузорӣ ба таъриху фарҳанги пурифтихори гузаштаи халқи куҳанбунёдамон, эҳё намудани ойину анъанаҳои неки миллӣ, тарғиби осори ниёгон ва ҳифзи ёдгориҳои моддӣ ва маънавии миллати азизамон яке аз самтҳои муҳимтарини сиёсати давлат ва Ҳукумати Тоҷикистон мебошад. Зеро, ба ҳамин васила мардуми мо метавонанд гузаштаи худро дурусту воқеъбинона дарк намоянд ва бо эҳсоси муҳаббат аз таърихи Ватани маҳбубамон ифтихор дошта бошанд.

Бо ҳамин мақсад, мо 19 март соли 2018 доир ба таҷлили 5500 - солагии шаҳри бостонии Саразм қарор қабул карда будем. Дар асоси қарори зикршуда дар ноҳия хеле қорҳои ободонию созандагӣ ба анҷом расонда шуданд ва имрӯз ноҳияи Панҷакент қабои идона пӯшида, сокинони он якҷо бо қулли мардуми кишвар ва меҳмонони азиз чашни диёри куҳанбунёди худро баргузор менамоянд.

Дар ин лаҳзаҳои бисёр фархундаву фараҳбахш чашни 5500-солагии Саразми бостониро, ки ҳамчун маркази ташаккули маданияти кишоварзӣ, ҳунармандӣ ва шаҳрсозии тоҷикон аст чашн гирифта истодаем.

Ҳадафи мо аз таҷлили ин чашни фархунда, аз як ҷиҳат ободу зебо гардондан ва ба маркази муосири маъмурию фарҳангӣ табдил додани ноҳияи Панҷакент бошад, аз тарафи дигар, ҳифзу нигоҳдошти ёдгориҳои таърихию фарҳангии пунарзиши миллатамон мебошад.

Барҳақ, Саразм ягона ёдгории аҳди энеолит ва ибтидои асри биринҷӣ дар Вароруд буда, маҳз дар ин давра тамаддуни кишоварзӣ, ҳунармандӣ ва шаҳрсозии тоҷикон оғоз мегардад.

Ёдгории шаҳри Саразм бостони тирамоҳи соли 1976 аз тарафи Абдуллоҷон Исоқов кашф гардида аст. Натиҷаҳои тадқиқотҳои илмӣ он дар бисёр анҷуманҳои байналхалқӣ: Тоҷикистон (1979 - 1994 сол), Вашингтон (1981-1986 сол), Париж (1985 сол), Германия (1992 сол), Эрон (2003 сол), Италия (2007 сол) ва Африка (2008 сол), Тоҷикистон, Россия, Қазоқистон, Молдавия ва Қирғизистон аз тарафи бостоншиносон мавриди баррасии қарор гирифтааст.

Бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21 сентябри соли 2000 тахти № 391 ёдгориҳои Саразм ҳамчун маркази ташаккули маданияти

тамаддуни кишоварзи, хунарманди ва шаҳрсозии тоҷикон мамнӯъгоҳи таърихи-бостоншиноси эълон гардидааст.

Ман ду маротиба (соли 2003-2005) аз ёдгории Саразм дидани намудаам. Давлат таи солҳои 2003-2008 панҷ ҳафрияи бостоншиноси болопуш ва атрофи ёдгори бо панҷара ихота карда шуд.

Бо ин мақсад аз фонди эҳтиёти Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба миқдори 1,2 миллион сомони сарф карда шудааст.

Маҳз маводу далелҳои таърихӣ бостоншиносии бо асосҳои илми омодагардида аз тарафи мудирияти мамнӯъгоҳи Саразм тавонист чавобгуи ҳама дархостҳои Маркази фарҳанги умумибашарии ЮНЕСКО гардад. Ва боиси хурсандии ҳар шаҳрванди Тоҷикистон ва тоҷикони бурунмарист, ки созиши бонуфузи ЮНЕСКО дар Осиёи Маркази аввалин ёдгории бостоншиносии Тоҷикистон – Саразмро 31-июли соли 2010 ба рӯйхати Мероси фарҳанги умумибашари шомил гардонид.

Пас аз ворид гардидани ёдгории Саразм ба феҳрети ЮНЕСКО шумораи саехони ватаниву хориҷи миқдоран зиёд шуда истодаанд. Аз ин хотир лозим омад, ки барои қабул ва гусели сайёҳон шароити мусоиди инфраструктуридошта дар ёдгори муҳае карда шавад. Аз ин хотир дар назди ёдгори ҷойҳои милли, меҳмонхона, осорхона бунёд карда шуд.

Барои ба ҷаҳониён нишон додани таърихи кӯҳани Саразм ва мавқеу мақоми он дар қатори ёдгориҳои қадимаи кишоварзии шарқ бостоншиносони ватаниву хориҷӣ дар як қатор ҳамоишҳои байналмилалӣ дар Тоҷикистон (1979 ва 1994), ИМА (1981 ва 1986), Фаронса (1985), Ўзбекистон (1983 ва 1987), Олмон (1992), Эрон (2003), Италия (2007) ва Африқо (2008) маърузаҳои илмӣ намудаанд. Як қатор асарҳои илмӣ-тадқиқотии олимони Исоқов А.И., Эшонқулов У., Раззоқов А.Р., Бобомуллоев С., Безенвал Р., Франкфорт А.П., Лионе В., Казанова М., Ламберг Карловский ва Колл Ф., Массон В., Кошеленко Г.А. ва дигарон бо забонҳои гуногуни олам нашр шудаанд.

Дӯстони азиз!

Баъди Истиклолияти давлатӣ ноҳияи Панҷакент дар як муддати кӯтоҳ хеле рушд кард, дар ҳудуди он корхонаҳои истеҳсолии хурду миёна, даҳҳо иншооти иҷтимоӣ, аз ҷумла муассисаҳои таълимиву тандурустӣ, марказҳои савдову хизматрасонӣ бунёд гардида, соҳаҳои дигари он, аз қабилӣ кишоварзӣю чорводорӣ, рӯ ба пешрафт ниҳоданд. Чунки ҳадафи асосии ҳар гуна ҷашну ҷорабинӣ обод кардани ин ё он ғӯшаи диёрамон, тақони ҷиддӣ бахшидан ба пешрафти шаҳру ноҳияҳои кишварамон ва фароҳам овардани шароити беҳтари зиндагӣ барои ҳамватанонамон мебошад.

Аз ин лиҳоз, бо қарори Ҳукумат нақшаи чорабиниҳо оид ба омодагӣ ва баргузори чашн тасдиқ гардид, ки тибқи он масъалаи ба кулӣ тағйир додани инфрасохтори шаҳр ва бунёди шаҳри муосир пешбинӣ карда шуд.

Соли 2012 нақшаи генералии шаҳри Панҷакент барои то соли 2032 бо тасдиқ гардида. Дар доираи омодагӣ ба чашн аз ҳисоби бучети давлат ва соҳибкорону сармоягузoron иншооти зиёди замонавии таъйиноти иҷтимоӣ, истехсолӣ ва фароғативу истиқоматӣ бунёд ёфта, садҳо ҷойҳои нави корӣ муҳайё карда шуданд.

Ғайр аз ин, 18 километр шоҳроҳи мошингарди Рукнобод Панҷруд, ба истифода дода шуд.

Итминон дорам, ки раванди ободкорӣ аз ҷониби соҳибкорону тоҷирон ва аҳолии ноҳия минбаъд низ идома пайдо мекунад. Хотирнишон месозам, ки корҳои ободонии ноҳия ва деҳоти он минбаъд низ идома дода мешаванд ва аз ҷониби Ҳукумати мамлакат илова ба корҳои то ба ҳол иҷрошуда ба хотири боз ҳам ободу пешрафта гардондани ноҳия то чашни 30 солаги истиқлолият як силсила чорабиниҳо ба нақша гирифта шудаанд.

Ҳоло дар маркази ноҳия беморхонаи замонавӣ, бо тамоми шароити муосир ба истифода дода шуд. Инчунин, сохтмони беморхонаи ҳозиразамон оғоз гардидааст.

Бо мақсади таҳкими заминаи моддиву техникаи муассисаҳои тандурустӣ аз ҷониби Вазорати тандурустӣ ва ҳифзи иҷтимоии аҳоли беморхонаи марказӣ ва бунгоҳҳои тиббии ноҳия бо таҷҳизоти зиёди тиббӣ ва дигар маводи зарурӣ таъмин карда шуданд.

Ба шарофати истиқлолият ва дар арафаи чашн дар соҳаи фарҳанги ноҳия низ корҳои назаррас ба анҷом расида, осорхона, китобхона ва бунёд карда шуданд, ки иншооти зикршуда барои баргузори ҳама гуна чорабиниҳои фарҳангии сатҳи ҷумҳуриявӣ имконият доранд.

Ҳозирони гиромӣ!

Мардуми Панҷакент на танҳо бо меҳнати бунёдкоронашон шоистаи таҳсин мебошанд, балки дар рушди илму фарҳанг ва адабу ҳунари халқамон ҳиссаи сазовор гузоштаанд.

Дар ин водӣ даҳҳо нафар шоирону адибони маъруф умр ба сар бурда, анъанаҳои устувори адабиёти куҳани моро идома бахшидаанд. Қобили зикр аст, ки адибони водии Ҳисор дар асри XX низ дар рушди адабиёти навини тоҷик нақши назаррас бозидаанд.

Махсусан, эҷодиёти Лоик Шералӣ намунаи барҷастаи осори адабӣ ба шумор рафта, дар шеърҳои ӯ масъалаҳои муҳими ватандӯстӣ, ҷавонмардӣ, олиҳимматӣ, вафодорӣ, зебоипарастӣ, ки ифодагари

бехтарин хислатҳои мардуми тоҷик ба шумор мераванд, воқеъбинона тасвир ёфтаанд.

Ҳозирони арҷманд!

Чунонки мебинем, то ба имрӯз қорҳои ба як маркази пешрафтаи саноату тижорати ва фарҳанги табдил додани ноҳия ва бунёди инфрасохтори шаҳри муосир асосан ба анҷом расонда, барои рушди ояндаи он замина фароҳам оварда шудааст.

Итминон дорам, ки мардуми бонангу номус ва шарафманди ноҳияи Панҷакент, аз ҷумла соҳибқорони олиҳиммат, аз дигаргуниву ободихои имрӯза неруи тоза гирифта, бо шукронаи озодиву соҳибхитиёрии Ватани азизамон ва дар фазои сулҳу оромӣ, суботи комили сиёсӣ ва ваҳдати миллии кишвари маҳбубамон барои таъсиси қорхонаву қоргоҳҳои нави истехсолӣ, иншооти гуногуни иҷтимоиву хизматрасонӣ, хонаҳои истиқоматӣ, хулоса боз ҳам ободу зебо гардидани ин шаҳри таърихӣ, саъю талоши бештар мекунанд ва диёри худро ба як мулки ободу пешрафта табдил медиҳанд.

Дар охир, бори дигар таҷлили ҷашни 5500 - солагии Саразми бостониро ба ҳар як шаҳрванди кишвар табрик гуфта, ба ҳар яки шумо саломатӣ, хонаи обод, иқболи нек ва барори қор орзу менамоем. Бигзор ин санаи таърихӣ дар хотираи халқамон ҳамчун воситаи муҳими худшиносиву худогоҳӣ то абад боқӣ монда, ба хотири рушди фарҳангу маънавиёти миллии ва тарбияи наслҳои имрӯзу фардо қадами нави устувор ба сӯи оянда бошад!

Ҳамеша саломату сарбаланд бошед!

Приветственное слово Генерального директора ЮНЕСКО Одрэ Азуле

Я рада присоединиться к вам на празднование 5500-летия древнего города Саразм. Прежде всего, хочу искренне поблагодарить уважаемого президента Эмомали Рахмона за приглашение ЮНЕСКО участвовать на этом поистине масштабном мероприятии.

Не каждый день представляется возможным отметить такое историческое знаменательное событие, когда счет идет не на годы и столетия, а на тысячелетия, позволяя нам вернуться к истокам человечества. Именно поэтому я хотела обратиться к вам в таком формате, поскольку не смогу лично присутствовать на этом важном мероприятии. Этот город, название которого означает «начало Земли», возвращает нас к тому времени, которое историки называют

неолитической революцией. Воистину руины Саразма связывают нас с древнейшим миром. Они повествуют об одомашнивании растений и животных, а также о развитии металлургии и орошения. Они рассказывают историю зарождения городских общин и создание первых торговых путей, ожививших эти поселения. Эта история подтверждается находками археологов, которые в результате раскопок обнаружили керамику, глиняную посуду и художественные объекты в степях Средней Азии, полях Трансоксиании, Иранском плато и в долине Инда. На протяжении почти тысячи лет Саразм был культурным перекрестком, местом диалога и культурного обмена. Эта история взаимосвязей и взаимопередачи культуры классических цивилизаций, имеет важное значение для человечества в целом. Именно поэтому в 2010 году Саразм был внесен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, и нам необходимо изучить и сохранить древний Саразм для будущих поколений.

Я горячо приветствую усилия правительства Республики Таджикистан, направленные на то, чтобы помочь нам лучше понять мир вчерашнего, показывая, как жили наши предки 55 веков назад. ЮНЕСКО готова поддержать таджикские власти в их работе по сохранению и продвижению этого объекта, его целостности, универсальности и аутентичности. В этой связи мы работаем с правительством Таджикистана над разработкой планового управления исторической достопримечательности городища Саразм в рамках программы «Коридоры наследия Шелкового Пути», реализацию которого мы начали в партнерстве с Европейским Союзом. Цель данного сотрудничества состоит в том, чтобы обеспечить сохранность этого исключительного места для будущих поколений на долгосрочной основе и в то же время принести пользу местному населению, сохранив доступность объекта для посещения гостей, в том числе иностранных туристов. Безусловно, это также означает поддержку научных исследований, поскольку Саразм еще не раскрыл все свои тайны, о чем без сомнения нам расскажут сегодняшние ораторы.

Таким образом, в отношении Саразма мы преследуем цель, аналогичную нашей программе по Шелковому пути, а именно – стремление объединить такие факторы, как сохранение, понимание, творчество и экономическое развитие.

Юбилей Саразма – это возможность воздать должное всему тому, что дает нам культурное наследие. Спасибо за внимание!

Приветственное слово Генерального директора ИСЕСКО доктора Салима аль-Малика

Ваше превосходительство, господин Президент, уважаемый Эмомали Рахмон! Дамы и господа, ассаламу алейкум ва рахматуллохи ва баракотух!

Пользуясь случаем, хочу искренне поздравить Вас и народ Таджикистана с Днем независимости Республики Таджикистан и пожелать стране дальнейшего прогресса и процветания!

Позвольте поздравить вас с этой знаменательной датой, 5500 лет – это поистине древняя история, и мы желаем, чтобы она длилась еще тысячелетия и больше.

Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры ИСЕСКО рада разделить с таджикским народом чествование города Саразм, являющегося свидетельством самых древних следов существования человека на земле. С незапамятных времен Саразм являлся перекрёстком цивилизаций – центром, соединяющим Центральную Азию с остальной частью континента. Уважаемые гости, этот праздник дал возможность еще раз подтвердить важную роль региона, который на протяжении всей истории исламского мира с его древними городами олицетворял нашу разнообразную и богатую культурную самобытность. Простое упоминание названия одного из этих городов вызывает в памяти таких известных мыслителей и ученых исламского мира, как Аль-Бухари, Ибн-Сина, Аль-Газали, Аль-Фараби, Аль-Хорезми и многих других.

Разделяя с вами это празднование, ИСЕСКО благодаря реализации своего проекта по сохранению исламской культуры, признает ключевую важность исламского города с его архитектурным наследием и цивилизацией. По существу, культура и город тесно связаны между собой. Программа чествования столицы исламской культуры ИСЕСКО подтверждает роль городов, призванных оживить память поколений и связать настоящее со славным прошлым исламской истории. Празднование 5500-летия города Саразм, включенного в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2010 году, является ярким свидетельством богатой истории нашей цивилизации, которая предполагает большую ответственность за сохранение такого ценного сокровища. Оптимальное использование новых технологий и искусственного интеллекта – это те инструменты, которые мы можем использовать для сохранения и безопасности нашего наследия. Необходимо обратить особое внимание на формирование чувства

ответственности подрастающего поколения, чтобы оно могло по-настоящему оценить национальное достояние и символическую ценность этого наследия.

Ваше превосходительство, уважаемый господин Президент! Уважаемые гости, дамы и господа! Всегда существует риск, представляющий угрозу наследию, и ИСЕСКО неизменно поддерживает и направляет защитников нашего культурного наследия и цивилизации с помощью работы Комитета по защите наследия исламского мира. Таким образом, организация берет на себя ответственность за восстановление и сохранение нашего цивилизационного наследия, а также подготовку исчерпывающего справочника об этих объектах. Кроме того, ИСЕСКО стремится противодействовать незаконным действиям в сфере культуры, в частности проведя в июле прошлого года конференцию по борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей. Эти меры созвучны усилиям, предпринимающимся государствами-членами ИСЕСКО для сохранения нашего культурного наследия и цивилизации.

Ваше превосходительство, уважаемый господин Президент! Дамы и господа! Позвольте еще раз поздравить вас с Днем независимости Таджикистана! Благодарю за возможность присутствовать на сегодняшнем празднике. Ассалому алейкум ва рахматуллохи ва баракотух!

Сухани ифтихоии Президенти АМИТ Фарход Раҳимӣ

Муҳтарам Раёсат,

**Сафирон ва намояндагони корпуси дипломатии муқими Тоҷикистон,
Меҳмонони гиромӣ.**

Аввалан, ҳамаи Шуморо ба шаҳри Панҷакенти бостонӣ ва ба чашни 5500-солагии Саразми бостон хайра мақдам меғӯям.

Арҷузорӣ ба арзишҳои таърихӣ, фарҳангӣ ва расму ойинҳои мардумӣ дар даврони соҳибистиклолии кишвари азизи мо – Тоҷикистон, инчунин, баргузориҳои солгарди бузургони илм, адаб, сиёсат, маориф ва фарҳанги гузаштаву муосир, тарғибу ташвиқ, таҳқиқ ва таълими осору афкори онҳо ва ҳифзи мероси адабӣ, фарҳангӣ, таърихиву илмӣ аз рукнҳои асосии сиёсати Ҳукумат ва Давлати Тоҷикистон ба шумор меравад, ки онҳо аз сиёсати созанда, дурандешона ва фарҳангпарваронаи Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ҷаноби Олӣ,

мӯхтарам Эмомалӣ Раҳмон сарчашма мегиранд. Маҳз тавассути сиёсати хирадмандонаи Роҳбари давлат мо тавонистем дар 29 соли даврони истиқлоли давлатӣ як силсила маърақаҳои муҳимми илмию адабӣ ва фарҳангиро бо иштироки донишмандон ва коршиносони номии хоричӣ ва ватанӣ дар сатҳи баланди байналмилалӣ баргузор намоем. Аз ҷумла, таҷлили ҷашни бошукӯҳи 1100-солагии Давлати Сомониён, 2700 - солагии китоби муқаддаси «Авесто», ҳазораи «Шоҳнома», 1310-солагии Имоми Аъзам, 2500-солагии Истаравшан, 2700-солагии шаҳри Кӯлоб, 3000-солагии Ҳисори Шодмон исботи ин гуфтаҳоианд.

Ҳамоиши илмӣ имрӯза низ давоми мантиқии ин гуна чорабиниҳо мебошад ва он ба 5500-солагии шаҳри Саразми бостонӣ, ки ба рӯйхати ҷашнвораҳои ҷаҳонии ЮНЕСКО дар солҳои 2020-2021 шомил шудааст, бахшида шудааст.

Саразм ягона ёдгории аҳди энеолит ва ибтидои асри биринҷӣ дар Мовароунаҳр буда, ба миёнаи ҳазорсолаи IV ва ибтидои ҳазорсолаи III то мелод мансуб буда, дар он ҷо тамаддуни кишоварзӣ, ҳунармандӣ ва шаҳрсозии тоҷикон ташакул ёфтааст.

Дар омӯзиши таърихи чандинҳазорсолаи халқи тоҷик нақши олимони ватанию хоричӣ, махсусан бостоншиносон хеле бориз мебошад. Илми бостоншиносии тоҷик умуман аз солҳои 30-юми асри гузашта рӯ ба ташаккул ва рушд мениҳад. Дар ин ҷода хизмати таърихшиносии бузург Б. Ғафуров ва асосгузори илми бостоншиносии кишвар А.Ю. Якубовский, М.М. Дяконов ва А.М. Белинитский, Б.А. Литвинский, В.А. Ранов ва дахҳо нафари дигар хеле бузург аст. Ва маҳз хизматҳои арзандаю шоёни онҳо буд, ки тоҷикон аз гузаштаи таъриху тамаддуни ниёгони хеш бархӯрдоранд. Дар қатори чунин олимони намӯён, муаррих ва бостоншиносии варзидаи асри XX, доктори илмҳои таърих, профессор Абдуллоҷон Исҳоқов мақоми хоса дорад.

Кашфи Саразм яке аз дастовардҳои назарраси даҳсолаҳои охири асри XX дар илми бостоншиносии тоҷик ба ҳисоб меравад. Саразм яке аз нахустин ёдгориҳои давраи ориёӣ намунаи беҳамтои ин тамаддун дар Суғд мебошад. Ин аст, ки Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ҷаноби Олӣ мӯхтарам Эмомалӣ Раҳмон ба осори номбурдаи аҳди қадим тавачҷӯҳи хоса зоҳир намуда, бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти рақами 391 аз 21 сентябри соли 2001 ёдгории Саразм ҳамчун маркази ташақкулёбии маданияти кишоварзӣ, ҳунармандӣ ва шаҳрсозии тоҷикон мамнӯъгоҳи таърихӣ – бостоншиносӣ эълон гардид.

Ин буд, ки барои ба ҷаҳониён нишон додани таърихи кӯҳани Саразм ва мавқеу мақоми он дар қатори ёдгориҳои қадимаи

кишоварзии шарқ, А.Исоқов ва дигар бостоншиносон дар як қатор Ҳамойишҳои байналхалқӣ– дар Тоҷикистон (1979 ва 1994), Вашингтон (1981 ва 1986), Париж (1985), Ўзбекистон (1983 ва 1987), Олмон (1992), Эрон (2003), Италия (2007) ва Африқо (2008) маърузаҳои илмӣ намудаанд. Инчунин як қатор монографияҳо ва асарҳои илмӣ-тадқиқотӣ, ки ба ин маҳалла бахшида шудааст, аз тарафи Исоқов А.И., Пянкова Л.Т., Эшонкулов У., Раззоқов А.Р., Бобомуллоев С. (аз Тоҷикистон), Безенвал Р., Франкфор А.П., Лионе В., Казанова М. (аз Фаронса), Ламберг Карловский ва Колл Ф. (аз ИМА), Массон В., Кошеленко Г.А. (аз Россия) ва дигар олимони бостоншиносон ба забонҳои гуногун нашр гардидаанд.

Ва маҳз натиҷаи Ҳамин таҳқиқот ва ҳафтиятҳо буд, ки созмони бонифузи ҷаҳонии ЮНЕСКО 31июли соли 2010 Саразмро ба рӯйхати номиртарин ёдгориҳои фарҳангии умумибашарӣ шомил намуд.

Бояд тазаққур дод, ки дар замони истиқлолияти давлатӣ Пешвои миллат, Президентии Ҷумҳурии Тоҷикистон, мухтарам Эмомалӣ Раҳмон ба ҳифзи ёдгориҳои таърихӣ таваҷҷӯҳи хоса зоҳир намуда, қайд менамоянд, ки дар шароити ҷаҳонишавӣ яке аз вазифаҳои асосии ҳар як давлат – ҳифзи асолати миллӣ, забон, фарҳанг, аз ҷумла ёдгориҳои таърихӣ мебошад. Маҳз бо Ҳамин сабаб, Саразм, ки яке аз нахустин ёдгориҳои давраи ориёӣ ва намунаи беҳамтои ин тамаддун дар Суғд мебошад, бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти №391 аз 21 сентябри соли 2000 ҳамчун маркази ташаққули маданияти кишоварзӣ, ҳунармандӣ ва шаҳрсозии тоҷикон мамнӯъгоҳи таърихӣ – бостоншиносӣ эълон гардид. Баъдан бо дастгирӣ ва супориши Пешвои миллат, Президентии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ҷаноби Олӣ Эмомалӣ Раҳмон таърихи солҳои 2004–2008 5 – иншооти ёдгори болопӯш ва атрофи он бо панҷарадевор ихота карда шуд ва ҳангоми ташрифи худ ба Саразми бостон солҳои 2003 ва 2005, ба ин шаҳри қадима чунин баҳо доданд: «Саразм – ҳазинаи тиллоии таърихи халқи тоҷик мебошад».

Ин иқдоми нек ва хирадмандонаи Пешвои миллат ҳар яки моро водор менамояд, ки аз тамаддуни, ки ҳанӯз дар ҳазорсолаи IV–III қабл аз мелод саразмиёни бостон ба мо тоҷикон мерос гузоштаанд, баҳрабардорӣ намуда, дар ҳазорсолаи III мелодӣ аз пайи боло бурдани эътибору нуфузи иқтисодиву фарҳангии Тоҷикистон дар миқёси ҷаҳон бошем.

Ҳамин тавр Саразм бо бозёфтҳои номир, бо таваҷҷӯҳи хосаи бостоншиносии ҷаҳонӣ дар байни ёдгориҳои аҳди қадим ҷойгоҳи хосаи худро соҳиб гаштааст ва ҳамасола мавриди назари олимони бостоншиносон аз тамоми ғушаву қанори дунё қарор мегирад.

Ҳозирини гиромӣ,

Бори дигар хамаи Шуморо ба чашни Саразми бостонӣ хайрамакдам гуфта, ба кори Ҳамоиши илмӣ ифтитоҳ мебахшам ва боварӣ дорам, ки имрӯзу пагоҳ аз ҷониби олимони шинохтаи соҳа натиҷаҳои нави таҳқиқоти илмӣ ва бостоншиносӣ ба самъи ҳозирин расонида шуда, ба паҳлӯҳои норӯшани таърихи Саразми бостонӣ баҳои илмӣ дода мешавад.

Ташаккур.

Франсис Ришар (Фаронса)

Чашни бузургдошти шаҳри Саразмо ба тамоми мардуми Тоҷикистон табрик мегӯям!

Чашни бузургдошти Саразм як фурсати бисёр хубест барои нишон додани ҷои махсуси Тоҷикистон дар ториhi Осиёи Миёна. Ин ба иллати чуғрофиё, тоҷикон ҳамеша дар як миёна буданд, яъне роҳҳои тичоратӣ, роҳҳои мубодилои фикриву ханарӣ аз Тоҷикистон убур мекарданд. Ва шаҳри Саразм аз қадимтарин шавоҳиди ин мубодилот ва ин пешрафтҳои санъатӣ ва пешрафтҳои зироатӣ буд. Ва албатта, ин як суоли ҷолибест, ки тоҷикон дар замони Саразм зиндагӣ мекарданд чи тур то имрӯз як тамаддуни қадим интиқол шуд. Яъне бояд чи гуна табдил шуда, масалан, ба зидагии мардуми замони Суғд дар шаҳри Панҷакент, оё доим буд ё на. Албатта, мешавад ҷустуҷӯ кард ва шояд чизе пайдо кард. Албатта, тоҷикон ҳамеша алоқа доштанд ба равобити хубе бо ҳамсоғонашон.

Саразм як замони бисёр қадим аст ва як тамаддуни бисёр ҷолибро ба мо нишон медиҳад. Албатта хело чизҳо то ҳоло маълум нест, яъне масалан оё иттисоли байни ин ҷамъият ки дар Саразм зиндагӣ мекард ва аҳолии атрофи Зарафшони имрӯзӣ як занҷири мустақим аст ё нест. Имкон аст, ки то қарнҳои баъдӣ ҳамон тамаддун равақ дошта буда то масалан то замони Суғду Панҷакент, чунки чандин авосиф нишон медиҳад, ки чунин буда аст. Мо мутаасифона дар бораи дину адёни замони Саразм ҳанӯз кам медонем, намедонем кадом забон дар Саразм гуфта мешуд. Аммо ҳамон шаҳри Саразм хело чизҳои дигар нишон медиҳад, масалан равиши сохтори хонаҳо масалан он васоил ки мардум аз он истифода мекарданд ё он эҳтиром масалан ба оташ ва ин тамаддуни биринҷ як тамаддуни бисёр ба равақ буд. Яъне равобити байналмиллалӣ дар он замон фаровон буд, бо Ҳиндустон бо тамоми дунёи Эронӣ, бо Ховар, бо шимолу жануб. Ин нишон медиҳад, ки Тоҷикистон як нақши хос дорад дар ториhi. Яъне интиқол кардани

хунар, тамаддун. Албатта бо гуногун будани вилоятҳои Тоҷикистон ин мубодилот бештар бор миоварад, ки мардум бо ҳамдигар мубодила мекунамд ва аз он мубодилот бисёр сум мегиранд. Ман фикр мекунам, ки ҳамин паёми Саразм бо мо ҳанӯз зинда мешавад ва дубора табрик меғӯям.

Элиза Линеу (Германия)

Здравствуйте, дорогие друзья и коллеги!

Я Элиза Линеу, археолог, специалист по бронзовому веку Центральной Азии и работаю в отделе Евразии Немецкого Археологического Института. Мои коллеги, в частности Гунвор Линдстрём, Майк Тойфер, Даниел Штайнгер и Кристина Юнкер просили передать теплый привет всем коллегам и друзьям в Таджикистане. Немецкий Археологический Институт и все мои коллеги счастливы еще раз отметить дружбу и научное сотрудничество между нашими Институтами. Это особенно важно в эти трудные времена, к сожалению, нынешняя санитарная ситуация печальна и представляет собой серьезную проблему для всех нас лично и с профессиональной стороны. Нам особенно грустно, что мы не смогли приехать в Таджикистан в этом году и не смогли принять участие в этой важной конференции. Поэтому я хотела бы поблагодарить организаторов конференции за возможность сказать несколько слов путем видео для конференции, посвященной Саразму.

Это действительно особенное событие для такого важного памятника бронзового века Центральной Азии. Я дважды была в Саразме и всегда восхищаюсь работой, проделанной таджикскими археологами совместно с французскими коллегами.

Саразм обладает огромной универсальной ценностью, так как свидетельствует о начале в этой части мира урбанизации и технологического развития, материализованных прекрасным ремеслом благодаря использованию богатых минеральных ресурсов. Памятник Саразм, также является свидетельством исключительного материального и культурного обмена на дальнем расстоянии между степными районами Туркменистана, Иранским плато, долины Инда и Индийского Океана. Для всех археологов это место имеет несравненную ценность, и я рада отпраздновать это событие вместе с вами. Я желаю участникам хорошей и успешной конференции и желаю всем вам здоровья.

Кафедра археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного Университета (Россия)

Добрый день!

Вас приветствуют сотрудники Кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета. Мы передаем большой привет Таджикистану. Большой привет коллегам Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша. На протяжении нескольких лет мы сотрудничаем с таджикскими коллегами, с которыми неоднократно участвовали в конференциях, знакомимся с замечательными археологическими объектами. Среди них, безусловно, хочется выделить замечательный, большой и очень познавательный комплекс Саразм, который дал мировой науке важные материалы, связанные с освоением производящего хозяйства, с развитием культуры древних народов, проживавших на территории Таджикистана. Мы хотим поздравить весь таджикский народ с праздником, благополучия, всего самого доброго!

Павел Лурье (Россия)

Асалому алейкум ба ҳамаи дустону ҳамкорони азии!

Бо солгарди ёдгории бостонии Саразм мо аз самими қалб ба ҳамаи дӯстон ва ҳамкорон дар Тоҷикистон ба шумо табрик мегуем! Дар шароити имрӯза, мо мутаасифона наметавонем бо шумо чашн гирем, аммо ба шукри пешрафти техникуву фанниву электронӣ метавонем аз дур як пайғом як саломро ба шумо бифиришем. Аз ин баъд ман мехоҳам ба забони дигар забони роиҷ дар ҳавзаи илмии Тоҷикистон як сухани кӯтоҳи худро ба шумо ба забони русӣ арз намоям.

Здравствуйте ещё раз! Спасибо большое за приглашение ввиду такого странного формата у меня не получается сделать некое научное серьезное сообщение. Надо заметить, что я не имею компетенции этого делать, потому что не являюсь специалистом в энеолите, в бронзовом веке, во времени Саразма. То, чем я занимаюсь, наверное, для многих присутствующих здесь специалистов бронзовиков воспринимается как некая журналистика, потому что это раннее средневековье V-VIII вв., как бы “неархеологическое время”, как любят говорить мои друзья палеолитчики. Но, вместе с тем, несмотря на этот большой разрыв в датах, у нас есть известная и очень большая близость памятников по другому важному параметру – географическому, именно та связь, та

близость географическая и климатическая, которая существует между Саразмом, с одной стороны, и древним Пенджикентом, которым я имею счастье заниматься последние десятилетия, с другой. И вот в этом кратком сообщении мне бы хотелось наметить некие возможные пункты взаимосвязи этих двух объектов для дальнейшей совместной научной работы. А именно, речь идет о непрерывности, с одной стороны, а с другой –возможно, сбивках, шифтах в развитии культуры человеческого общества на этой территории. Надо заметить, что эта тема, которая сейчас чрезвычайно важна и очень активно развивается – вопрос о преемственности или отсутствии преемственности, сбивках и т.д.

Вместе с тем, другая тема, которую историки постоянно поднимают в последнее время, особенно в зарубежной литературе – вопрос об устойчивости, способности ответить на различные вызовы, которые приносят собой естественная среда обитания, либо новые соседи, либо новые культурные достижения и т.д. И тут вопрос о преемственности, наверное более или менее понятен, потому что есть такие понятия, как выяснение чего-то между двумя точками и различия между ними – экстрополяция и интрополяция. У нас есть эти две точки, более того, есть даже больше бусинок, которые нанизаны на одну нить: это Саразм, с одной стороны, и Пенджикент, с другой, и ряд других памятников дополнительно. Из этого становится понятным, благодаря работе археологов, таджикистанских археологов, в первую очередь, что по крайней мере человеческая жизнь, человеческое обживание на этой территории со времени Саразма до времени Пенджикента, и до современности было в целом непрерывно. Разумеется, культурные изменения были очень сильные, т.е. у нас есть Саразм, есть племена Андроновского типа, которые появляются в позднем Саразме, и это совершенно другой тип, совершенно другая керамика погребения и т.д. В дальнейшем распространяются культуры сакского, скифского круга, которые тоже в чем-то наследуют андроновцам, и в дальнейшем появляются в Кушанское время, не очень удачный термин для долины Зарафшана, но используемый, и раннее средневековье, которым я имею счастье заниматься. Так что, в общем, для всех этих периодов, благодаря работе наших дорогих коллег, благодаря совсем недавней книге Саидмурода Бобомуллоева, благодаря книгам Шарофа Курбанова и Усмонджона Эшонкулова мы знаем, что во все эти периоды территория Пенджикентского района обживалась, и это несомненно. Другой вопрос, какие были волны, какие были продолжительные жизни или проходившие новые народы, которые полностью изменяли культурный ландшафт. В каких-то областях мы можем говорить про керамику, есть, конечно, потенциал у исследований

по ДНК, которые в настоящее время не имеют, как мне кажется, абсолютной доказательной силы, и нужно опираться на дополнительные источники. Хотя это, разумеется, сейчас самые новые материалы. Мне известно, что итальянские коллеги занимаются ДНК костных останков из Пенджикентского некрополя, из наусов. Интересно узнать, какие у них результаты, как это соотносится с коллекциями современных ДНК образцов из горного Таджикистана, особенно из Ягноба, что позволит ответить на многие вопросы.

Возвращаясь к проблеме развития, постоянности этого развития или каких-то перерывах, каких-то сбивок, каких-то перестройках культуры, которые мы видим, отмечу, что в последние годы Пенджикентская экспедиция начала заниматься этой темой. С одной стороны, на цитадели Пенджикента, которая, как известно, появилась несколько раньше, чем само городище, продолжают раскопки большого разреза, который дошел до глубины более 15 м. и пока до метрики мы так и не дошли. Отсюда сейчас выходят керамика и строительные приемы, которые датируются временем до Пенджикента, т.е. до V в. н. э., когда основывается город, а относится он к условно кушанскому, пост-кушанскому времени III-IV вв., а может быть даже и ранее. Эта тема, над которой мы начали недавно заниматься. Никита Викторович Семенов там копает, и это, конечно, очень интересный результат, показывающий, что Пенджикент возник не на пустом месте. То место, где он возник, было в непосредственной близости от Кайнара, где человек жил собственно всегда, т.е. там находятся и неолитические орудия. Так, по возникновении Пенджикента у нас появились новые данные.

Другие вещи, которыми мы сейчас интенсивно занимаемся, особенно наш дорогой коллега, сотрудник Института истории материальной культуры Фируз Аминов – это вопрос продолжения Пенджикента, что было городом после VIII в. В 722 город был захвачен мусульманскими войсками, произошел пожар, следствием которого стало запустение, правда, недолгое. К концу 730-х или 740-х гг. – времени правления Насра ибн Сияра в Самарканде город снова стал заселяться, многие дома восстанавливаться, произошел последний расцвет Пенджикента. Самые лучшие настенные росписи, которые мы знаем, относятся к этому времени, когда местное население под более или менее формальным контролем мусульман продолжало жить по-старому.

Очень надеюсь, в этих новых условиях все восстановится, в том числе и близкие дружественные связи между археологами Таджикистана

и России, между археологами Пенджикента и Санкт-Петербурга. Спасибо вам большое за внимание и поздравляю с праздником!

Светлана Шнайдер (Россия)

Здравствуйте, уважаемые коллеги!

Меня зовут Шнайдер Светлана, я археолог из Новосибирска. На протяжении десяти лет я работаю в Таджикистане. Недавно мы начали свои полевые исследования на территории Восточного Памира. Но сегодня не об этом, сегодня я хотела бы поздравить всех таджикских археологов, всех жителей Таджикистана с памятной датой – с юбилеем Саразма. На самом деле этот памятник значим не только для древнейшей истории Таджикистана и Центральной Азии, но он значим для мировой истории. И поэтому мне бы хотелось поздравить вас, дорогие коллеги, с этим праздником и выразить слова благодарности от всего археологического сообщества за те усилия, которые вы прилагаете к детальнейшему изучению и сохранению этого памятника. С праздником!

Анастасия Костюкевич (Республика Беларусь)

Здравствуйте коллеги, участники и гости конференции!

Меня зовут Анастасия Костюкевич. Я старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Республики Беларусь.

С Таджикистаном я познакомилась в 2016 году во время работы Международной археологической школы. Эта удивительная страна с ее историей, культурой и открытым, гостеприимным народом полюбилась мне с первого взгляда. Таджикистан — это центр искусства и ремесла, а также место пересечения многочисленных культурных и торговых путей. Даже в наших далеких городах мы порой находим предметы, чаще всего это фрагменты посуды и украшения, которые с большой долей вероятности были изготовлены именно в таджикских ремесленных центрах.

Таджикистан – это земля удивительных археологических памятников. На меня неизгладимое впечатление произвел древний Хульбук со своими мощными крепостными стенами и руинами дворцов. Поистине, это земля царей, земля, где вершилась история. Красота Таджикистана не оставит равнодушным никого. Величавые пики Памира, Чилдухтарон –

бирюзовые озёра, которые спят в обрамлении фруктовых садов, и аромат роз. Здесь на землях легендарных Согда и Бактрии встречались и сливались культуры, верования и народы, пересекались многочисленные торговые пути. В этой связи особенно нужно упомянуть Саразм – древнейшее поселение, отмечающее в этом году свой 5500-й юбилей.

Саразм – это древняя колыбель цивилизации не только Среднеазиатского Междуречья, но также и всего Ближнего Востока. За годы исследований на территории поселения были выявлены руины и остатки более чем 150 жилых зданий, одного зернохранилища и четырех храмов. В 2010 году этот уникальный памятник был включен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. И сегодня, по прошествии 55 веков Саразм представляет величественное и потрясающее зрелище. Простыми словами трудно описать эти желтые пепельные руины, синее стеклянное небо и горячий сухой воздух, на помощь приходит поэзия:

*Шелестят высокие чинары,
По камням, звеня, бежит ручей.
Небесам грозят, что дышат в жару,
Ветви старых тонких тополей.*

*Эти тропы, скалы и долины,
Калькою засыпанный овраг.
Вечно в дреме помнят и поныне,
Грозных армий македонца шаг.*

*Терпкий запах горных трав и пыли,
Диких слив на склонах пояса.
И навеки сердце мне пленили,
Древней Согдианы небеса.*

В заключении хочу пожелать всем уважаемым коллегам плодотворной работы, новых открытий и успехов на конференции. Я очень надеюсь, что все трудности скоро будут позади, и все мы встретимся на чудесной и гостеприимной земле солнечного Таджикистана. Всего доброго и до новых встреч!

Муҳаммад А.Н.- узви вобастаи АМИТ,
доктори илмҳои сиёсӣ, профессор

НАҚШИ ПЕШВОИ МИЛЛАТ ЭМОМАЛӢ РАҲМОН ДАР ЭҲӢИ ХОТИРАИ ТАЪРИХӢ ВА ТАҲКИМИ ДАВЛАТДОРИИ МИЛЛӢ

Дар таърихи давлатдорӣ тоҷикон Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ- Пешвои миллат, Президенти кишвар муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон аз зумраи шахсиятҳои бузурге маҳсуб меёбад, ки на танҳо дар ташаккули рушду нумӯи таърихи навини миллати тоҷик, соҳибистиклолӣ, созандагӣю бунёдкорӣ ва мустақилияти миллӣ корҳои арзишмандеро ба сомон расонидааст, балки барои ҳифзи хотираи таърихӣ ва таҳкими давлатдорӣ миллӣ хизматҳои шоёне намудааст, ки боиси эътирофу сарфарозии шаҳрвандони Тоҷикистон ва тоҷикони дунёст.

Мавриди қайд аст, ки фаъолияти меҳнатӣ ва зиндагиномаи Пешвои муаззами миллат Эмомалӣ Раҳмон ба эҳёи хотираи таърихӣ ва сарнавишти давлатдорӣ навини тоҷикон пайванди ногусастани дорад. Бояд гуфт, ки то ҳанӯз на ҳамаи паҳлуҳои фаъолият ва хизматҳои фидокоронаи Президенти кишвар дар самтҳои афзалиятноки таърихи кишвар, ташаккули худшиносӣ ва пос доштани хотираи таърихӣ таҳлилу таҳқиқ карда шудааст. Хусусан, масъалаи хотираи таърихӣ, ки то ҳанӯз дар бораи он баҳсҳои гуногуни илмӣ вучуд доранд ва нақши сарвари сиёсӣ дар эҳё ва ташаккули он рӯз то рӯз муҳиммияти худро ифода намуда истодааст, боиси пайдоиши андешаҳои наву тоза мегардад.

Ҳамин аст, ки сиёсати пешгирифтаи фарҳангии Президенти кишвар имрӯз намунаи беҳтарини фарҳангсолорӣ мебошад, ки барои эҳё намудани хотираи таърихӣ ва устувор намудани пояҳои маънавии худшиносӣ ва ҳувияти миллӣ дар кишвари мо заминаи воқеӣ гузоштааст. Дар ин замина дастоварду арзишҳои ниёгон, қалъаву кӯшкҳои сар ба фалаки мондагор, озодихоҳию ватанпарастӣ, китобдорию маорифпарварӣ, комёбиҳои қадимаи шаҳрдорӣ, ҳунармандӣ, чорводорию заминдорӣ, обкоррезҳои бузурги тоҷикӣ бузургтарин нишонаҳои соҳибтамаддун будани миллати тоҷик мебошанд, ки дар хотираи таърихӣ миллати мо нақши абадӣ доранд.

Аз ин ҷо, суоле ба миён меояд, ки хотираи таърихӣ чист ва чаро халқияту миллатҳо баъди ба даст овардани соҳибистиклолӣ ба он боз таваҷҷуҳи зиёдтар зоҳир менамоянд? Албатта посухҳо ба ин савол хеле гуногуну зиёд, вале мо онро ба тарзи фишурда чунин шарҳу баён намоем.

Ҳотираи таърихӣ, ин пеш аз ҳама, занчираи пайдарпайест, ки арзишҳои як наслро ба насли дигар баррасӣ карда метавонад. Дар ин раванд нақши шахсиятҳои бузург, элитаи сиёсӣ ва сарварон мақоми махсус дошта, ояндаи рушди миллату халқиятҳои таҳҷой бештар аз онҳо вобастагӣ дорад.

Бо иборати дигар хотираи таърихӣ, ин маҷмӯи донишҳо, арзишҳо ва таҷрибаҳои мебошад, ки устувории нисбӣ дошта, аз як насл ба насли дигар интиқол меёбад ва он бештар тасаввуроти рамзӣ дар бораи гузашта мебошад. Ба ҳар ҳол, имрӯз коршиносон дар бораи ду шакли хотира, хотираи қадима, яъне хотираи ҷомеаи анъанавӣ ва хотираи муосир, ки онро баъзан хотираи модерн низ мегӯянд сухан мегӯянд. Хотираи қадимӣ ин ҳамон хотираи анъанавӣ мебошад, ки ҳамеша ҳамсафари аҷдодии мардум аст. Хотираи муосир бошад, ин хотираи субъективӣ буда, афзалиятнокии он бештар дар хату ҳуччатҳо тасдиқи худро меёбад.

Аз ин рӯ, замоне ки мо дар бораи нақши Пешвои миллат чихати эҳёи хотираи таърихӣ ва таҳкими давлатдорӣ миллӣ сухан меронем, пеши назарамон хизматҳои бесобиқаи Ҷаноби Олӣ вобаста ба таҷрибаи арзишҳои мондагори ниёгон ва дастовардҳои замони соҳибистиклолӣ ҳувайдо мегарданд. Нақши Пешвои муаззами миллат дар эҳёи хотираи таърихӣ бештар дар он таҷассум меёбад, ки бо ибтиқору роҳбаладӣ ӯ тамоми иншоотҳои таърихӣю фаврҳангии кишвар аз нав таъмиру тармин ва эҳё гардида истодааст. Ба таърих, забон, фарҳанг, шахрсозиву шахрдорӣ ва ҳафриёту бозёфтҳои археологӣ кишвар тавачҷуҳо дастгирии зиёде намуда, ҳастии хешро барои пешрафти миллату кишвари азизамон Тоҷикистон бахшида аст.

Қобили зикр аст, ки чихати эҳёи хотираи таърихӣ ва бунёди давлатдорӣ миллӣ Пешвои миллат на танҳо дониши соҳавӣ, балки шуҷоату матонати вижа дорад, ки масъулияти бузурги таърихро дар арсаи байналмилалӣ ба зиммаи хеш гирифта тавонист. Танҳо эҳё ва баррасӣ намудани Соли тамаддуни ориёӣ ин нишонаи иродаи оҳанин доштани Ҷаноби Олӣ мебошад, ки дар барқарор намудани хотираи таърихӣ ва ҳақиқати ҳол хизматҳои бузурги олимонаю одилона намудааст.

Инчунин, Пешвои муаззами миллат Эмомалӣ Раҳмон дар замони соҳибистиклолӣ чун рамзи сипос ва эътирофу эҳтиром барои хизматҳои таърихӣ ба абармардони тоҷик Садриддин Айнӣ, Бобоҷон Ғафуров, Мирзо Турсунзода, Нусратулло Махсум ва Шириншоҳ Шотемур унвони баландтарини давлатӣ- Қаҳрамони Тоҷикистонро мушарраф гардонид. Ин амал агар, аз як ҷониб, барои хизматҳои шоёни онҳо ба миллат ва эҳёи хотираи таърихӣ бошад, аз ҷониби дигар, барои тарбияи насли наврас ва рушди соҳибистиклолӣ муҳиммиати хос дорад.

Бояд гуфт, ки дар байни собиқ роҳбарони авали Тоҷикистон танҳо муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон тавонист, ки бо як шучоатмандӣ хизматҳои ин шахсиятҳои таърихро ба чунин унвони олии кадр намояд.

Чуноне, ки Камолиддини Биноӣ фармудааст:

Касе к – ӯ шуд ба номи нек машҳур,

Пас аз маргаш бузургон зинда доранд.

Ҳамин аст, пас доштани хотираи таърихӣ, бедории миллӣ ва кадр намудани хизматҳои бесобиқаи фарзандони фарзонаи миллат.

Ҳамзамон, дар замони соҳибистиклолӣ бо ибтикор ва дастгирии Пешвои миллат таҷлили чашнҳои Исмоили Сомонӣ, Имоми Аъзам Абӯҳанифа, Имом Бухорӣ, Имом Ғазолӣ, Ҳаким Фирдавсӣ, Мавлонои Балхӣ, Носири Хусрав, Алии Ҳамадонӣ, Камоли Хучандӣ ва чанде аз дигарон гузаронида шуданд, ки ин ҳама нишонаҳои ҳифзи хотираи таърихӣ, пас доштани мероси ниёгон чихати рушду нумӯи илму фарҳанг мебошад.

Дар баробари ин, таъмири ёдгориҳои таърихӣ фарҳангӣ ва меъморий, аз ҷумла меъмории макбараҳои Зайналобиддин, Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ, Ҳазрати Султон, Хоча Аюби Ансорӣ, Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ, Хочаи Нур, қалъаҳои Хучанд, Балчувон, Муъминобод, Ҳисор, Карон, Санҷаршоҳ, Муғтеппа, Хулбук ва дигарҳо мавриди тавачҷуҳи Пешвои миллат гардида, барқарор намудани онҳо низ бо дастгирӣ ва хидояти Президенти кишвар роҳандозӣ гардидааст.

Аз ҷумла, қалъаи Хулбук, ҳам бо шарофату дастгириҳои Пешвои муаззами миллат Эмомалӣ Раҳмон баъди ҳазорсолаҳо аз нав таъмир гардидааст. Ин қалъаи таърихӣ маҳз ба хоҳири арҷгузорӣ ба таъриху фарҳанги ниёгон ва ҳифз намудани хотираи таърихӣ миллат таъмиру барқарор карда шудааст, ки имрӯз дар раванди таълиму тарбияи ватанпарварӣ ва худшиносии миллӣ нақши бориз дорад.

Инчунин, бо дастгирии Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон таҷлили 1100 - солагии давлати Сомониён, 2700 - солагии «Авесто», 2500 - солагии шаҳри Истаравшан, 2700 - солагии шаҳри Кӯлоби бостонӣ, 3000 – солагии шаҳри Ҳисори шодмон, Соли бузургдошти тамаддуни ориёӣ, 1310 - солагии Имоми Аъзам, 1000 - солагии Носири Хусрав, 650 - солагии Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ, 800 - солагии Ҷалолиддини Балхӣ, 1150 - солагии Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ, 100 - солагии Бобочон Ғафуров баргузор гардид, ки барои ҳифзи хотираи таърихӣ ва бузургдошти шахсиятҳои мондагори миллат иқдоми бузургӣ таърихӣ сиёсӣ мебошад.

Бояд тазаққур дод, ки нақши Пешвои миллат дар эҳё намудани бостоншиносии тоҷик низ мақоми пурарзиш дорад. Бо иқдому дастгирии Ҷаноби Олии соли 2010 Саразм ба Феҳристи мероси

фарҳангии умумибашарию ЮНЕСКО дохил карда шуд. Маълум аст, ки таърихи Саразм таърихи қадимаи аҷдодони ориёнасли мо буда, аз ҳазораҳои IV – и пеш аз мелод сарчашма мегирад ва барои миллати тоҷик ифтихори бузурги кӯҳандиёрӣ ва шахрдориро баррасӣ менамояд. Мавриди қайд аст, ки моҳи майи соли 2019 бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон 5500- солагии Саразми бостонӣ қабул гардид.

Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба мероси таърихӣ кишвар, хусусан ёдгориҳои безаволе чун Саразм, Фархор, Хулбук, Қангуртут, Муъминобод, Ҳисор, Ямчун, Карон, Золи Зар, Тахти Сангин, Ачинатеппа, Қаблаи Хучанд, Мугтеппа, Хисораи Мастчоҳ, Кулдараи Ховалинг, Данғара, Ёдгориҳои Лағмон, Қаблаи кӯҳи Муғ ва дигар ёдгориҳои кишвар диққати махсус дода, нақши онҳоро дар ҳештаншиносӣ ва фарҳангсолорӣ ҳамеша таъкиду баррасӣ менамояд, ки ин ҳама дар эҳёи хотираи таърихӣ ва таҳқими давлатдории миллӣ мақоми барҷастаю созанда доранд.

Аз ин рӯ, миллати тоҷик ба Президенти муаззами созандаву бунёдкори худ барои шуҷоати бузург дар ҳифзи хотираи таърихӣ ва бунёди иншоотҳои бузурги аср НОБ-и Роғун ва дигар нерӯгоҳҳои кишвар, кушодани нақбҳои пулҳо, сохтмони роҳҳои заминӣ ва паҳнбари оҳан ва дигар бунёдкориҳои бемисл арзи спос дорад.

Дар баробари ин, ҳамчунин таҷлили Соли тамаддуни ориёӣ, истиқболи чашни Наврӯз, эҳёи намудани чашнҳои Сада, Мехргон ва Тиргон, рӯи чоп овардани асарҳои таърихӣ «Тоҷикон дар оинаи таърих», «Аз Ориён то Сомониён», «Сарнавишти миллати соҳибтамаддун», «Истиқлолияти Тоҷикистон ва эҳёи миллат», «Ҷеҳраҳои мондагор», «Забони миллат- ҳастии миллат», «Уфукҳои Истиқлол» ва дигар амалҳои миллатсозию давлатдориашон боиси ифтихору эҳтироми самимӣ ва қаноатмандӣ барои ҳар як тоҷику тоҷикистонӣ ба шумор меравад.

Дар воқеъ, ин ҳама амалҳои созандагиро бунёдкорӣ мақоми Пешвои муаззами миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмонро дар ҳифзи хотираи таърихӣ ва таҳқими давлатдории миллӣ боз ҳам устувору кавитар намуда, эътибори Ҷаноби Олиро ҳамчун Сарвари тоҷикони қаҳон боз ҳам дар арсаи байналмилалӣ машҳуру афзун мегардонад.

Ҳамин тавр, вобаста ба мавзӯи ва истиқболи 5500- солагии таҷлили чашни Саразми бостонӣ ва таҳқими давлатдории миллӣ пешниҳодҳои зеринро манзур менамоем:

1. Барои эҳёи хотираи таърихӣ ва таҳқими давлатдории миллӣ пешниҳод менамоем, ки тамоми дастовардҳои замони соҳибистиқлолиро ба саъю талош ва хизматҳои бесобиқаи Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ Пешвои миллат, Президенти кишвар муҳтарам

Эмомалӣ Раҳмон вобастаю пайваста дониста, дар ташвиқу тарғиб ва ҳифзи онҳо ба хотири муттаҳидӣ, ҳувиятсозӣ ва рушди Тоҷикистони азиз ҳиссагузор бошем.

2. Пешниҳод карда мешавад, ки дар кӯҳандиёри Саразм муҷассамаи кашшофи ин шаҳри бостонӣ, доктори илмҳои таърих, прафессор Абдуллоҷон Исҳоқов ҳамчун рамзи эҳтиром ва поси хотири олимону донишмандон барои дастовардҳои илмӣ ва муаррифии миллату сарзамини тоҷикон гузошта шавад.

3. Дар радифи Саразми бостонӣ вайронаҳои шаҳри Панҷакенти қадимӣ қомат афрохтаанд, ки онҳо шоҳиди истилои араб, сухтану ба яғмо бурдани сарвату арзишҳои маънавии миллат мебошанд. Мавриди қайд аст, ки то ҳанӯз дар зери вайронаву сағонаҳои ин шаҳр асрори нухуфтаи миллати тоҷик маҳфуз аст. Бинобар ин, пешниҳод менамоем, ки шаҳри Панҷакенти қадима ҳамчун шаҳри пур аз хотираи таърихии миллати тоҷик то замони аз нав таъмир намудан бо болопӯши махсус ҷиҳозонида шавад. Бо ин амал, мо на танҳо вайронаҳои пурасрори кишварамонро мепӯшонему онҳоро аз ҳар гуна офатҳо эмин нигоҳ медорем, балки хотираи таърихии миллати хешро эътирофу эҳтиром ва ҳифз менамоем.

4. Вобаста ба бозёфтҳои нави Саразми бостонӣ пешниҳод менамоем, ки масъалаи ҳафрии обкоррезии Саразм аз нав мавриди таҷлили назари бостоншиносон қарор дода шавад. Зеро ки аз қадимулайём сохтмони обкоррезии касби аҷдодии ниёғони мост ва гумон меравад, ки таърихи дигар обкоррезии ҷаҳон низ бевосита ба ин шаҳри қадимаи ориёнаждон вобастагӣ дорад.

**УБАЙДУЛЛО Насрулло Каримзода, д.и.т., профессор,
директори Институти таърих,
бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи А.Дониши АМИТ**

САРАЗМ ВА НАҚШИ ОН ДАР ТАМАДДУНИ ОСИЁИ МАРКАЗӢ

Фазои озоди замони Истиқлолият ба пажӯҳиши таърихи пурошӯбу пурҳаводиси тоҷикон роҳи фароҳу муҳити созгорро баҳри рӯ овардан ба ғояҳо ва арзишҳои миллӣ, оину суннатҳои аҷдодӣ, эҳёи низоми давлатдорӣ миллӣ ва пайдо шудани назари жарф ба таъриху тамаддуни тоҷикон муҳайё намуд. Роҳнамо ва таҷаддудгари мафкураи миллӣ дар омӯзиши масоили мазкур пеш аз ҳама Пешвои муаззами миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон маҳсуб меёбанд, ки маҳз тавассути фарҳанги давлатдорӣ Сарвари давлат пас аз Сомониён дар таърихи миллати тоҷик баъди чандин аср манофеъ ва аҳдофи миллӣ дар сиёсати давлат мақоми калидӣ ва меҳварӣ пайдо намуд.

Таҷлили санаҳои муҳими таърихӣ, баргузориҳои ҷашни чехраҳои мондагори миллат ва шаҳрҳои бостонию ёдгориҳои нодири таърихӣ, ки бо ҳидояту ташаббуси пайгирони Пешвои муаззами миллат баргузор мегарданд, гувоҳи арҷгузорӣ ва эҳтиром ба гузаштаву имрӯзаи миллат мебошад. Ҷашнгирии 5500-солагии шаҳри Саразми бостонӣ, ки ба рӯйхати ҷашнвораҳои ҷаҳонии ЮНЕСКО дар солҳои 2020-2021 шомил шудаасту ин шабу рӯз баргузор мегардад, боз як ташаббус ва ибтикорот дар роҳи таҳкими худшиносии таърихӣ ҷомеаи кишвар аст.

Воқеан эҳё ва азнавбарқарорсозию муаррифии яке аз нодиртарин ёдгориҳои минтақаи Осӣи Марказӣ - шаҳри Саразми бостонӣ арзишмандтарин бозёфти илми бостоншиносии тоҷик дар даҳсолаҳои маҳсуб меёбад. Саразм ёдгориҳои аҳди энеолит ва ибтидои асри биринҷӣ дар Осӣи Марказӣ буда, ба миёнаи ҳазорсолаи IV ва ибтидои ҳазорсолаи III то мелод мансуб аст, ки дар ин давра тамаддуни кишоварзӣ, ҳунармандӣ ва шаҳрсозии тоҷикон ибтидо мегирад. Ин ҳулосаи илмӣ дар заминаи таҳқиқоти тӯлонии олимони ватанию хориҷӣ дар чандин ҳамоишҳои байналмилалӣ иброз гардид ва вобаста ба таърих ва пажӯҳиши он силсилаи асарҳову мақолаҳои зиёди илмӣ-таҳқиқотии олимони ватанию хориҷӣ бо забонҳои гуногун ба ҷоп расидааст. “Сарчашмаҳои таърихӣ гувоҳи медиҳанд,- таъкид менамоянд Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон,- ки бозёфтҳои маданияти қадимаи халқи тоҷик ба ҳазорсолаи чоруми то мелод мансуб буда, аввалин шаҳрҳову нахустин давлатҳои таърихӣ мо

дар ҳамин сарзамин ба вучуд омадаанд, ки намунаи беҳтаринашон шаҳраки қадимаи Саразм мебошад”.

Осори давраи энеолит ва асри биринҷӣ бо теъдоди зиёд аз бисёр манотиқи Осиёи Марказӣ дарёфт шудаанд. Ба андешаи олимони маҳз дар ҳамин давра ташаккули ду шакли комили хоҷагию фарҳангии Осиёи Марказӣ – шакли хоҷагидории муқимӣ-кишоварзӣ ва чорводорӣ-сахроӣ (кӯчӣ) анҷом мепазирад ва раванди ниҳоят муҳими таърихӣ-ташаккули истехсолоти махсусгардида ба шоҳаҳои гуногун, ба вижа кишоварзӣ, чорводорӣ, хунармандӣ ибтидо мегирад (ниг.: Негматов Н. Таджикский феномен: теория и история, 1997, сах.,32-33). Пас аз инкилоби неолитӣ ва таҳаввулоти ҷиддии дар аҳди энеолит ва асри биринҷӣ ба вуқӯ омада, муносибати ҷамоаи инсонӣ ба муҳити атроф, табиат, пеш аз ҳама мавриди истифода қарор додани муҳити экологии барои зиндагии муқимӣ мувофиқ ба кулӣ тағйир меёбад. Ин таҳаввулот ибтидои ташаккули минтақаҳои таърихӣ-фарҳангӣ, марказҳои калони аҳолинишин (нахустшаҳро) ва равандҳои созандаи этнос гардид.

Саразм, ки соли 1976 аз тарафи А. Исҳоқов кафш гардид, 15 км ғарбтар аз шаҳри Панҷакат ҷойгир буда, аз ҷиҳати мавқеи ҷуғрофӣ шимолтарин бошишгоҳи шакли маданияи муқимии кишоварзии минтақаи Осиёи Марказӣ мебошад. Тамаддуни Саразм наздики 1500 сол идома ёфта, марҳалаи рушд ва нумӯи он ба давраи охири энеолит ва ибтидои асри биринҷӣ ҳазораи IV -III пеш аз милод рост меояд.

Таърихи аввалин нишон доданд, ки масоҳати ёдгорӣ на кам аз 100 гектар аст, вале мутаассифона пас аз таназзули Саразм дар давраҳои баъдӣ таърихӣ ин ҳудуд аз нав ба сифати макони зист интиҳоб шудаву боиси аз байн рафтани зиёда аз 40 гектари масоҳати ёдгорӣ гардидааст. Тахминан ҳудуди 35 гектари берун аз маҳали зист мондаи ёдгорӣ, ки он низ ба сифати ҷароғоҳ ё замини кишти лалмӣ истифода мешуд, низ боиси пурра аз байн рафтани қабати болоии маданияи ёдгорӣ гардидааст.

Таҳқиқ ва омӯзиши Саразм аз ибтидо натиҷаҳои назарраси илмӣ ба бор оварда, аз таърихи хеле қадимаи ин ёдгорӣ шаҳодат меод. Ва маҳз ҳамин натиҷаҳо боиси таваччуҳи аҳли илм ва пеш аз ҳама бостоншиносон ба ин ёдгорӣ гардида, дар кутӯҳтарин муддат Саразм ба маркази бонуфузи ҳафриётӣ ва таҳқиқотии сатҳи ҷаҳонӣ табдил ёфт.

Ёдгории Саразм пеш аз ҳама аз чанд ҷиҳат таваччуҳи мутахассисони ватанию хориҷиро ба худ ҷалб намуд. **Аввалан** Саразм нисбат ба дигар ёдгориҳои ҳампои худ дертар, дар даҳсолаҳои охири қарни 20 кашф гардид ва тасаввуроти илмиро доир ба ҳудуди паҳншавии осори аҳди энеолит ва асри биринҷӣ дар минтақаи Осиёи

Марказӣ ва умуман тамаддуни муқимии кишоварзӣ комилан дигаргун сохт.

Дуюм, аз лиҳози хронологӣ ин шаҳри қадимаи давраи мису биринҷӣ аст, ки 3500 сол пеш аз мелод ба миён омада то охири ҳазораи 2-и пеш аз мелод арзи вучуд намудааст. Муҳаққиқи Саразм А. Исоқов қабатҳои асосии ёдгори ва санаи аниқи мавҷудияти онҳоро тибқи усули ҳисоби радиокарбонӣ мушаххас намуда, чор давраи маданияи ин шаҳри бостониро муайян намудааст: Саразм I солҳои 3500-3200, Саразм II - 3200-2900, Саразм III - 2900-2700 ва Саразм IV -2700-2000-и то милод. Агар давраи аввал бо биноҳои духучра ва сеҳучраи дар атрофшон амборҳои долоншакл фарқ кунад, давраи дувум бо маҷмуи биноҳои истиқоматии дорои як чанд ҳучра, бо кӯчаву паскӯча ва ҳавлиҳои ба шакли амиқ ҷудо гардида, маълум аст. Давраи сеюм бо сохтмонҳои монументалии хусусияти ҷамъияти дошта, иморатҳои бузурги маъмурӣ, қасру кӯшкҳо ва ибодатгоҳҳо, анборҳои калони захиравӣ ба таври ошкор айён аз дигар қабатҳо фарқ менамояд. Давраи чорум марҳалаи тадриҷан холишавии Саразм буда, иморатҳо ва сохтмонҳои ин давра хусусияти муваққатиро соҳиб мебошанд.

Сеюм, аз лиҳози ҷуғрофӣ Саразм дар мавқеи муҳими стратегии Осиёи Марказӣ - дар оғози сарғахи водии Зарафшон қарор гирифтааст. Ин мавзеест, ки болооби Зарафшонро бо ҳавзаи поёноби он пайваст намуда, дорои имкониятҳои васеъ барои пешрафти кишоварзӣю чорводорӣ мебошад.

Чорум, шаҳри Саразм дар дуртарин нуқтаи самти шимолу шарқии ташаккулёбии тамаддуни муқимӣ ва шаҳрнишини минтақаи Осиёи Марказӣ ҷойгир буд. Новобаста аз ин дар ҳазораи IV ва III-и пеш аз мелод Саразм дар байни тамаддунҳои пешрафта ва равобити муназзами байни онҳо, ҳамчун шимолтарин нуқтаи паҳншавии маданияти кӯҳани кишоварзӣ мақоми худро соҳиб буд.

Панҷум. Саразм на фақат яке аз марказҳои қадимтарини тамаддуни кишоварзӣ, ҳунармандӣ ва шаҳрсозии Фароруди Осиёи Марказӣ, балки тамоми минтақаи Шарқи Наздик, Афғонистон, Эрон, Покистон ва Ҳиндустон ба шумор меравад.

Шашум. Хусусияти дигари ҷолиби Саразм боз дар он аст, ки дар ин ёдгори дар як вақт самтҳои гуногуни тамаддуни инсонӣ, аз қабилҳои кишоварзӣ, ҳунармандӣ, маъдангудозӣ, шаҳрсозӣю шаҳрдорӣ тавҷам рушд намудаанд. Рафти пажӯҳиши бостоншиносӣ ва дарёфти осори таърихӣ зиёда аз 40-солаи ёдгори доир ба рушди ҳар як соҳа имрӯз далелу асноди раднопазир манзур менамояд.

Маданияти саразмиён ибтидо ва асоси тамаддуни кишоварзӣю ҳавзаи байни Сиру Ому махсуб ёфта, рушди он ба охири ҳазорсолаи III

пеш аз милод, ба замони сохтани олоти меҳнат аз мису биринҷӣ рост меояд. Ин ихтироот имкон дод, ки онҳо на танҳо талаботи худро бо маҳсулоти кишоварзӣ таъмин намоянд, балки қисми онро ба мубодилот бароранд. Ба ин се хамбаи ғалланигоҳдории ҳафриёти III, ки метавонад то 75 тонна ғалларо дар як вақт нигоҳ дорад, шаҳодат медиҳад. Умуман маълум гардид, ки он вақт саразмиён дар рӯзгори хеш 8 намуди ғалладонро истифода мекардаанд.

Мутахассисони франсуз Р. Безенвал, В. Кокс ва А.П. Франкфорт аниқ намуданд, ки саразмиён ҷавгандум, мушунг, арзану нахӯди кӯҳӣ кишт мекардаанд. Низоми обёрии онҳо низ хеле мукаммалу мурабтаб будааст, ки осори каналу ҳавзҳо ва дигар иншооти обёрӣ ба таври амиқ аз ин гувоҳӣ медиҳанд. Ба ин мавзъе он замонҳо аз доманаи қаторрӯхҳои Зарафшон тавассути дараҳои Қирарча, Шӯрнова ва сойи Мӯрчаҳо дарёчаҳо мефаромаданд. Мутахассисони Тоҷикистону Хитой дар худуди ёдгорӣ бо истифода аз технологияи муосир тарҳи дарёча ва ҳавзҳои, ки дар қадим ин шаҳрро шодоб мекарданд, пайдо намуданд.

Бозёфти 150 хонаҳои истиқоматӣ, 4 муъбади оташпарастӣ, як анбори ғалланигоҳдорӣ, як бӯстонсаро аз он шаҳодат медиҳад, ки саразмиён яке аз аввалин муҳандисони минтақа буда, чор намуди аз ҳамдигар фарқкунандаи сохтмони биноҳоро медонистаанд ва ҳар яки он аз ҷиҳати сохт, тартиби ҷойгиршавӣ, санъати меъмори ва тарзи истифодабарӣ аз ҳамдигар фарқ доштанд. Ду ибодатгоҳи то имрӯз пайдо карда шуда, аз ҷиҳати нақша ва ҳам ороишу шакли оташгоҳ аз чунин иморатҳои давраи энеолити дигар мавзъҳо ба кулӣ фарқ мекунанд. Яке аз ин ибодатгоҳҳо дорои се сачдахона бо оташгоҳҳои чоркунҷа дар мобайн ва 6 хонаи истиқоматию ёрирасон буда, масоҳати умумии он дар маҷмуъ 150 метри мураббаъро ташкил медиҳад. Деворҳои ибодатгоҳҳо гиландова шуда, бо нақшҳои гуногуни ранга ороиш ёфтаанд.

Шакли мукаммали қаср ё бӯстонсарои саразмиён аз ҳафриёти V дарёфт шудааст, аз рӯи сохт ва намуди дохилию берунӣ яке аз боҳашаматтарин иморати ин ёдгорӣ маҳсуб меёбад. Иморатҳо асосан аз поҳса ва хишти чоркунҷаи дароз, ки то имрӯз аз ҷиҳати андоза се намуди он дарёфт шудааст, бино ёфтаанд.

Ҷойгиршавии иморатҳо, кӯчаву тангкӯчаҳо, ҳавлиҳои кушод, кӯчаҳои аз завқи баланди фарҳанги шаҳрсозии саразмиён шаҳодат медиҳанд. Дар заминаи ин бозёфтҳо метавон хулоса намуд, ки маҳз дар охири ҳазорсолаи III то милод саразмиён ба ташаккули фарҳанги шаҳрсозии минтақа ибтидо гузоштаанд. Хунари шаҳрсозию шаҳрдории саразмиёнро минбаъд ниёкони бузурги мо ба таври мукамал сайқал дода, садҳо шаҳрҳои бузурги дигарро дар Осиёи Марказӣ бунёд намудаанд.

Либосҳои занона, мӯҳраҳои нозуконаи аз фирӯза, лочувард, ақиқ, яшм ва оҳаксанг сохта шуда, каллапӯши бо мӯҳраҳои нукрагин, 49 мӯҳраи тиллоӣ ва дигар ороишоти аз қабри «Маликаи Саразм» дарёфт шуда, на танҳо аз мақоми зан дар ҷомеаи онвақтаи Саразм маълумот медиҳанд, балки беҳтарин нишонаи рушди ҳунармандӣ дар ин шаҳр мебошанд. Намунаи дигари ҳунармандии саразмиён ин маъдангудозӣ буд, ки дар охири ҳазорсолаи IV то милод ин шаҳрро ба яке аз марказҳои бузурги истехсоли филизот табдил додааст. Ҳангоми ковишҳо аз ин ҷо асбобҳои гуногуни маъдангудозӣ, қолабҳо барои рехтани олоти силоҳ, аз ҷумла олоти мисӣ, биринҷӣ, сурб, нукрагӣ ва тиллоӣ дарёфт шуданд.

Оташдони дуқабатаи сафолпазӣ ва сохти махсуси он, ки куллолони саразмӣ дар аввали ҳазорсолаи III пеш аз милод сохта ва истифода мебуданд, дарёфти бозубанд, шаддаҳои тиллоӣ, ҷому марҷонҳои нукрагӣ, оташгоҳҳои мудаввару чоркунҷаи муқаддас, ҳайкалчаҳои одаму ҳайвоноти аз гилу санг сохташуда ва нақшҳои сеҳрноки дар танҳои девору зарфҳо кашидашуда аз дараҷаи баланди рушди ҳунармандӣ ва фарҳанги маънавии саразмиён хабар медиҳанд.

Услуби нақшу нигори рӯи сафоли зарфҳои Саразм ба услуби ҷанубу шарқии Туркменистон ва Балучистону Систон алоқамандӣ дорад. Вале, муҳим он аст, ки ҳунармандони Саразм аввалин шуда, дар минтақаи шимолу шарқи Осиёи Марказӣ ба нақшбандии зарфҳо шурӯъ намудаанд. Зарфҳои гилӣ аз рӯи намуди беруниашон ба зарфҳои нақшдор ва бенақш, зарфҳои нақшбини дуранга ва серанга тақсим мешаванд. Саразмиён ба воситаи ҷархи кулолӣ коса, табақ, ҷом, пиёла, кӯза, хурма сохта, бо ранги сиёҳ, қирмизӣ, сурх, гулобӣ ва зардча онҳоро оро медоданд.

Ҳафғум. Саразм дар марҳалаи гузариш аз ҳазораи IV ба ҳазораи III яке аз марказҳои муҳимми омезиши фарҳанги аҳди бостон буд. Нигораҳои ба даст омада аз ин мавзеи таърихӣ аз алоқаи маданият тичоратии Саразм бо марказҳои фарҳангии ҳамҷавори худ, ки дар ҳудудҳои имрӯзаи Афғонистон, Покистон, Ҳиндустон ва Эрон ҷойгир буданд, шаҳодат медиҳанд. Дар ҳафғиёти Саразм дарёфт шудани зару зеварҳо ақиқ, лочувард, фирӯза, яшмо ва устухонҳои гушмоҳиҳои баҳрию укёнусӣ сохташуда, ки аз Эрон, Балучистон, Ҳиндустон ва Бадахшон оварда шуда буданд, далели ин андешаанд.

Ҳамин тавр дар таҷа ба асноди қавии имрӯз дар даст будани бостоншиносӣ ва таҳлилу андешаи мутахассисони ҳирфай метавон хулоса намуд, ки Саразм дар сарғаҳи ташаккули тамаддуни кишоварзӣ, ҳунармандӣ, шаҳрсозию шаҳрдорӣ ва маъдангудозии Осиёи Марказӣ меистад. Ин тамаддун дар радифи тамаддунҳои ҳамҷавою ҳамҷавори худ

заминаи муътамади рушди фарҳанги моддию маънавии тамоми қораи Осиёи Марказӣ дар замонҳои баъдина гардидааст.

Тибқи маълумоти бостоншиносӣ таназзул ва тадриҷан макони зисти худро тағйир додани саразмиён тақрибан дар ибтидои ҳазорсолаи II то милод ба вуқӯъ меояд. Иллати асосии онро то имрӯз муҳаққиқон ба таври мушаххас муқаррар накардаанд, вале эҳтимолият бар он аст, ки маҳз хушксолӣ боиси тарки макони аслии зисти ин мардуми хунарманд гардидааст. Аммо бо ҳамин ин маркази бузурги тамаддун хомӯш нагардидааст, балки он баъдан дар мисоли шаҳрҳои марказҳои бузурги минтақа, пеш аз ҳама Самарқанду Бухоро, Панҷакенти қадим рушд ёфтааст. Ёдгориҳои бозёфтшуда аз Панҷакент ва дигар мавзеъҳои ҳавзаи Зарафшон ва тамоми минтақаи Осиёи Марказӣ ба ин гувоҳӣ медиҳанд.

*ҲАЙДАРШО ПИРУМШОЕВ, узви вобастаи АМИТ,
сарҳодими илмии Институти таърих,
бостонишиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.Дониш*

АНЪАНАҲОИ ТАЪРИХИИ ШАҲРСОЗӢ ВА ШАҲРДОРИИ ТОЧИКОН

Ба таърихогаҳон маълум аст, ки шаҳрсозӣ муҳимтарин инъикосгари фарҳанги моддию маънавӣ ва нишондиҳандаи нақши ҳар халқу давлат дар тамаддуни минтақавӣ ва умумибашарӣ ҳисоб меёбад. Боиси ифтихор аст, дар ин чода мавқеи назарраси халқи тоҷик дар сатҳи ҷаҳонӣ эътироф шудааст. Кашфи Саразм ин рисолати таърихии тоҷиконро боз қавитар намоиш дод.

То кашфи Саразм, олимон, ба бозёфтҳои бостонишиносӣ така карда, дар минтақаи Осиёи Миёна ва Эрони Шарқӣ шаҳрсозиро дар мисоли деҳаҳои калони бинои арқдор, ки дар қисмати ҷануби-ғарбии Туркманистон ва Хоразм ба аввали ҳазорсолаи I пеш аз мелод рост меояд, нисбат меоданд¹. Бояд қайд кард, раванди шаҳришавӣ ё анъанаи шаҳршиноӣ (урбанизатсия) ба тақсмоти меҳнат, ки аз таъмини ҳамзистии зироаткорони муқимӣ ва кӯчиён-чорводорон, рушди истеҳсолоти ҳунамандӣ, хусусияти молӣ пайдо кардани истеҳсолот ва дар ин замина пайдоишу рушди муносибатҳои бозаргонӣ вобастагии амиқ дорад.

Ақидаи олимон то кашфи Саразм бар он буд, ки авалин давлати то Ҳахоманишии тоҷикон дар Осиёи Миёна шоҳигарии Бохтар ҳисоб меёбад, ки давраи аввали ҳокимияти Кавӣ ба солҳои 900-775 пеш аз мелод ва замони Виштосп ба нимаи дуюми асри VII пеш аз мелод рост меояд. Зардушт дар қасри шоҳ Виштосп, сукунат ихтиёр кард². Ҳамин мавҷудияти давлатдорӣ ва бинои арқ ё қаср нишондиҳандаи равшани шаҳршиноӣю шаҳрдорӣ ин халқи бостон то замони салтанати Ҳахоманишиҳо ҳисоб меёбад.

Кашфи Саразм, ин санадгузории оғози шаҳрсозии тоҷиконро ба таври расмӣ ба кулӣ таъғйир дод. Абдуллоҷон Исоқов, ки аз оғози

---

¹ Массон В.М. Проблема древней Бактрии и новый археологический материал // Советская археология. – 1958. - № 2. – С. 59 ва баъди он; Ҳамчунин ниг. ҳамин муаллиф. Древнеземледельческая культура Маргианы // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1959. - № 73. – С. 52, 126 и сл. ; Дьяконов М.М.Сложение классового общества в Северной Бактрии // Советская археология. – Т. 19. – 1954. – С.121-140.

² История таджикского народа. – Т. I. Древнейшая и древняя история. – Душанбе, 1998. – С. 241.

кашфи Саразм, яъне аз 13 сентябри соли 1976 дар ин мавзеи муқаддас ғаъолият бурда, то вопасин рӯзи ҳаёташ – 3 августи соли 1997 он идома доштааст, дар асоси далелҳои бозғитимоди бостоншиносии дар ин ҷо ба даст оварда, ибтидои оғозӣ шахрсозию шахрдории тоҷиконро дар ҳадди 5 500 сол муайян намудааст. Ин дарвоқеъ кашфиётест, ки диди олимони ватанӣ, минтақа ва сатҳи ҷаҳониро доир ба таърихи шахрҳои Осиёи Марказӣ комилан дигар кардаву чи тавре мегӯянд ҳақро ба ҳақдор расондааст.

Ба ақидаи мутлақо асосноки А.Исоқов “ин шахр дар давраи энеолит охири асри санг ва оғози асри биринҷӣ дар мавзеи Саразм бо номи Саразм пайдо шудаву қариб ҳазор сол дар тӯли ҳазорсолаҳои IV-III пеш аз мелод маркази тамаддуни водии Зарафшон буд”³. Дар ин гуфтаҳо хоксориву фурутанӣ ба ин олим хос бараъло ба назар мерасад. Саразми бостониро на танҳо чун “маркази тамаддуни водии Зарафшон”, балки Осиёи Марказӣ номидан, баёни ҳақиқати воқеъи буда метавонад.

Дар воқеъ, ҳафрийи Саразм бисёре аз ҷузъиёти барои шахр хосро кушод, ҳарчанд ҳуди А.Исоқов таъбири “тошаҳрӣ” (протогород)-ро мавриди истифода қарор додааст. Ин ақидаи бостоншинос то андозае асоси илмӣ дорад. Дар замоне ки табақабандии иҷтимоӣ дар ҷомеа ба худ равшан ҷой наёфтааст ва нишондиҳандаҳои барои иттиҳодияи қабилавӣ хос барои бо тамоми мафҳумаш ташаккули пурраи шахр имкон намедихад, истифодаи таъбири “тошаҳрӣ” иштибоҳи илмӣ буда наметавонад.

Вале бо назардошти он, ки тарҳи шахрӣ дар ҷузъиёти ба бостоншиносон дастрас шуда, аз қабили мавҷудияти қаср ё бинои ҳокимнишин, маъбад – биноҳои ба роҳибони соҳибнуфуз хос, маҳаллаву кӯчаҳо ва манзилгоҳҳои сокинон, биноҳои нигоҳдошти озуқа, растаҳои хунармандону тоҷирон, нуқтаҳои табодул ё савдои молу маводи аз дигар кишварҳо ба ин ҷо оварда, иншоотҳои обтаъминкунанда ва ғайра нишондиҳандаҳои ба шахр хос буда, ба хулосае меорад, ки онро деҳаи бузург, балки чун нишондиҳандаи одии шахрсозӣ ва элементҳои шаҳришавии қадима, эътироф намоем. Аз ин рӯ, беҳтар мебуд, ки ба ҷои ибораи тошаҳрӣ (протогород) мафҳуми “нахустшаҳр” ё “шаҳри қадима”-ро истифода бурдан, ба мақсад мувофиқ буда метавонад. Ин то андозае ба диди В.М.Массон мувофиқат мекунад. Ин муҳаққиқи шинохта, ду зинаи шаҳришавиро (урбанизатсия) муайян намудааст: Шарқи қадим (охири ҳазорсолаи III – миёнаи ҳазорсолат I то милод) ва

---

³ Исоқов А. Саразм оғози тамаддуни тоҷикон. – Душанбе: “Дониш”, 2018. – С. 251.

антиқа – асрҳои III то милод – IV-V милодӣ)⁴, ки ҳардуи ин давраҳо омӯзиши махсусро талаб мекунад.

Бо назардошти он, ки доир ба ҳафриёту бозёфтҳо ва арзиши таърихии Саразм маърузаҳои мушаххаси мутахассисони соҳа бахшида мешавад, ба таври хеле мухтасар ба масъалаи анъанаҳои таърихии шаҳрсозӣ ва шаҳрдории тоҷикон гузаштан ба мақсад мувофиқ аст.

Бо назардошти пайдоиш ва шаклгирии давлатҳо ва аввалин нишондиҳандаҳои мақоми шаҳр дар қаламрави форс, хосатан Осиёи Миёна донишманди саршиноси фарҳанги Эрону Осиёи Марказӣ, Ричард Фрай чунин таъкид намудааст: “Оё мо метавонем иддао кунем, ки сохтори иҷтимоии Авесто то замони Ҳахоманишиён идома дошт? Дар Авесто мо хонавода, асоси ҷома ва болотар аз хонавода қавм ва болотар аз қавм қабиларо пайдо мекунем. Дар замони пас аз Куруш дар форс қавм аҳамияти худро аз даст дод ва қabila ба ҳукумати вилоят ё сатрап (шаҳраб) тобеъ карда шуд ва кишвар ё давлат, ки болотар аз сатрап қарор дошт, рамзи садоқат ва худшиносӣ гардид”⁵. Ҳар чанд дар ин ҷо бевосита сухан дар бораи шаҳр бо маънии том намеравад, аз мантиқи он бармеояд, ки кишварҳои офаридаи Ахура Маздо: Аирианам Ваечах, Гава (макони сугдиён), Моуруи (Марв), Баҳди (Бохтар), Нисайа (байни Марву Бохтар), Ҳарайва (Ҳирот) ва ғайра, ки дар боби аввали “Видевдат”-и Авесто нишон дода шудаанд, бе маркази сиёсиву динӣ буда наметавонистанд. Албаттта сохтори маъмурии давлати бузурги Ҳахоманишиҳо ва сатрапҳои он низ бе чунин марказҳои сиёсиву динӣ ва иқтисодиву фарҳангӣ буда наметавонистанд. Ин худ то андозае аз таъсиргузории ҷомаи Авестоӣ, аз ҷумла зарурати шаҳрдорӣ ба империяи Ҳахоманишиҳо ва дар ин ҳамбастагӣ ба Осиёи Миёна гувоҳӣ медиҳад.

Бо мурури рушди хунармандӣ ва тичорат дар мавзёҳои муқиминишини Осиёи Миёна дар асрҳои VI-V пеш аз милод дар баробари деҳаҳои хурд, нуктаҳои калони аҳолинишини шабеҳи шаҳр

---

⁴ См.: Массон В.М. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии. Тез. Докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. – Ташкент, 1973. – С.36-37; Хамин муаллиф. Алтиндепе // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. – Л., 1981. – Т.18. – С. 91-130-131; Хамин муаллиф. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИАМатериалы и исследования по археологии СССР. – М.: Л., 1959. - № 73; Он же. Протогородская цивилизации в Средней Азии // Советская археология. – 1967. - № 3; Хамин муаллиф. Формирование древней цивилизации в Средней Азии и Индостане. – Древние культуры Средней Азии и Индии. – Л., 1984. – С. 61-62; Хамин муаллиф. Первые цивилизации. – Л., 1989. – С.172-173 ва дигарҳо.

⁵ Фрай Ричард Нелсон. Мероси Осиёи Марказӣ. Аз замони бостон то истилои туркҳо. Тарҷума аз англисӣ Баҳриддин Ализода. – Душанбе, 2000. – С.96.

пайдо шуда, ба марказҳои хунармандиву тичоратӣ табдил меёфтанд. Мисоли равшани он дар Бохтар ва Соғд ба назар мерасид. Шаҳрҳо дар ин давра нишондиҳандаи маркази воҳаҳои васеи зироаткорӣ, қароргоҳи доимии ҳокимон, нуқтаи муҳиму муайянкунандаи истехсолоти хунармандӣ ва муносибату фаъолияти бозаргонӣ ҳисоб меёфтанд.

Аз рӯи маълумотҳои хаттӣ ва бозёфтҳои бостоншиносӣ дар асрҳои VI-IV пеш аз милод чунин шаҳрҳо дар Бохтар, Мароқанд (Самарқанд) – маркази Суғд, пойтахти Марғиониҳо, Курушкада марказҳои муҳими сиёсӣ, хунармандиву тичоратӣ ҳисоб меёфтанд. “Муҳимтарин шаҳр дар тамоми минтақа, - менависад Р. Фрай, - дар шимоли Окс шаҳри Самарқанд маҳсуб мешуд, ки ҳукумати идорӣ дар он ҷойгир буд. Бузургтарин шаҳр ва пойтахти тамоми Шарқ Бохтар буд”⁶. Пойтахти Бохтар, ки солҳои баъдина бо номи Балх маълум буд, дар замони салтанати Ҳахоманишиҳо қариб 120 гектар, пойтахти Самарқанди қадим – Афросиёб 200 гектар ва пойтахти Марғиониҳо - масоҳати 7,5 км-ро дар бар мегирифтанд⁷. Шаҳрҳои нисбатан хурдро бостоншиносон қариб дар тамоми Осиёи Миёна, аз ҷумла Тоҷикистон хеле зиёд пайдо кардаанд.

Табиист, ки шумораи умумии шаҳрҳои Осиёи Миёнаро то истилои Искандари Мақдунӣ аниқ муайян кардан қорест ниҳоят душвор ва ҳалнашаванда, вале шубҳае нест, ки онҳо хеле зиёд буданд. Натиҷаи кӯшишҳои бостоншиносон дар минтақа инро тасдиқ мекунад. Истилои Искандари Мақдунӣ ва баъди он, рушду шукӯҳи давлати Юнону Бохтар ба анъанаҳои шаҳрдорию шаҳрсозӣ дар минтақа бетаъсир буда наметавонист. Академик Б.Ғафуров ба шаҳрҳои бевосита бо ташаббуси худ Искандар сохта, ишора карда менависад: “Аз рӯи маълумоти муаллифони қадим, Искандар бо мақсади ба вучуд овардани нуқтаҳои муттақои истилои юнону мақдунӣ дар Суғд ва Бохтар 8 – 12 шаҳр бино карда, ба ҳар яке Искандария ном дод. Чунончи: Искандарияи Ақсо, Искандарияи Ориёӣ (дар Ҳирот), Искандарияи лаби Ому (тахминан дар ноҳияи Тирмиз ё Кулоб), Искандарияи Бохтар, Искандарияи Мароға

---

⁶ Ҳамон ҷо. – С. 92.

⁷ Ниг.: Тереножкин А.И. Согд и Чач // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1950. – Вып.23. – С.156; Шишкина Г.В. Древний Самарканд и его округа. – Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. – Ташкент, 1987. – С.164-170; Массон Древнеземледельческая культура // Материалы и исследования по археологии СССР. – 159. - № 73. – С.155; Ҳамин муаллиф. Новые данные по древней истории Мерва // Вестник древней истории. – 1951. - № 4. – С.94 и сл.; Ғафуров Б.Г. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. – Китоби якум. – Душанбе: “Ирфон”, 1998. – С.100.

(Байрамалии ҳозира)»⁸. Табиист, ки таъсири меъмории ба Юнон хос буда, дар ин шаҳрҳо ба назар мерасид.

Доир ба таъсиргузори замони ҳокимияти Селевкиён дар сохтмони шаҳрҳо ва тарзи идоракунии онҳо маълумоти амиқе боқӣ намондааст. Онҳо ба Осиёи Миёна, ки аз қисмати марказии давлати онҳо дуртар буд, барои шаҳрсозӣ камтар мароқ зоҳир намуда, бештар ба сохтани қасабаҳои ҳарбӣ диққат меоданд. Нишондиҳандаи шаҳрсозии ин давра дар Маъбади Окс (харобаҳои шаҳри Тахти Сангин, дар резишгоҳи Вахш ба дарёи Панҷ), ки дар ибтидои давраи Селевкиён дар пайравии маъбадҳои эронии Оташ, вале бо истифодаи васеи таркиби (конструкция) меҳроби юнонӣ сохта шудааст⁹.

Баъди аз давлати Селевкиён ҷудо шудани Портҳо ва Бохтар (тақрибан соли 256 то милод) ва ташкилҳои давлати Юнону Бохтар шаҳрсозӣ ба рушди нав соҳиб гардид. Шаҳри Ойхонум, ки дар соҳили чапи Панҷ, дар назди резишгоҳи Кӯкчадарё ба Панҷ ҷойгир буд, чун намунаи баланди шаҳрсозии элинистии Шарқ эътироф шудааст. Дар он ҷузъиёти ба санъати меъмории Юнону Бохтар хос, хеле моҳирона мавриди истифода қарор ёфтааст.

Чунин шоҳкориҳои меъмории дар Тахти Сангин (Тахти Кубод), ки дар ҷануби ноҳияи Қабодиён дар хати сарҳадии байни Тоҷикистону Афғонистон ҷойгир аст, хеле ҷолиб ба назар мерасад. Ёдгориҳои дар натиҷаи қовишҳои тӯлонии бостоншиносони шӯравӣ дар харобаҳои шаҳрҳои Ойхонум ва Тахти Сангин дарёфт шуда, нишондиҳандаҳои маданияти баланди шаҳрсозӣ ва дастовардҳои санъати нотакрори меъмории тоҷикон дар замони Юнону Бохтарӣ аз тарафи мутахассисони сатҳи ҷаҳонӣ эътироф гардидааст.

Аз шаҳрҳои зиёди охири давраи асри антиқа чун намунаи хеле ҷолиб, аз Балх ёдовар шудан лозим меояд. Барои шаҳомати онро дарк кардан, назари ховаршиноси намоёни Амрико доктор Фредерик Старрро истинод намудан ба мақсад мувофиқ аст. Ӯ аз ҷумла мегӯяд: “Шумораи зиёди марказҳои шаҳрии Осиёи Марказӣ вижагиҳои зиёд доштанд, ки чунин воқунишро ба вучуд меоварданд, аммо фақат ба яке аз онҳо – Балх, ки дар масофаи 73 км дар тарафи ҷанубии Амударё, ки Афғонистон ва Ўзбекистони ҳозираро аз ҳам ҷудо месозад, диққат додан аз манфиат холӣ нест. Балх аз рӯи ҳамаи ҷанбаҳо калонтарин шаҳри давраи охиринаи антиқа буд. Девоҳҳои шаҳрии он тахминан

---

⁸ Ғафуров Б.Г. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. – Китоби якум. – С. 133.

⁹ История таджикского народа. – Т. I. Древнейшая и древняя история. – Душанбе, 1998. – С. 337.

чорсад заминро ихота мекарданд ва деворҳои берунаи он, ки минтақаи наздишаҳрӣ ва боғхоро ҳимоя мекарданд, зиёда аз 120 километрро ташкил медоданд... Барои муқоиса кардани масоҳати шаҳри Балх, фақат арк, ки Болоҳисор номида мешуд, ду баробар калонтар аз тамоми шаҳри Прине, шаҳри одии ҷунонӣ дар соҳили Туркия ва даҳ маротиба калонтар аз шаҳри қадимаи Троя буд. Ва арк камтар аз даҳ як ҳиссаи масоҳати шаҳри Балхро ташкил медод!”¹⁰.

Доир ба шахрсозиву ҳаёти шаҳри замони Кушонӣён (асрҳои II-I то милод – охири асри IV милодӣ), ҳаминро қайд кардани лозим меояд, ки ин замони антиқаро (эллинистӣ) иваз карда, акнун ҳокимони маҳаллӣ, ки аз таҷрибаи шахрсозии замони ҷунониву бохтарӣ бархурдор буданд, ба майдон омаданд. Дар таърихи шахрсозиву шаҳрдории вилоятҳои ба доираи ҳудуди Кушонӣён воридгардида, давраи нав сар шуд. Ин давра аз рӯи ақидаи олими намоён Э.В. Ртвеладзе “давраи воқеан шаҳришавӣ (урбанизатсия) буд..., ҳол он ки зинаҳои қаблӣро дар ташаккули шаҳрҳо, бояд чун саромади онҳо ҳисоб кард”, дар айни ҳол маҳз дар замони Кушонӣён “аслан ҷудошавии маданияти шаҳрӣ рашан ба назар мерасад”¹¹. Дар воқеъ дар ин давра шаҳрҳо маркази муҳими маъмурӣ-сиёсӣ, динӣ-идеологӣ, ҳунармандиву тиҷоратӣ ва ғайра ҳисоб меёфтанд¹².

Раванди гузариш ба давраи асримӣёнагӣ (асрҳои IV-V милодӣ) дар Осиёи Миёна ба замони нобасомониҳои сиёсӣ рост омад. Аз рӯи маълумотҳои ҳагтӣ ва нишондиҳандаҳои маданияти моддӣ, минтақа ҳолати парокандагии сиёсиро аз сар мегузаронд. Масалан дар Суғд мулкҳои Самарқанд, Бухоро, Иштихон, Кабудон ва дар асри V Панҷакент – маркази мулки воҳид, дар ҷанубу шарқи Самарқанд мулкҳои Нахшаб ва Кеш шакл гирифтанд.

Дар ин давра дар Осиёи Миёна ба арсаи сиёсӣ гурӯҳи нави кӯчиён – хиониҳо, кидориҳо, ҳайтолиён баромаданд, ки аз навоҳии Осиёи Марказӣ ба ғарб ҳаракат кардани хунҳо (гунҳо) фаълияти онҳоро тезонда буд. Албатта ин барои шахрсозиву шаҳрдорӣ бетаъсир буда наметавонист.

---

¹⁰ Фредерик С. Старр. Маърифати гумшуда. Асри тиллоии Осиёи Марказӣ аз истилои араб то Тумурланг. Тарҷума аз забони англисӣ – А.Маҳмадназаров. – Душанбе: “ЭР-граф”, 2016. – С.68-69.

¹¹ Ртвеладзе Э.В. Древняя Бактрия – средневековый Тохаристан: Динамика историко-культурного развития (по материалам амударьинского правобережья): Автореф. дисс... докт. ист. наук. – М.: МГУ, 1988. – С.13-14.

¹² Доир ба замони Кушонӣён пурра ниг.: Ставиский Б.Я. Средняя Азия в Кушанский период. История таджикского народа – Т. I. Древнейшая и древняя история. – Душанбе, 1998. – С.407-467.

Тохту тозҳои ғоратгаронаи намояндагони қабилаҳои мухталиф иншоотҳои обёрикунандаро вайрону шаҳрҳоро хароб мекарданд. Вале ҳамаи ин бедодгариҳо анъанаҳои шаҳрсозии тоҷиконро аз байн бурда наметавонист. Панҷакент ва дигар шаҳри Суғд – Пайканд нишондиҳандаи ниғаҳдошти ин анъанаҳо ҳисоб меёфт. Панҷакент кӯшк, биноҳои динӣ, маъмури-истиқомати шаҳриёнро аз рӯи нақшаи барои шаҳри он замон муносиб ва шабакаи обтаъминкунии шаҳрро нигоҳ доштааст. Худуди шаҳри Пайканд аз 18-21 гектар масоҳат дошт¹³. Шаҳри Бухоро низ дар ин давра аз шаҳрҳои намоёни замон ҳисоб меёфт. Ҳамин хел шаҳрҳои Зартеппаи Тирмиз, Ёвон ва ғайра дар шимолии Тохаристон ҳисоб мефтанд, ки аз рӯи шаҳрсозии замон аксаран аз ду қисм иборат буданд: арк ва худди шаҳр. Чихати хоси ин давра ҳамчунин дар пайдо шудани кӯшкҳои феодалон, ки аксаран аз шаҳр берун буданд ҳисоб меёбад.

Доир ба шаҳрҳои аввали асримиёнагӣ фикрҳо гуногунанд. Баъзе аз муҳақиқон, аз ҷумла С.П.Толстов баргари анъанаи пайдоиши кӯшкҳои феодалонро пеш меоранд, ки берун аз шаҳр сохта шуда, истиқоматгоҳи қишри муайяни аҳоли ҳисоб мефтанд¹⁴. Дар воқеъ дар Бухоро ва Хоразм чунин кӯшкҳо хеле маъмул буданд. Вале қисми зиёди олимони мавҷудияти чунин кӯшк-қалъаҳои феодалии берун аз шаҳрро бар хилофи шаҳрсозии авропой дар шаҳришафии аҳоли таъсирбахш ҳисоб намекунанд.

Аз рӯи маълумоти хаттӣ ва бозёфтҳои бостоншиносон дар ибтидои асримиёнагӣ (асрҳои V-VIII) дар Суғд, Марв, Тохаристон, Истаравшан, Фарғона, Чоч, Ҳафтрӯд ва дигар ноҳияҳои зисти эронитаборон - тоҷикон шаҳрҳои зиёде мавҷуд буд. Чунин шаҳрҳо, маркази мулкҳои мутақилу ниммустақил: Заранҷ, Марв, Нишопур, Кот, Самарқанд, Хучанд, Бунҷикат, Ахсикат ва ғайра дар тамоми минтақа маълуми шухрат доштанд. Аз чихати нуфузи дуҷумини шаҳри Бухорои Суғд Пайканд ҳисоб меёфт.

Асрҳои IV-VIII дар Тохаристон зиёда аз 30 мулкҳои мавҷуд буд, ки ҳар кадоме пойтахти худро дошт. Балх – модари шаҳрҳои Хуросон аз ҳама калонтарин ҳисоб меёфт. Шаҳрҳои Хутал Тамлиёт, Мунк, Хулбук,

---

¹³ Доир ба Панҷакенту Пайканд ниг.: Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – Л., 1973. – 232-255; Семенов Г.Л. Городские стены раннесредневекового Согда как исторический источник. 6 Автореф. дисс. кан. ист. наук. – Л., 1985. – С. 7-11; Мухамеджанов А.Р. и др. Городище Пайкенд. – Ташкент 1988.

¹⁴ Ниг.: Якубов Ю. Реннесредневековые сельские поселения Горного Согда. – Душанбе, 1988. – С. 30-88; Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. – М., 1966. – С.61-73; Ставиский Б.Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951-1959 гг. // Материалы исследования по археологии СССР. - № 124. – М.; Л., 1964. – С. 128-133.

Парғар, Қарбанч, Андичароғ ва ғайра дар минтақа маълумияти равшан доштанд. Ҳамин тавр метавон аз шаҳрҳои дигар минтақаҳо ёдовар шуд.

Шаҳрҳои аввали асримиёнагии Осиёи Миёна аз рӯи анъанаи барои тоҷикон маъмули шаҳрсозии замон аз се қисм иборат буданд: қисмати асосии шаҳри тофеодалӣ – шаҳристон; қалъа-диз, маҳаллаҳои хунармандии назди девори шаҳр – работ. Масалан қалъаи Бухоро – куҳандиз, маркази шаҳри қадим майдони 3,47 гектарро ташкил мекард, ки аз шаҳристон баландтар буда, қароргоҳи асосии бухорхудот ҳисоб меёфт.

Омӯзиши ороиши меъмории шаҳрҳо дар тамоми паҳнои тоҷикнишини аввалиасримиёнагӣ нишон медиҳад, ки дар ин давра мактаби маъруфи меъмори-наққошӣ бо ниғахдошти беҳтарин анъаноти таърихии шаҳрсозии қаблӣ фаъолият мекард. Амали ин мактаб дар сохтмони қасру ибодатхонаҳо, иншоотҳои таъминкунандаи раванди хоҷагидории шаҳрӣ, биноҳои истиқоматӣ ва ғайра бараъло ба назар мерасид.

Нишондиҳандаҳои санъати баланду намунавии шаҳрсозиву шаҳрдории тоҷикон дар аҳди Сомониён беназир буд. Чи тавре маълум аст, масъалаҳои гуногуни марбут ба шаҳрсозии замони Сомониён то андозае аз тарафи олимони ҳадафи таҳқиқ қарор ёфтааст. Дар ин ҷода бояд аз хизмати шарқшиноси бузург В.В. Бартолд ёдовар шуд. Ин донишманд раванди рушди шаҳрсозиву шаҳрдори Осиёи Миёна дар замони Сомониёнро ҳаматарафа ҳадафи таҳлил қарор дода, хулосаҳои воқеан илмӣ баровардааст. А.Ю. Якубовский дар ҳалли масоили назариявии генезиси ташаккулёбӣ ва хусусиятҳои хоси шаҳри асримиёнагии Осиёи Миёнаро саҳмгузории назаррас дорад.

Дар замони Сомониён вобаста иқтидору мутамарказии сиёсии ин давлат, тарзи шаҳрсозӣ ва санъати меъмории пешина дар тарҳрезии умумии шаҳрҳо зоҳир гардад ҳам, вобаста ба талаботи динӣ анъанаҳои қалбии биносозӣ то андозае тағйир хӯрда буданд, вале таъсиргузории анъанавӣ равшан ба назар мерасид. Донишманди тоҷик Н.Неъматов назари худро ба ин навгониҳои шаҳрсозии замони Сомониён иброз дошта, аз ҷумла қайд мекунад: "...дар санъати меъмории замони Сомониён як қатор ҷиҳатҳои нав ба назар мерасанд, ки онҳо аз инкишофи минбаъдаи санъати сохтмон шаҳодат медиҳанд. Дар бинокорӣ монументалии ин давра хишти пухта беш аз пеш аҳамият пайдо мекунад. Аз он акнун натавон ҷузъҳои алоҳида конструктивӣ, балки тамоми биноҳо сохта мешуданд. Аз ин рӯ, шакли хишт низ

таъғйир ёфт: чои хиштҳои хоми калон-калони росткунчаро хуштҳои хурд-хурди мураббаи тунук гирифтанд”¹⁵.

Бояд қайд кард, ки намунаи баланди ин санъати меъморӣ дар сохтмони мақбараи Сомониён дар Бухоро, мақбараҳои Арабато (дар деҳаи Тим дар нишеби кӯҳҳои Зирабулоқ, Хочанақшрон (дар Узунӣ вилояти Сурхондарёи Ўзбекистон), Сайёд (ноҳияи Шаҳртуз), Мирзо Абдулқосим (дар Сангибастаи Машҳад) ва ғайра ба назар мерасад. Чунин навовариҳоро дар бинои масҷидҳо, қасрҳои ҳокимон, кӯшкҳои феодалон, биноҳои истиқоматӣ, ки бо санъати баланди гачкорию кандакориҳо оро ёфта буданд, нишондиҳандаи амиқеанд аз рушди суръатноки шаҳрсозии замон.

Албатта дар доираи як маърузаи илмӣ ғунҷондани нишондиҳандаҳои намунавии санъати шаҳрдорию шаҳрсозии замони Сомониёро ғунҷондан аз имкон берун аст. Аз ин рӯ фақат ҳамин нуқтаро қайд кардан лозим меояд, ки баъди пош хӯрдани ин давлати абарқудрати тоҷикон анъанаҳои шаҳрсозии дар аҳди силсиласулолаҳои аҷнабию кӯчии ба соҳибтахтӣ расида, аз доираи анъанаҳои замони Сомониён дар ин чода берун шуда натавонистанд.

Имрӯзҳо аз баландии соҳибдавлатии комил ба анъаноти шаҳрсозии тоҷикон чи дар замони қадим ва чи дар аҳди Сомониёну асрҳои баъдина бо ҳисси ифтихор ёдовар шудан аз зарурати эҳёи он мероси таърихӣ, албатта дар доираи ба дастовардҳои баланди шаҳрсозии миллӣ мувофиқ, бармеояд. Мо инро дар мисоли рушди бемайлоии шаҳрҳои ҷумхурӣ, ки бо ташаббуси Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ - Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мухтарам Эмомалӣ Раҳмон дар асоси ниғадошти анъаноти таърихӣ ба тоҷикон хос ва талаботи санъати муосири шаҳрсозиву шаҳрдорӣ то рафт бештар суръат мегирад, бараъло эҳсос мекунем.

---

¹⁵ Неъматов Н. Давлати Сомониён. Тоҷикон дар асрҳои IX-X. – Душанбе: “Ирфон”, 1989. – С.161..

**Юсуфшох Якубов,
академик НАН Таджикистана,
главный научный сотрудник
Института истории, археологии и
этнографии им. А.Дониша**

ПРИЗНАКИ ГОРОДА В САРАЗМЕ (к проблеме сложения города Саразм)

Сложение города в Центральноазиатской историографии является спорным и окончательно нерешенным вопросом. В материалах по Саразму встречаются следующие признаки города:

В археологической литературе говорится, что для древнего города принята территория от 5 до 20 га, в то время как территория Саразма составляет более 100 га (Рис.1).

Следующим признаком города считается существование ремесла, профессиональных ремесленников и торговцев. Мы считаем, что Саразм был городом рудокопов, т.е. его основали люди, которые специально собирались для добывания медных руд в горах Зарафшана. Поэтому здесь жили и работали профессиональные разработчики руды, драгоценных и полудрагоценных камней. В Саразме эти люди жили в течение 1500 лет и для своего существования занимались земледелием и держали скот, однако основным их делом было производство добычи руды.

А) В Саразме на объекте IX раскопан керамический квартал с керамическими обжигательными печами. Такие печи представлены в Саразме тремя основными типами: одноярусные однокамерные; одноярусные двухкамерные, и двухъярусные двухкамерные печи (Исаков,1991, с.39-40, Раззаков, 2016, с.124) (рис.2, фото 2). Здесь имеются большие ямы для приготовления теста из глины (лойхона), которую месяцами отмачивали, затем месили ногами и руками, пока глина не становилась эластичной. Кроме того, имеются небольшие углубления, в которых в первом и втором периоде в матерчатом шаблоне изготавливали сосуды. Керамика первых периодов изготовлена ручным способом с полихромными и монокромными росписями. Орнамент в основном геометрический, состоящий из крестов, треугольников, ромбов, цвет серый и черный (Рис.3).

Начиная с III тыс. до н.э., саразмские гончары изготавливали разнообразные по форме и размерам сосуды на гончарном круге. Для улучшения качества гончары покрывали поверхность сосудов ангобом или лощением, эстетический эффект достигался за счет орнамента. Роспись преобладает на столовой посуде. В небольшом количестве

выделены серые глиняные сосуды с лощением и орнаментом, похожие на североиранские, возможно, привозные. По стилю росписи саразмские сосуды генетически связаны с двумя регионами: южной оседло-земледельческой зоной-Юго-Восточной Маргианы, Белуджистана и Сеистана. В небольшом количестве найдены посуды, связанные с кельтеминарской культурой (Исаков, 1990, с. 20-34, Раззаков, Каримова и др. с.20) (Рис.4).

Б) Как говорилось выше, Саразм был городом рудокопов, где собирались люди для добычи меди, которой было очень много в горах Зарафшана, особенно в Мушистане. Здесь медь и олово встречаются в руде, и при этом речь идет не о малой минерализации, а о большом месторождении. При выплавке этой руды получается обычная бронза. Именно это и делает Мушистон особенно интересным в археометаллургическом смысле. (Бороффка, Бубнова, Вайсгербер, Луц, Парцингер, Перницка, Старшинин, Циерны, Якубов, 2000, с. 73) . Кроме Мушистана рудник меди и олова геологи отмечали в ущелье Амондары –Иери, Даханы. Месторождения названных рудников археологами не исследованы. Таким образом, зарафшанские горы богаты рудниками олова и меди (Раззаков, 2008, карта 2) (Рис. 5).

В Саразме обрабатывали медь и бронзу. Кузнецы изготавливали оружие, орудия труда, предметы украшения. Готовили слитки – заготовки для внутреннего базара и внешнего экспорта (Каримова, 2017, с. 253-256) (рис. 6).

В). В Саразме была хорошо налажена обработка полудрагоценных камней, в том числе бирюзы, лазурита, сердолика, агата, яшмы, оникса, халцедона, кварца, аметиста, содалита, флюорита, гранита-альмандина, мрамора, высококачественного кремня и глины и др. Из них мастера изготавливали не только украшения, но и парадные, и столовые сосуды (рис. 7).

Г). Саразмцы были также ювелирами. Изготовленные ими украшения, найденные в погребениях могильников, как оседло-земледельческой культуры Саразма, можно разделить на несколько групп: 1. Головные (серьги; височные кольца и подвески); 2. Нашейные (гривна; ожерелья из бус и пронизей различной формы); 3. Нагрудные (бляхи - зеркала; бусы, нашитые по переду платья, вероятнее всего в форме вставки-нагрудника); 4. Ручные (браслеты, кольца); 5. Ножные (бусы и обоймы в низках на ногах, а также нашитые на обувь или края штанов) (Каримова, рукопись, 2018, с.6) (рис.8. 8а,8б,8в, 8г).

Д). В Саразме было развито ткацкое дело. Как было отмечено выше, саразмцы изготавливали керамику на матерчатом шаблоне, причем нитки очень тонкие, следовательно, материалы были тонкими и

качественными. Исследован костюм саразмской царицы, она имела высокой головной убор тиарообразной формы, обшитый бусами, т.е. диадема состояла из ткацкого материала, обшито бусами. Женщина была одета в набедренную одежду с надставкой для шага, где конструктивные швы были обшиты бусами. Ими же были обшиты и концы завязок штанов или юбки. Она имела верхнюю одежду, т.е. кандиз типа плаща длиной до ступней. Плечи, рукава вдоль рук (по конструктивным швам) обшиты бусами, ими же были обшиты и места соединения рукавов со станом чуть ниже плеча и декорирован ворот у основания шеи (Каримова, 2017, с.68). Таким образом, найденные многочисленные каменные и керамические пряслица-грузила свидетельствуют о том, что в Саразме было развито ткацкое ремесло.

Е) В Саразме работали профессиональные строители, которые для строительства домов и общественных зданий, кроме пахсы изготавливали разнообразные кирпичи в специальных шаблонных формах. Из кирпичей размером 20x12-10см (пропорции 6:3:1), было возведено монументальное здание горизонта 2, раскопа 111. В двухкомнатный дом в центральной части комплекса 1 горизонта 2 раскопа X11 был построен из довольно крупного, но очень тонкого кирпича размером 52-54x33-34x 7-7,5см. Для возведения стенок-бортиков алтаря огня формовали специальные кирпичи размером 25x15x12см.

По мнению Ф.А. Раззакова, исследовавшего архитектурно-строительный комплекс Саразма, «правильность планировки и высокое качество строительства (аккуратная кладка, сложная система проходов, тщательная отделка-штукатурка, роспись стен), а также архитектурное оформление фасадов – все эти строительные комплексы возводили по спроектированному плану и их строили мастера высокой квалификации, скорее всего, группы строителей профессионалов (Раззаков,2016, с135).

Ж) В период существования Саразма верхнюю одежду в основном изготавливали и шили из кожи, особенно куртки и штаны для горняков. Поэтому в Саразме найдены 213 экз. орудия для обработки кожи и шкур. Наиболее многочисленны скребла из песчаника-195 экз, кремневые скребки-12 экз. и стамеска- скребок -1 штук. Найдены косяные шилья-71 экземпляр, изготовлены из продольно расчлененных метаподий мелкого рогатого скота. Они отличаются друг от друга по технике обработки, размерам, типу острия и степени износа.

Иглы найдены 6 экземплярами, изготовлены из тонкой птичьей кости удлиненных пропорций стержневидной формы, с уплощенными на абразиве обеими сторонами.

Лоцила для выглаживания швов на изделиях (13 экз.) выполнены из округлых двояко-выпуклых и песчаниковых галек. Найден один коженый нож для разделывания шкур и кож. Найдены две колодки для обуви, одна из мрамора, другая из простого камня. Выше приведенные данные свидетельствуют о том, что в коженном ремесле также работали профессионалы (Раззаков, 2008, с.38-43).

3) Следующим признаком города является наличие общественных зданий. В Саразме, в раскопе V, обнаружено круглое в плане здание, диаметром внешнего кольца 7,7м, внутреннего 4,25м. Внешнее кольцо сложено из двух рядов параллельно лежащих кирпичей, длинными сторонами, размерами 52х25х10-11см, а второй перпендикулярно первому. Кирпичи веером окружают внешнее кольцо. Между двух колец имеется круглое коридорообразное пространство шириной 75см. Второе кольцо, расположенное в центре большого круга, состоит из одного ряда кирпичей, уложенных по кругу в длину. Так как круг является символом солнца, то А. Исаков назвал его храмом солнца. Здание в периоде Саразм 111, было разрушено и на его месте построено новое культовое здание (7х5м) с пятью световыми окнами в северной стене и круглым алтарем в центре. Судя по размерам и алтарю, здание представляло храм огня (Раззаков, Каримова и др, 2006, с.17) (рис. 9, 9а).

И) К северу от этого храма, раскопан новый объект X1, относящийся к периоду Саразма 11 – 3200-2900гг. до н.э. Он состоит из центрального помещения с обводными коридорами, по которым паломники во время жертвоприношения животных совершали таоф. На полу найдено большое количество костей мелкого и крупного рогатого скота, а в центре вскрыто кострище, содержащее обгорелые кости и золу. Снаружи юго-западного угла здания была найдена круглая яма (диаметром 1,15х1,5м) с остатками «жертвоприношения» костей быка тура. О существовании культа первобытного быка тура в среде жителей Саразма также свидетельствует найденная уникальная каменная цилиндрическая печать, на которой изображен бык тур с пышным хвостом, о чем пишут составители книги путеводителя Саразма (Раззаков, Каримова, Курбанов и Бобомуллоев, с. 18). Надо отметить, что снаружи стены храма украшены пилястрами, таким образом, здание, несомненно, является храмом жертвоприношения быка тура. Снаружи северо-восточной части имеется 150см слой с костями мелких животных, т.е. жертвенных костей просалы за стеной храма (рис. 10).

К северу от погребального комплекса малики - принцессы найдена могила быка тура, в объекте IV, на стене помещения 14а найден барельеф морды быка тура и все это свидетельствует о том, что

саразмцы почитали быка тура и он был их тотемом. Данные письменных источников указывают на то, что бык тур был тотемом всех арийских скотоводов (Якубов, 1993, с.28-41).

Признаком города считается присутствие административного здания. На объекте 111 раскопано общественное здание, возведенное на квадратной кирпичной платформе размером 15х15м и высотой 0,7м. Оно представляет 8 смежных помещений, расположенных в два ряда. С западной и восточной сторон к ним пристроено два смежных коридора, которые выполняли функцию зернохранилища. Внутренние помещения, по мнению А. Исакова, были административным центром (Исаков, 1991, с.19, Раззаков, Каримова и др., с. 17), (Рис. 11). Несомненно, раскопанный объект является хранилищем богатого человека или правителя Саразма. Однако, место проживания самого хозяина хранилища не найдено и не раскопано. Обнаружена могила богатой женщины, которая, вероятно, была правительницей Саразма и которой по-видимому было всего 20 лет. Однако, вся ее одежда была расшита бусами из лазурита, бирюзы, сердолика и стеатита, но ткань не сохранилась. Бусы, которые покрывали голову и руки, спускались вниз до колен. Запястья рук украшали два массивных браслета из морских океанических раковин. Золотые и серебряные пронизи бус, будто веером, расходились в изголовье. Тут же находилось каменное навершие жезла, костяное шило, бронзовое зеркало и две терракотовые статуэтки. В ногах лежали кости барана – заупокойная пища (Исаков, 1991, с.45, Раззаков, Каримова, и др. с.21). Из числа вещей, найденных с женщиной, корона-калаф, жезл и кандиз - плащ, свидетельствуют о том что она была царицей Саразма.

В Саразме найден многоступенчатый фигурный крест-свастика из бирюзы. По поверьям таджиков, камень бирюзы считается мужским и камнем власти (рис. 12). Аналогичный многоступенчатый фигурный крест в виде бус нагрудного украшения, печати обнаружены на многих памятниках городского столичного типа 111 тысячелетия до н. э. в Атин-депе авестийского Маргуша, Гиссаре 111 под Дамованом, в Кветте Пакистане, в Шахдаде Юго-Восточного Ирана и в могильнике 111 тыс. до н.э., Чилтанбаба в Фархорском районе Таджикистана. По нашему мнению, большое изображение ступенчатого фигурного креста, который найден в могильнике Пархар, является знаком, символом-гербом города-государства.

Как объяснить одинаковое изображение ступенчатого фигурного креста среди древних народов Центральной Азии, находящихся на большом расстоянии друг от друга? Нам думается, что это связано, во-первых, с этнической, культовой и языковой общностью. Во-вторых, все

ирано-язычные народы почитали солнце, огонь и быка тура. Отсюда общая для цивилизации региона материальная культура, в том числе и семантика изображения ступенчатого креста, как символа в гербе города и государства.

Внешняя торговля является следующим признаком города. Выше говорилось о том, что сероглиняные сосуды найдены в Саразме, по стилю росписи генетически связаны с оседло-земледельческой культурой Юго-Восточного Туркменистана, Белуджистана и Сеистанским регионом. В небольшом количестве найдены сосуды, связанные с Кельтиминарской неолитической культурой Юго-Восточного Приаралья, что указывает на наличие торговых и культурных связей между населением этих регионов. Как было отмечено выше, люди из упомянутых районов приходили сюда ради руды, которую саразмцы добывали в двух местах гор Буттема - первое в Туркестанском горном хребте и второе - в Буттаме в верховье долины Зарафшана – Мушистане.

Одним из главных признаков города считается существование письма. В Саразме его нет, однако, в Саразме найдены печати, амулеты со знаками, связанными с богатством и властью. Сначала появились знаки на печатях, так называемое пиктографическое письмо (Каримова, 2019; Soraya Elikay Dehno, Galina Karimova, 2019). Слово (латинское *picus* писанный, красками, рисованный+графия) – пиктографическое письмо, рисуночное письмо-вид письма. В истории письма древнего Ирана этот вид называется «густадж» *gustaj* и состоит из 28 знаков и эти знаки наносили на печати, перстни, гербы, амулеты и подобные вещи (Надим, с. 56) (Рис. 13).

Относительно 111 периода, который мы считаем временем сложения города, авторы раскопок Саразма пишут: «Для периода Саразма III характерна регулярная планировка, расположение построек: кварталы ремесленников, просторные дома богатых горожан и рядовых горожан и культово-административные центры. В святилищах широко использовалась настенная роспись. Преобладают геометрические формы орнамента: треугольники, параллельные линии и кресты. Начиная с периода Саразма III, святилища становятся еще более монументальными, наряду с квадратными, в них появляются круглые алтари. В некоторых случаях их строили вне жилых комплексов. Они играли роль общественно- культового центра (раскопки IV-V-IX-XI-XII). В отдельных святилищах, вокруг алтарей, были выявлены настенные росписи с изображением «мальтийского» креста» (Раззаков, Каримова, Курбанов, Бобомуллоев, с.18).

Таким образом, в III тыс. до н.э. выше приведенные аргументы свидетельствуют о том, что Саразм это городской центр, который имел

торгово-культурные связи с другими городами-государствами. Саразм в их числе был городом-государством.

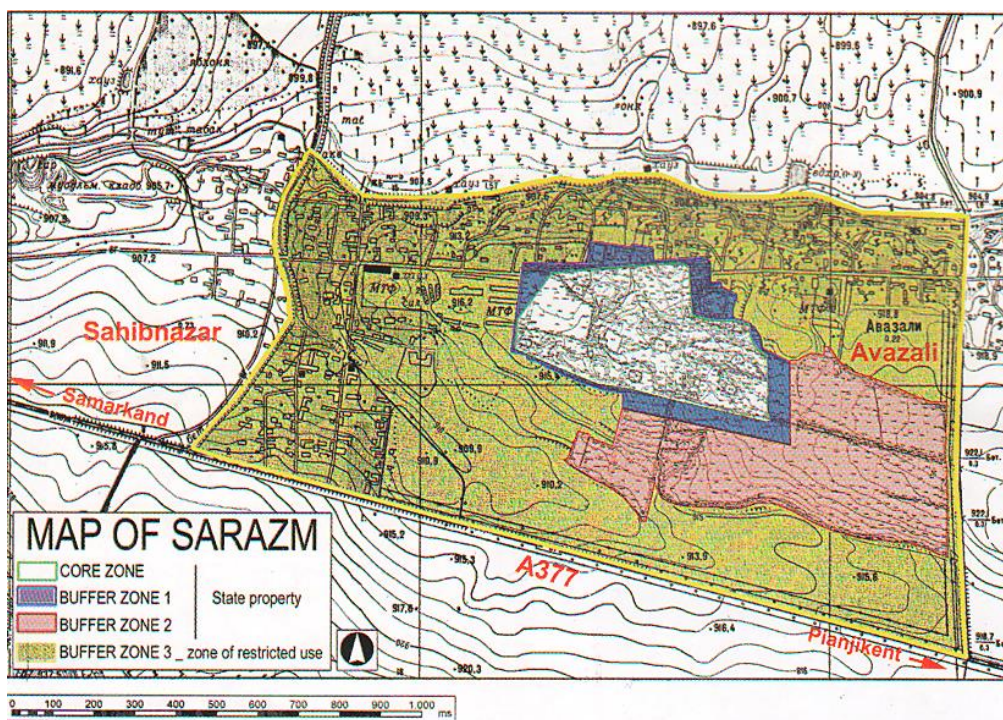
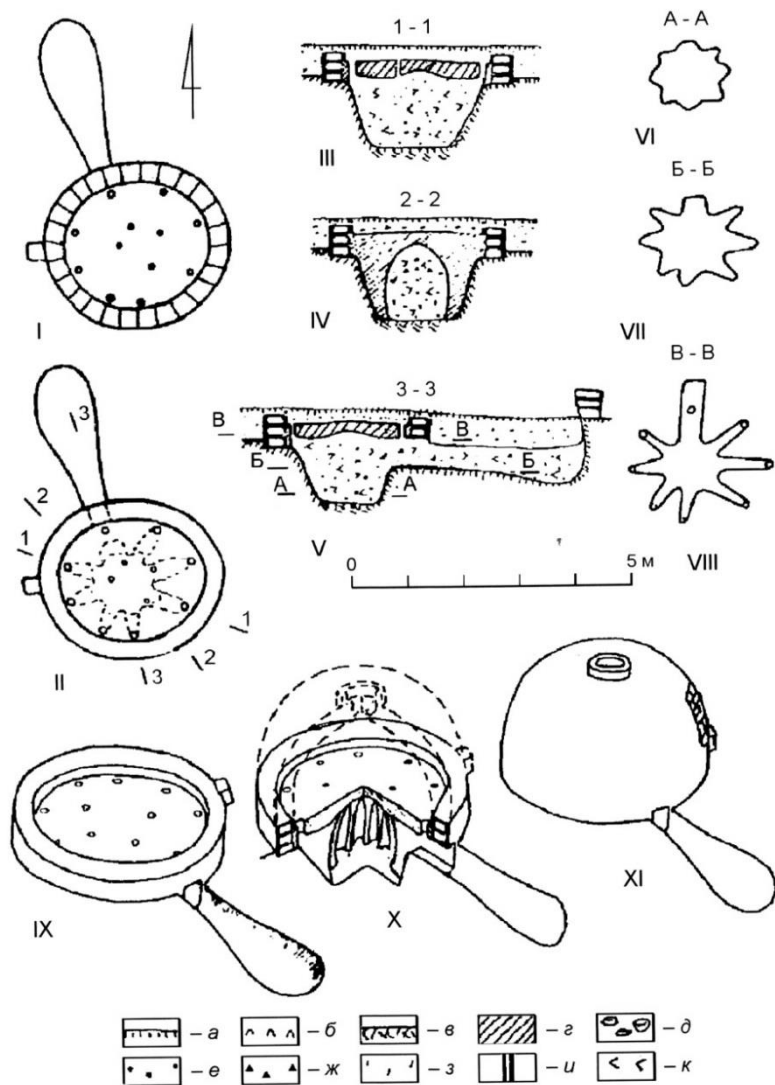

Рис. 1, Топографический план Саразма.

горизонт 2, двухъярусная гончарная печь (по Раззоков А. 2008): I-II — планы; III-V — разрезы; VI-VIII — горизонтальные сечения топочной камеры; IX — аксонометрия; X-XI — вариант реконструкции
а — пол горизонта 3; *б* — рыхлое заполнение печи; *в* — материк; *г* — камера обжига; *д* — угли; *е* — фрагменты керамики; *ж* — керамические шлаки; *з* — слои обмазки; *и* — камни; *к* — кости животных)

Рис. 2. Чертежи и разрезы Саразма

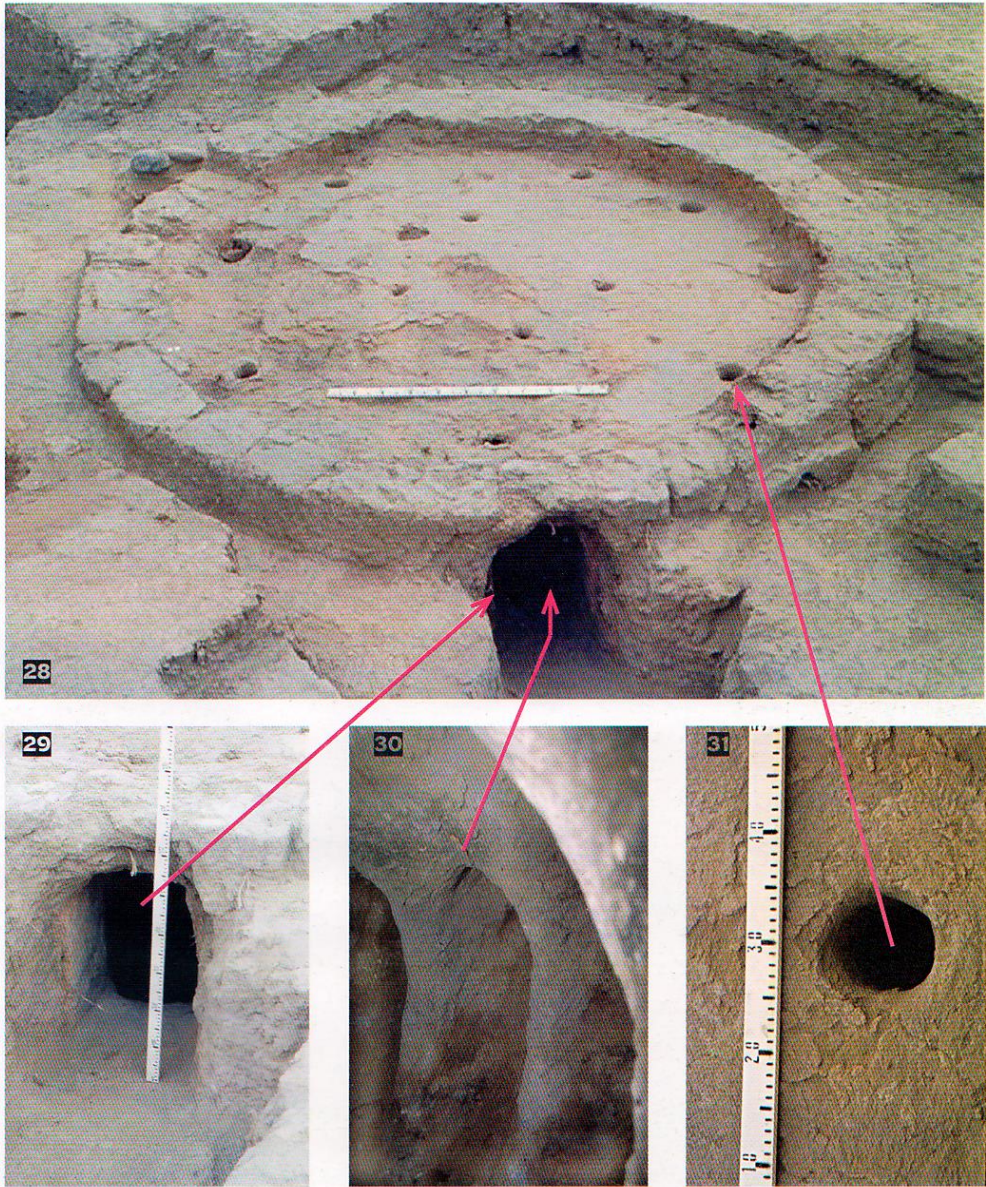

Фото 2. Двухъярусная гончарная печь.

Рис 3. Фрагмент расписной керамики

Рис. 3а. Фрагменты расписной керамики

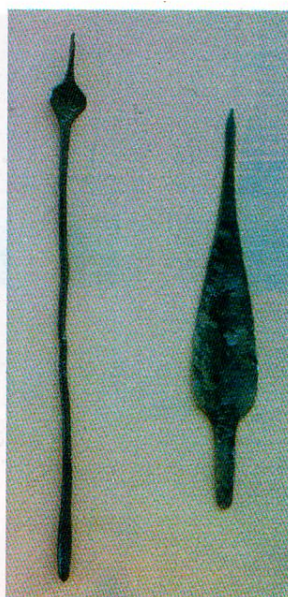
Рис. 4. Станковая керамика

100

101

102

103

104

105

Рис. 5. Орудия бронзы

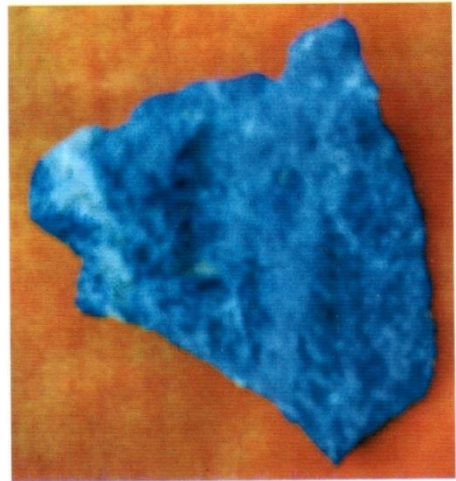

Рис. 6. Скелет царицы и ее жезл.

Рис. 7. Изделия из полудрагоценных камней.

Рис. 8. Бусы царицы

Рис. 8а. Бусы царицы

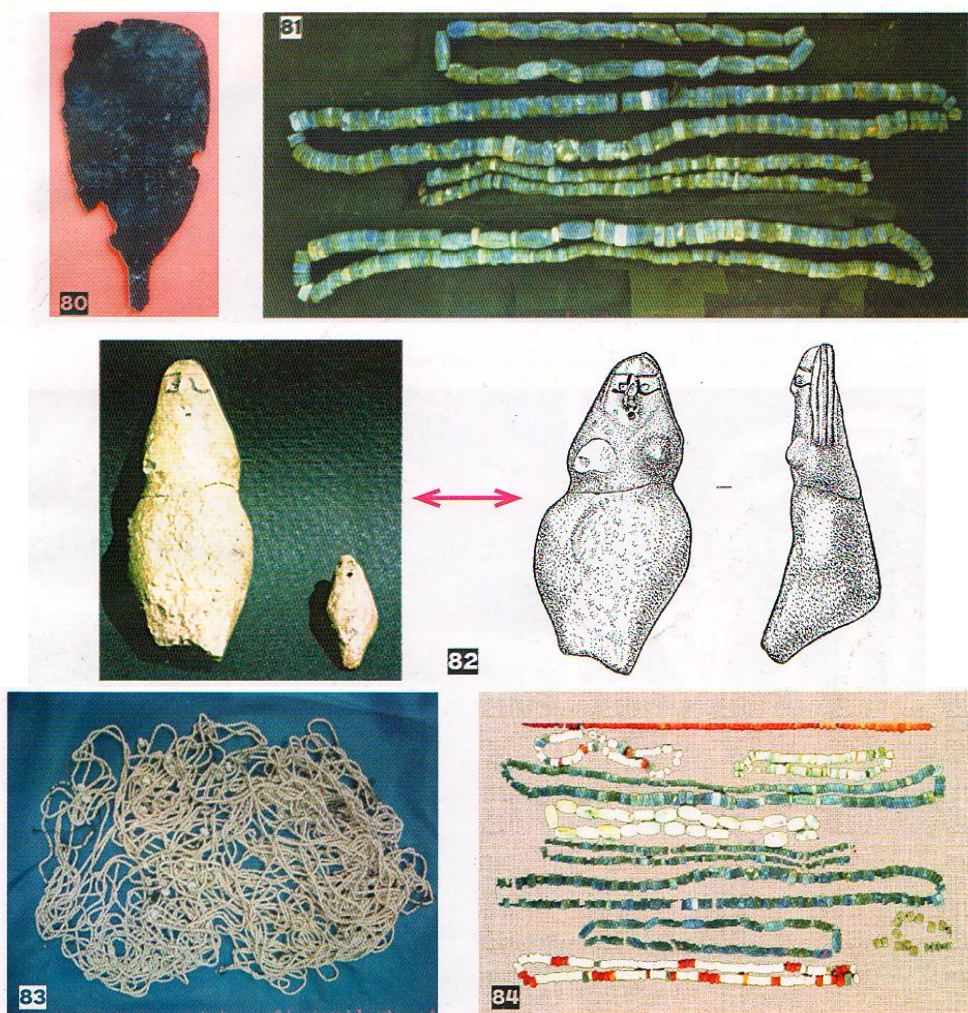

Рис.86. Идолы и бусы царицы

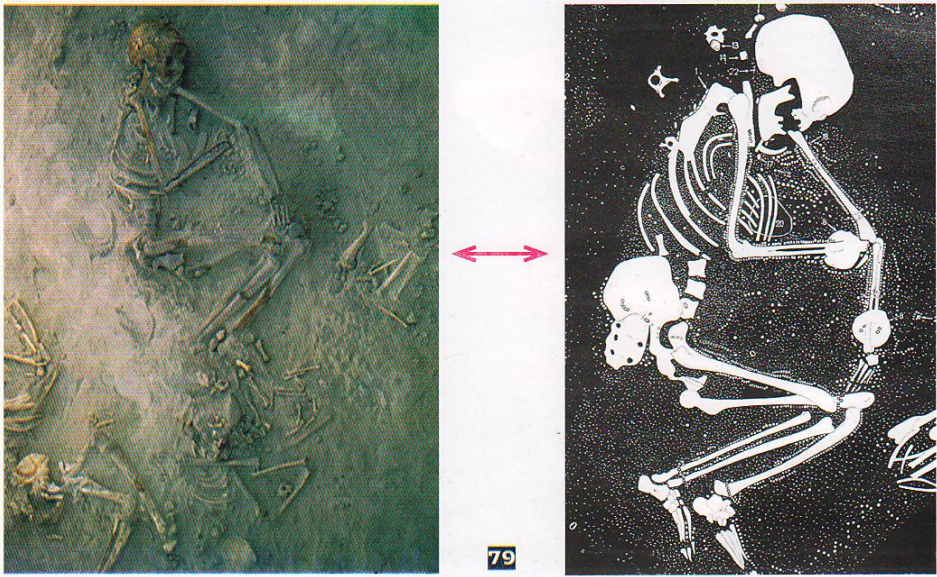

Рис. 8в. Могила и скелет малики

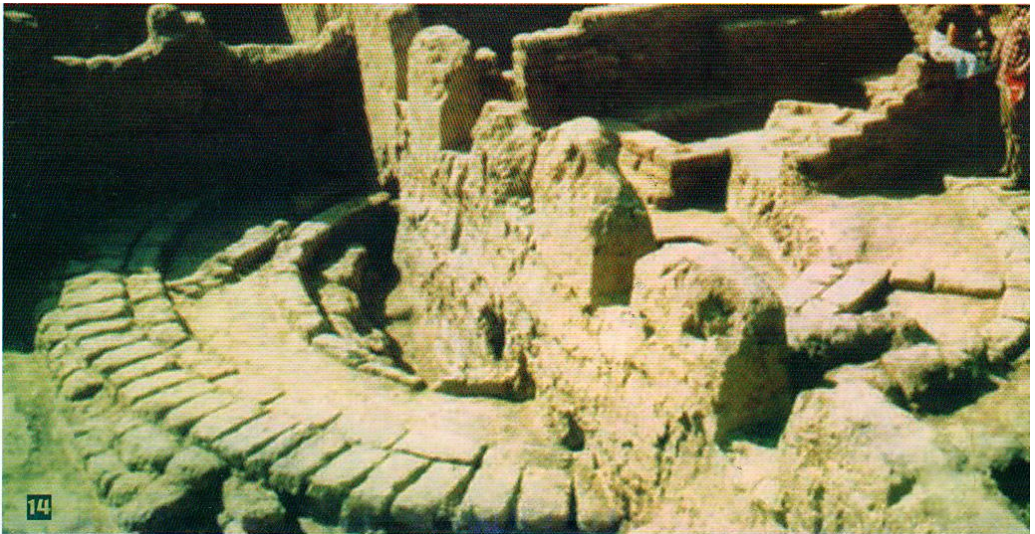

Рис. 8г. Жезл малики

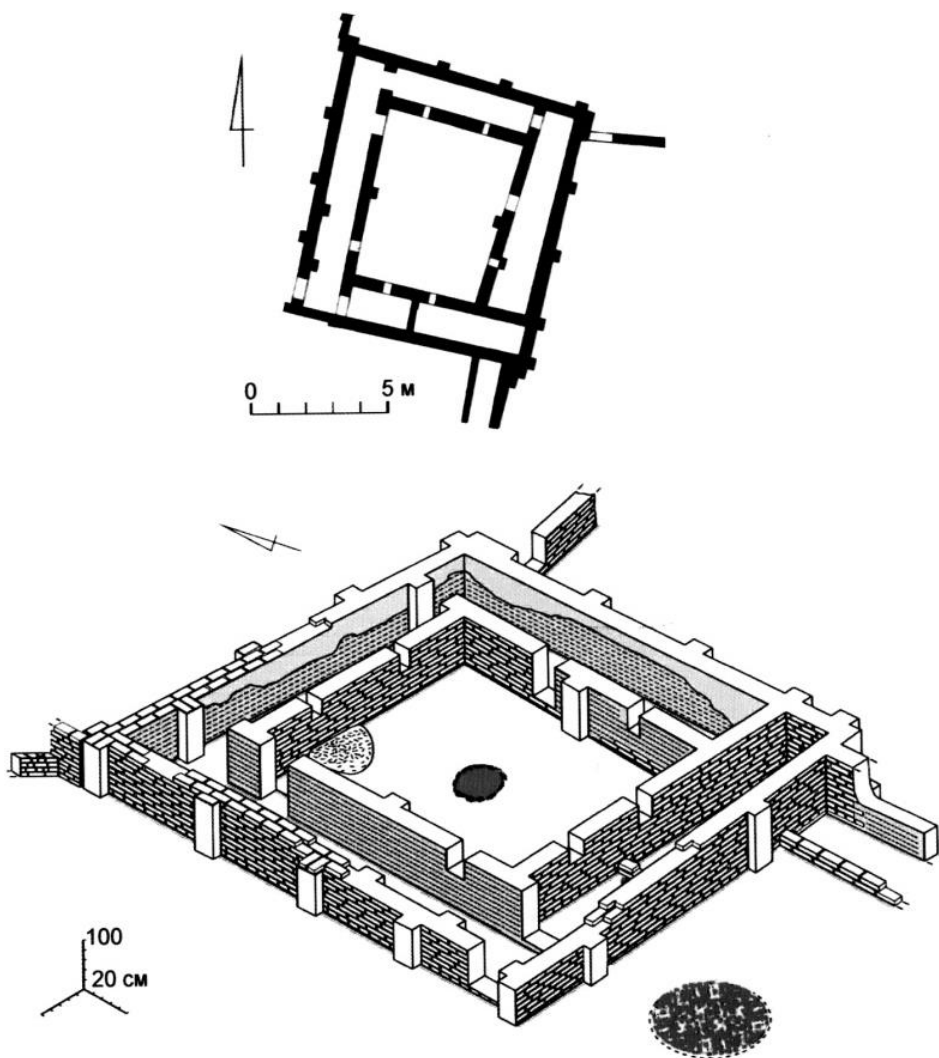

Рис. 9, Храм солнца.

Рис. 9а. Храм солнца.

**Рис. 10. Храм жертвоприношения. Раскоп XI аксонометрия
(по Раззоков, Худжагелдиев)**

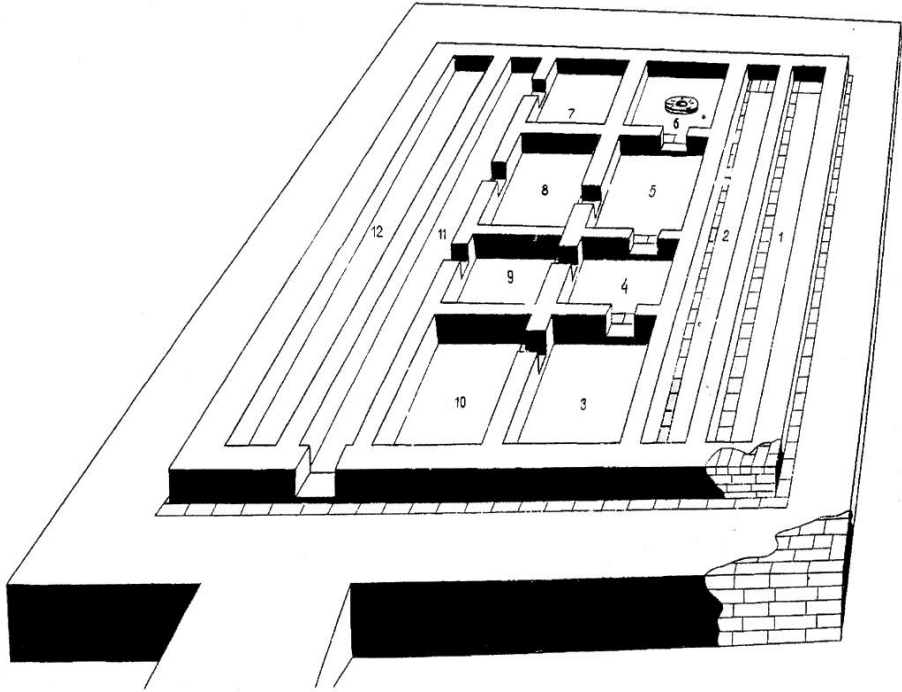

Рис. 11, Хранилище правителя

Рис 9. Многосупенчатый крест- герб символ города Саразма

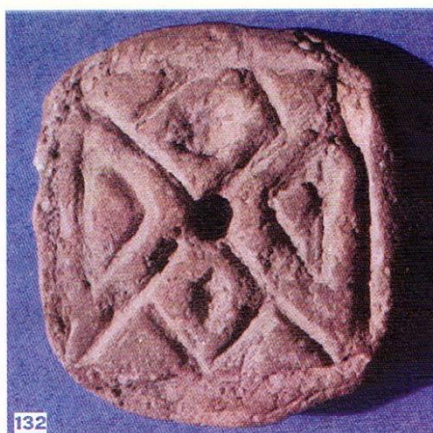

Рис.13, Печати и амулеты

Литература

- Исаков А. Саразм. Душанбе, 1991
- Исҳоқов А. Саразм (Оғози тамаддуни тоҷикон). Душанбе, 2018
- Каримова Г.Р. Культурные сооружения Саразма (по материалам раскопок А.И. Исакова в 1978-1986, 1989, 2000 гг.) // АРТ.- Душанбе, 2009.- Вып. 33, с.262-282.
- Каримова Г.Р. Дозороастрийское верования древнего Саразма // Наследие предков.- Душанбе, 2012, № 15, с. 119-130.
- Каримова Г.Р. Головной убор саразмской жрицы //Проблемы археологии и истории Таджикистана. К 80-летию со дня рождения академика Академии наук Республики Таджикистан Юсуфа Якубовича Якубова.- Сб. статей /Отв. редактор Г.Р. Каримова.- Душанбе: «Дониш».- 2017.- С.66-74
- Каримова Г.Р. Металлоплавильное производство Саразма (по архивным материалам Пенджикентской археологической базы)// АРТ .- Душанбе, 2017.- Вып. 39.- С. 253-256
- Каримова Г.Р. Печати Саразма – пиктографические знаки или первые знаки протописьменности // Вестник института/Сокровищница науки.- Материалы научно-практической международной конференции, посвященной 5500- летию древнего Саразма, 18-19 декабря 2019 г. в Таджикском педагогическом институте г. Пенджикент.- Пенджикент, 2019.- № 4.- С. 113-121
- Раззаков А., Каримова Г., Курбанов Ш., Бобомуллоев С. Саразм 5500 .-Душанбе: «Эчод»,- 2006.- 96 с.
- Разаков А. Саразм. (Орудия труда и хозяйство по экспериментально-трассологическим данным). Душанбе, 2008
- Раззоков Ф.А. Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразма в 1V-111 тыс. до н.э. - Санкт-Петербург, 2016.
- Гуляев В.И. Город- государство Майя. 1979
- Ибн Надим ал-Фехрист. Техрон, 1975
- Массон В.М. Первые цивилизации. Ленинград, 1989
- Ширинов Т. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Самарканд, 1993
- Childe V.G. The urban revolution- Town Plannid Review. Vol, 21, 1950
- Soraya Elikay Dehno, Galina Karimova. Cultural Relations of Iran with Central Asia Based on Seals of Bronze Age (آسیای با ایران فرهنگی ارتباط). // Parseh Journal of Archaeological Studies.- 1398 (2019).- № 3.- P. 31-47

B. Mutin
(France)

THE METALLIC ASSEMBLAGE FROM EXCAVATION VII AT SARAZM

1 Introduction

In 1984, H.-P. Francfort and the late R. Besenval opened Excavation VII at Sarazm as part of a Tajik-French cooperation between the Academy of Sciences of Tajikistan and the French National Center for Scientific Research (CNRS). Excavation VII is in the southeastern part of what is today the UNESCO fenced area of Sarazm (Figs. 1-2). Besenval then continued fieldwork in this excavation until 1991. He identified four main archaeological levels which were radiocarbon dated between ca. 3350-2000 cal. BCE.¹⁶ This article focuses on one aspect of Excavation VII, its metallic assemblage. This assemblage has never been totally published, and I have recently begun studying it as part of a publication project that focuses on the archives relating to Besenval's fieldwork in Tajikistan. This assemblage consists of 16 copper items, two lead items, and one iron item (Table 1). Seven fragments of ores, two slags, and one fragment of melted lead complement Excavation VII inventory relating to metal processing. These metallic objects and preliminary research on their parallels are presented here, save for the iron item.¹⁷ Results from compositional analyses conducted on three copper objects and one lead object are then reviewed, as well as those conducted on one copper ore, two lead ores, one melted lead fragment, and one slag. The archaeological contexts of the ores, slags, and melted lead fragment are also examined. This article ends with a discussion based on observations drawn from this preliminary analysis, with a focus on three main aspects of Sarazm: its chronological and cultural relationships; the evidence for social stratification at this site; and metallurgical practices.

---

¹⁶ Besenval, R. & A.I. Isakov 1989 (Sarazm et les débuts du peuplement agricole dans la région de Samarkand. *Arts asiatiques* 44: 5-20): 17. Although the present article does not address the chronology of Sarazm, it is important to remember that different views have been offered on this topic, particularly on the question as to whether this site continued to be occupied after ca. 2500 BCE. See and compare the ceramic parallels and radiocarbon dates in Besenval & Isakov 1989: 17; Isakov, A.I., Ph. Kohl, C.C. Lamberg-Karlovsky & R. Maddin 1987 (Metallurgical analysis from Sarazm, Tadjikistan SSR. *Archaeometry* 29: 90-102): 91 Tab. 1; Lyonnet, B. 1996 (*Sarazm (Tadjikistan) Céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien)*) (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale 7). Paris: de Boccard): 60-61, 65-68.

¹⁷ It is likely intrusive, although the location of its provenience could not be found in Besenval's archives.

2 Copper objects

The copper objects from Excavation VII consist of: five pins; four daggers; three awls; one item described as being the point of either an awl or a blade; what appears to be a hook; and two fragments that Besenval recorded as copper items with question marks. Here are discussed the most complete items (Fig. 3).

2.1 Pins

The pins have long and thin stems and decorated heads. Two of the complete pins have flat heads; one is diamond-shaped (SF210), and one is triangle-shaped (SF97). The head of the third complete pin consists of two spirals or coils joined together (SF96). Additional pins were found at Sarazm, including examples with stems with thickened extremities as observed on SF97 and SF210. Diamond-shaped and triangle-shaped heads are observed on some of these parallels, although they are not exactly the same as those on the pins from Excavation VII. On the other hand, the double-spiraled headed pin has no equivalent at Sarazm.¹⁸ Beyond this site, headed-pins are recorded between the Iranian Plateau, Pakistan, and Central Asia from the Chalcolithic through the Middle Bronze Age periods, with the most sophisticated heads observed within assemblages dating to the mid-late third through the early second millennia BCE as part of the Oxus Civilization in Central Asia and at sites such as Shahdad and in the Halil Rud Basin in Iran.¹⁹ Pins with simpler heads are observed before that, between the mid-late fourth and mid-third millennia BCE, at least from northeastern Iran and Turkmenistan to Pakistan, including pins similar to those found in Excavation VII and from other locations at Sarazm. Such objects are recorded for instance at Shah Tepe,²⁰ Tepe Hissar,²¹ Altyn-Depe,²²

---

¹⁸ Isakov, A.I. 1991 (*Sarazm*. Dushanbe: Donish): fig. 23 nos. 1-4; Isakov, A.I. 1994 (*Sarazm: An Agricultural Center of Ancient Sogdiana*. *Bulletin of the Asia Institute New Series* 8: 1-12): 4 fig. 5. Metallic artifacts including pins, blades, awls, and hooks are on display at the National Museum of Antiquities in Dushanbe, the Penjikent Museum, and the Museum at Sarazm.

¹⁹ See Ligabue, G. & S. Salvatori (eds.) 1988 (*Battriana, una antica civiltà delle oasi dalle sabbie dell'Afghanistan*. Venice: Erizzo); Masson, V.M. 1988 (*Altyn-Depe*. Philadelphia: The University Museum. University of Pennsylvania): pl. XXIX no. 4; Hakemi, A. 1997 (*Shahdad: Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran* (IsMEO Reports and Memoirs 27). Rome: Oxford and IBH): 61 fig. 38; see Ligabue, G. & G. Rossi Osmida 2007 (*Sulla via delle oasi. Tesori dell'Oriente Antico*. Trebaseleghe: Il Punto); Helwing, B. 2017 (*Die Frühe Bronzezeit im Hochland von Iran*. In: B. Helwing & S. Annen S. (eds.), *Iran, Frühe Kulturen zwischen Wasser und Wüste*, 13.4.2017-20.8.2017. Bonn: Kunsthalle der Bundesrepublik Deutschland: 96-123): 113.

²⁰ Arne, T. 1945 (*Excavations at Shah Tepe, Iran* (Reports from the Scientific expedition to the north-western

Geoksyur,²³ Shahr-i Sokhta,²⁴ Mundigak,²⁵ Said Qala Tepe,²⁶ and Sohr Damb.²⁷ The double-spiraled headed pin from Excavation VII has many parallels in the same area including at Tepe Hissar,²⁸ Parkhai II, Anau, Namazga-Depe,²⁹ Shahr-i Sokhta,³⁰ Mundigak,³¹ Said Qala Tepe,³² Mehrgarh,³³ and even further west such as at Tepe Sialk,³⁴ within the Kura-Araxes sphere in the Caucasus and neighboring regions, where the same motif is also observed on pottery,³⁵ and in southeastern Europe.³⁶ Certainly,

---

provinces of China under the leadership of Dr. Sven Hedin, The Sino-Swedish Expedition Publication 27. VII. Archaeology 5). Göteborg: Elanders boktryckeri aktiebolag): 298, 301-302.

²¹ Schmidt, E. 1937 (*Excavations at Tepe Hissar, Damghan*. Philadelphia: The University Museum. University of Pennsylvania): pl. XC.A.

²² Masson 1988: pl. XXVII no. 9.

²³ Masson, V.M. & V.I. Sarianidi 1972 (*Central Asia: Turkmenia before the Achaemenids* (Ancient Peoples and Places, volume 79). New York: Praeger Publishers): 78 fig. 20 nos. a-b.

²⁴ Tosi, M. 1968 (Excavations at Shahr-i Sokhta, a Chalcolithic Settlement in the Iranian Sīstān. Preliminary Report on the First Campaign, October-December 1967. *East and West* 18 (1/2): 9-66) fig. 113; Piperno, M. & S. Salvatori 2007 (*The Shahr-i Sokhta Graveyard (Sistan, Iran)* (IsIAO Reports and Memoirs New Series 6). Rome: IsIAO): 177 fig. 380 no. 7131; 192 fig. 418 no. 6272; 254 fig. 581 no. 7644; 279 fig. 644 no. 8284; 304 fig. 718 no. 8499; 317 fig. 754 no. 8516; 331 fig. 791 no. 7648; 339 fig. 809 no. 8172).

²⁵ Casal, J.-M., 1961 (*Fouilles de Mundigak* (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan 17). Paris: Klincksieck): fig. 139 nos. 5, 7; fig. 140 nos. 19-20, 31.

²⁶ Shaffer, J. 1971 (Preliminary Field Report on Excavations at Said Qala Tepe. *Afghanistan* 24 (2): 89-127): 126 figs 43-44.

²⁷ Franke, U. 2015 (Joint German-Pakistani Archaeological Mission to Kalat. Sohr Damb/Nal. Reconstruction of a prehistoric culture in Central Balochistan, Pakistan. *Pakistan Archaeology* 30: 31-144): pl. 8 no. Pl_19_f-Tr IX.jpg.

²⁸ Schmidt, E. 1933 (Tepe Hissar: Excavations of 1931. *The Museum Journal* 23 (4)): pl. CIV.C; Schmidt 1937: pl. XXIX no. H4856.

²⁹ Khlopin, I.N. 1981 (**The Early Bronze Age Cemetery of Parkhai II: The First Two Seasons of Excavations: 1977-78. *Soviet Anthropology and Archaeology* 19 (1-2): 3-34): 25 fig. 21 nos. 1-2, 4-8; 25-26.**

³⁰ Piperno & Salvatori 2007: 254 fig. 581 no. 7643; 271 fig. 627 no. 8016.

³¹ Casal 1961: fig. 139 nos. 4, 18.

³² Shaffer 1971: 126 fig. 43.

³³ Jarrige, C., J.-F. Jarrige, R.H. Meadow & G. Quivron 1995 (*Mehrgarh. Field Reports 1974-1985. From Neolithic Times to the Indus Civilization. The Reports of Eleven Seasons of Excavations in Kachi District, Balochistan by the French Archaeological Mission to Pakistan*. Karachi: The Department of Culture and Tourism, Government of Sindh, Pakistan, in Collaboration with the French Ministry of Foreign Affairs): 202 fig. 3.15 a.

³⁴ Ghirshman, R. 1938 (*Fouilles de Sialk près de Kashan 1933, 1934, 1937* (Musée du Louvre, Département des antiquités orientales et de la céramique antique, série archéologique). Paris: P. Geuthner): pl. XCV nos. a, e.

³⁵ See Chataigner, C. & G. Palumbi (coordinators) 2014 (The Kura-Araxes culture from the Caucasus to Iran, Anatolia and the Levant: Between unity and diversity. *Paléorient* 40.2).

considerable variations are noted throughout this vast geographic and chronological expanse in the shapes and sizes of these double-spiraled headed pins.³⁷

2.2 Daggers

The three complete daggers have three different profiles. One has a short tang, and part of its blade segment is thin (SF25); one has a short tang and a wider blade segment (SF98); and the third one is longer than these two daggers, its tang is also longer and its tang end is folded (SF207). These three types of profiles have been observed elsewhere at Sarazm.³⁸ Certainly, such objects were not unique to this site. Daggers are recorded at other sites contemporary with, or slightly more recent than, Sarazm, including Tepe Hissar,³⁹ Tepe Challow,⁴⁰ Altyn-Depe,⁴¹ Parkhai II,⁴² Shahr-i Sokhta,⁴³ and Mundigak.⁴⁴ Daggers that generally parallel those from Sarazm have also been observed within Kura-Araxes assemblages, although many other daggers in the same assemblages are different.⁴⁵ It should be noted that comparisons are at times difficult to make as available parallels are not always complete, such as at Mundigak. Perhaps from this brief survey some of the above-mentioned parallels from Altyn-Depe, Shahr-i Sokhta, and the Kura-Araxes sphere should be considered the closest equivalents for the daggers from Sarazm, with, tentatively at present state of the analysis, certain specimens from the Caucasus looking quite close.⁴⁶ A brief survey of daggers from the Chalcolithic and Bronze Age archaeological cultures in the Eurasian Steppe tends to show that these objects in these cultures appear to be mostly

---

³⁶ Kohl, Ph. 2007 (*The making of Bronze Age Eurasia* (Cambridge World Archaeology). New York: Cambridge University Press): 30 fig. 2.5.

³⁷ E.g., Khlopin 1981: 25-26; Palumbi, G. 2008 (*The Red and Black. Social and Cultural Interaction between the Upper Euphrates and the Southern Caucasus Communities in the Fourth and Third Millennium BC* (Studi di Preistoria Orientale 2). Rome: Studi di Preistoria Orientale): 128-130.

³⁸ Isakov 1991: figs. 10, 75-77; Isakov 1994: 4 fig. 4.

³⁹ Schmidt 1933: pl. CIII.

⁴⁰ Vahdati, A.A., R. Biscione, R. La Farina, M. Mashkour, M. Tengberg, H. Fathi & F. Azadeh Mohaseb 2019 (Preliminary report on the first season of excavations at Tepe Challow New GKC (BMAC) finds in the plain of Jajarm, NE Iran. In J.-W. Meyer, E. Vila, M. Mashkour, M. Casanova & R. Vallet (dir.), *The Iranian Plateau during the Bronze Age. Development of urbanisation, production and trade*. Lyon: MOM Éditions: 179-200): 185 fig. 6. e.

⁴¹ Masson 1988: pl. XIV nos. 1-2; pl. XXVII no. 10.

⁴² Khlopin 1981: 25 fig. 21 no. 12.

⁴³ Tosi 1968: fig. 114; Piperno & Salvatori 2007: 51 fig. 73 no. 6204; 279 fig. 645 no. 8295.

⁴⁴ Casal 1961: fig. 139 nos. 6, 11; fig. 140 no. 30.

⁴⁵ Kohl 2007: 92 fig. 3.15; 110 fig. 3.25.

⁴⁶ See, in addition to the above-mentioned reference from Kohl 2007, Palumbi 2008: 126 fig. 4.15.

different,⁴⁷ although this preliminary observation needs be confirmed through more thorough comparative typological analysis. Lastly, A.I. Isakov saw a parallel between the daggers from Sarazm and material in the Indus Civilization assemblage.⁴⁸

2.3 Awls

The two complete awls have virtually identical sizes and double-ogival profiles (SF71 and SF99). Again, similar awls have been found elsewhere at Sarazm.⁴⁹ One was found in Excavation XVI where this object was still hafted in a bone haft.⁵⁰ An awl in a bone haft was found at Mundigak.⁵¹ Copper awls with profiles similar to those from Sarazm were found at this site in all periods. Some of them still bear traces that show that they were hafted in wood hafts.⁵² Awls with this type of profile are also recorded at Tepe Hissar.⁵³

2.4 Hook

While the possibility remains that the item recorded as a hook (SF39) is a hook, it may also be a pin or another type of oblong object that got bent. Indeed, copper hooks have been found at Sarazm,⁵⁴ and the exemplar from Excavation VII is slightly different as it is thickened in two placements including one where the stem begins curving. Copper hooks were also found at Mundigak.⁵⁵

3 Lead objects

The lead objects from Excavation VII are one stamp-seal and one disc (Fig. 4).⁵⁶

3.1 Seal

The seal (SF24) has a circular outline and two perforations placed at its center. The motif on this seal is quadripartite, with each quarter being filled

---

⁴⁷ E.g., Anthony, D.W. 2007 (*The Horse, the Wheel and Language*. Princeton: Princeton University Press): 357 fig. 14.4; 378 fig. 15.4; 392 fig. 15.10; Chernykh, E. 2008 (The “Steppe Belt” of stockbreeding cultures in Eurasia during the Early Metal Age. *Trabajos de Prehistoria* 65 (2)): 73-93.

⁴⁸ Isakov 1991: Tab. 15.

⁴⁹ Isakov 1991: fig. 23 nos. 5-7; Isakov 1994: 4 fig. 5.

⁵⁰ Mutin, B., A. Razzokov, F. Brunet & H.-P. Francfort 2020 (2011-2014 Fieldwork of the Tajik-French Project at Sarazm. In: L. Rose Greaves & A. Hardy (eds.), *South Asian Archaeology and Art 2016: Volume 1*: 21-34. New Delhi: Dev Publishers & Distributors): 31 fig. 9 no. 2.

⁵¹ Casal 1961: pl. XXXIX.A.

⁵² Casal 1961: 247-248, fig. 139 no. 2.

⁵³ Schmidt 1933: pl. CIV.B no. H32; Schmidt 1937: pl. XVI H3707.

⁵⁴ Isakov 1991: fig. 23 nos. 8-9, 12; Isakov 1994: 4 fig. 5.

⁵⁵ Casal 1961: 249, fig. 139 no. 13.

⁵⁶ See also Besenval & Isakov 1989: 14, 16 fig. 29b.

with two concentric triangles. Parallels for this seal are at Altyn-Depe and include: a circular bone seal with two perforations and a similar decoration;⁵⁷ a circular terracotta seal with no perforation but with an identical motif;⁵⁸ and one seal in lazurite with two perforations and a similar motif, but rectangular in shape.⁵⁹ A similar motif has also been recorded on a sealing impression found in the House of the Jars at Shahr-i Sokhta.⁶⁰ Lastly, a comparable motif was engraved on a rectangular lapis lazuli seal with two perforations from Mundigak Period IV.1.⁶¹

3.2 Disc

The disc (SF194) is an object of less than 17 cm in diameter interpreted as a weight or an ingot. It is half-preserved. Its decoration is openwork and appears to consist of two parallel rectangles in the center surrounded by V-shaped, and possibly cross and/or T-shaped, motifs along the edge. A similar lead, openwork disc was found on the surface of Sarazm. Although its diameter is bigger and it does not have any motifs along its edge, this disc has two parallel rectangles in its center with the same size as the one preserved on the disc from Excavation VII. No similar lead objects appear to have been found so far beyond Sarazm. Comparable stone objects however deserve mention. One is a stone disc from Altyn-Depe.⁶² Although this object is not exactly the same as the lead discs from Sarazm, its shape and its openwork decoration, which appears to include T-shaped, crenelated or cross motifs, are reminiscent of those on the disc from Excavation VII. Parallels in stone for the lead discs from Sarazm have also been observed in northern Afghanistan, where two circular discs with openwork cross and crenelated cross motifs are worth mentioning, in addition to discs with just a handle.⁶³ Also, circular openwork discs and discs with just a handle are recorded at Tepe Hissar.⁶⁴ These parallels date to after the mid-third millennium BCE

---

⁵⁷ Kircho, L.V. 2009 (Основные направления и характер культурных взаимодействий населения Южного Туркменистана в V–III тыс. до н. э. (Main Directions and the Character of the Cultural Interactions of Southern Turkmenistan in 5th – 3rd Millennium BC). *Stratum plus. Археология и культурная антропология (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* 2/2009: 374-392): 382 fig. 4 no. 14.

⁵⁸ Kircho 2009: 382 fig. 4 no. 12.

⁵⁹ Kircho 2009: 382 fig. 4 no. 8.

⁶⁰ Ameri, M. 2020 (Who Holds the Keys? Identifying Female Administrators at Shahr-i Sokhta. *Iran*. DOI: 10.1080/05786967.2020.1718542): 20 fig. 17 no. 5.

⁶¹ Casal 1961: fig. 131 no. 16.

⁶² Masson 1988: pl. XLIII no. 10.

⁶³ Pottier, M.-H. 1984 (*Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'Âge du Bronze*. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations): 175 fig. 41 nos. 291, 294; 217 pl. XXXV nos. 290, 292.

⁶⁴ Schmidt 1937: pl. LXII.

broadly speaking. In the same general category of stone objects are items with different shapes, plain or with carved decorative motifs, known as “weights” or “bags.” These items have been found from Central Asia, including at Sarazm, to Iran (and even further west in Iraq and Syria) mostly beginning around the mid-third millennium BCE.⁶⁵ They certainly are not identical to the lead discs from Sarazm and their above-mentioned parallels in stone, but this more distant relationship needs be remembered.

4 Metal production in Excavation VII

The compositions of four of the metallic objects recovered from Excavation VII, three in copper and one in lead, were analyzed per Besenval effort (Table 2). As of today, the only other compositional analyses that have been conducted on metal objects from Sarazm and published are those by Isakov *et al.*⁶⁶ For this reason, inevitably, these analyses are extensively referred to below. It is however important to note that new compositional analyses were recently conducted by S. Kraus, T. Schifer and E. Pernicka as part of the ROXIANA Project,⁶⁷ and publication of these analyses is being prepared. Besenval also recorded ten items relating to metal processing within the four main levels he defined in this excavation (Table 2). These items are discussed here too.

4.1 Compositional analyses

Two copper blades, one copper awl, and the single lead disc were analyzed. Based on Besenval’s archives, the compositional analyses were conducted by F. Cesbron at the Laboratoire de Minéralogie-Cristallographie Pierre et Marie Curie (Paris VI), Paris, France. It is unfortunate that no

---

⁶⁵ E.g., Altyn-Depe and Anau in Turkmenistan (Masson 1988: pl. XXXV nos. 4, 6; Pumpelly, R. (ed.) 1908 (*Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilizations of Anau. Origins, Growth, and Influence of Environment, vol. 2.* Washington: Carnegie Institution of Washington): 479 figs. 506-508, 480 figs. 509-510; Tepe Sialk, Tepe Chalow, Tepe Hissar, the Halil Rud Valley, and Tepe Yahya in Iran (Ghirshman 1938: pl. LXXXV nos. 5, 22; Vahdati *et al.* 2019: 184 fig. 5; Schmidt 1937: pl. LXII; Akbarzadeh, D. & S. Piran 2012 (Objects from the Jiroft Treasury. Tehran: Pazineh): 34, 50, 65-68; Potts, D.T. 2001 (*Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967-1975. The Third Millennium* (American School of Prehistoric Research Bulletin 45). Cambridge, MA: Peabody Museum Harvard University): 141 fig. 4.40); Mundigak and Bactria in Afghanistan (Casal 1961: fig. 135 no. 4; Afghanistan (Pottier 1984: 175 fig. 41 no. 293; 217 pl. XXXV no. 293); the Soch Valley in Uzbekistan (Kohl, Ph. 2001 (Reflections on the production of chlorite at tepe Yahya: 25 years later. In: D.T. Potts (ed.), *Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967-1975. The Third Millennium* (American School of Prehistoric Research Bulletin 45). Cambridge, MA: Peabody Museum Harvard University: 209-230): 227 fig. 9.14); Sarazm (Isakov 1991: fig. 31); Kyrgyzstan and Kazakhstan (Besenval & Isakov 1989: 17 fig. 30, 18).

⁶⁶ Isakov *et al.* 1987.

⁶⁷ Archaeological Research on Metal and Pottery Assemblages from the Oxus Basin to the Indus Valley during Protohistory; <https://anr.fr/Project-ANR-11-FRAL-0016>.

information was found in these archives on the type of analytical method conducted, save for the lead disc for which Energy Dispersive Spectroscopy for Scanning Electron Microscope was used. Indeed, an important parameter that needs be considered when interpreting results from compositional analysis is the analytical methods used, since some methods cannot detect certain elements. Available results show that all three copper objects are essentially composed of unalloyed copper, although it seems that only their corrosion products were observed, so potential alloying elements could not be detected.⁶⁸ The lead disc emerged from these analyses as a pure lead object,⁶⁹ which appears to be the case too of the above-mentioned lead disc found on the surface of Sarazm, also analyzed by Cesbron. Isakov *et al.* analyzed seven copper items from Sarazm (a mirror, four blades, a “lump,” and a fishhook) using atomic absorption spectroscopy, optical microscopy, and electron beam microanalysis apparatus (EBMA). With these analyses they showed that these items are also essentially pure copper objects,⁷⁰ although EBMA suggests that many lead inclusions were removed during the process of making the mounted sample for analysis. As such, this industry should perhaps be rather defined as a copper-lead industry.⁷¹ Therefore, it is probably best to keep in mind that, although previous analyses showed that copper and lead industries at Sarazm are mostly unalloyed industries, or perhaps more accurately copper-lead as far as the copper objects analyzed by Isakov *et al.* are concerned, these results need confirmation. Hopefully, publication of the new analyses by S. Kraus, T. Schifer and E. Pernicka will clarify this.

Another aspect that will need close examination is a conclusion also by Isakov *et al.* who wrote that the “copper ores that are reported to be present in the region of the Zeravshan...were most likely those exploited” at Sarazm.⁷² Although there is no evidence for mining in this region at the time Sarazm was occupied, evidence dating to the mid-second millennium BCE was found in the copper and tin mines of Mushiston in the Zeravshan mountains, ca. 40 km southeast of Sarazm (ca. 2830 m asl).⁷³ Also, sources

---

⁶⁸ C. Thornton, pers. comm.

⁶⁹ See also Cesbron, F. 1996 (Les matériaux minéraux du site archéologique de Sarazm, Tadjikistan. *Bulletin de l'AMIS* 18: 3-8): 5-6.

⁷⁰ Isakov *et al.* 1987: 91-92.

⁷¹ C. Thornton, pers. comm.

⁷² Isakov *et al.* 1987: 101-102.

⁷³ Boroffka, N., J. Cierny & J. Lutz 2002 (Bronze Age tin from Central Asia: Preliminary notes. In: K. Boyle, C. Renfrew & M. Levine (eds.), *Ancient interactions: East and West in Eurasia*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research: 136-160); Parzinger, H. & N. Boroffka (eds.) 2003 (*Das Zinn in der Bronzezeit in Mittelasien I. Die*

for lead are recorded in these mountains, while additional sources for copper and lead are recorded beyond these mountains and the Zeravshan Valley in Tajikistan and Uzbekistan.⁷⁴

4.2 Ores, slags, and melted lead: records relating to metal processing

Ten items collected inside Excavation VII relate to metal processing. These items are seven ores, two slags, and one fragment of melted lead. The compositions of five of them were analyzed by Cesbron, while the rest are four items identified with the naked eye as ores and one as a slag. The five analyzed items are: one copper ore; two lead ores; a melted lead fragment; and one slag (Table 2). These five items were found in Levels II and III. The copper ore fragments (SF313) were found inside a pit of Level III2, together with fragments of quartz debitage (Fig. 5). Fragments of one of the two lead ores (SF315) were found inside a hearth of Level III1. The other lead ores (SF214) and the fragment of melted lead (SF312) come from fills in open areas in Levels III1 and III2, respectively. The exact provenience of the slag (SF112) could not be determined based on the archives. As for the items identified with the naked eye, four come from fills in open areas (SF208 in Level I; SF323 and SF326 in Level III3; and SF321 in Level IV2) and one from one room (SF324 in Level III2). Save for one, all records whose provenience could be found in the archives are noted to have been collected outside of building complexes, either within what appears to be open spaces (or courtyards) near mudbrick dwellings, or within occupation levels with no architecture.

Besnval found no vestiges of any specific metallurgical installation, or metallurgical quarter, in Excavation VII. The only fairly reasonable evidence that metallurgical activities were performed inside or near Excavation VII are the slags and the melted lead fragment as well as the lead ores found inside the Level III1 hearth. The other ores were perhaps meant to be processed inside or near Excavation VII, although the possibility remains that they were just brought and stored in this location and were meant to be processed elsewhere at the site. Available evidence for metal processing in Excavation VII is in any case much less than that recovered from Excavation II, located in the northern part of the site and excavated over a larger surface than Excavation VII. There, “significant quantities of crucibles and slag were recovered...Though the architectural association and function remain

---

siedlungsarchäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten (Archäologie in Iran und Turan 5). Mainz: Verlag Philipp von Zabern; Kaniuth, K. 2007 (The metallurgy of the late bronze Age Sapalli Culture (Southern Uzbekistan) and its implications for the ‘Tin Question’. *Iranica Antiqua* 42: 23-40): 27 fig. 2.

⁷⁴ http://www.geoport-tj.org/images/deposits_map.jpg; <https://mrdata.usgs.gov/mrds/>.

somewhat unclear the crucibles and slag were recovered from surfaces of floors that were burned red. From this floor were recovered holes of hearths that were 18-25 cm in diameter and 20-30 cm in depth. It is not unlikely that these were ‘pot-furnaces’ for the smelting of ores.”⁷⁵ A similar observation may nonetheless be made in both Excavation II and Excavation VII, which is that, based on available evidence, the levels in both excavations that yielded vestiges of metallurgical activities are best defined as dwellings, and not so much as specialized craft areas.⁷⁶ Besenval and Isakov characterized Excavation II as the densest dwelling area of Sarazm.⁷⁷ F. Razzokov noted that one room in this excavation probably served as a workshop dedicated to copper metallurgical activities, which was at the same time directly connected to a dwelling, making it a “home workshop.”⁷⁸

5 Preliminary discussion

Three main aspects of Sarazm are worth discussing based on observations drawn from this preliminary analysis: its chronological and cultural relationships; the evidence for social stratification at this site; and metallurgical practices.

5.1 Chronological and cultural relationships

On the parallels for the metallic objects from Excavation VII, it is probably important to remember that it is at times difficult to distinguish between similarities that might imply the existence of influences or connections between sites and those that may perhaps just indicate general convergences resulting from parallel productions of a same type of artifact using the same type of raw material and technique. Keeping this reservation in mind, the main observation that can be made on the parallels noted here for the metallic objects from Excavation VII is that they are generally consistent geographically and chronologically with those observed for other material assemblages and other categories of artifacts recovered from Sarazm.⁷⁹ Broadly speaking, they mostly are at fourth and third millennia

---

⁷⁵ Isakov *et al.* 1987: 101; see Isakov 1991: fig. 24; see also in Excavation XVI next to Excavation II: Mutin *et al.* 2020: 31 fig. 9.

⁷⁶ See Besenval & Isakov 1989; Isakov 1994: 6-7. Note however that a level such as Level III3 in Excavation VII is essentially characterized by hearths and pits, while no architecture was recorded in this level. Still, the two items defined as ores found in this level appear to be too rare an evidence to conclude that this level served as a craft area.

⁷⁷ Besenval & Isakov 1989: 8.

⁷⁸ Razzokov, F. 2016. *Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н. э. (Building complexes of the ancient agricultural settlement of Sarazm in the IVth–IIIrd millennia BC)*. St. Petersburg: Horizon LLC.

⁷⁹ As illustrated in Excavation VII for instance, where ceramics connected to the Turkmen Namazga III period, south Afghan site of Mundigak, and northeastern Iran are recorded; see Besenval & Isakov 1989.

BCE sites located in the vast area between the Caspian Sea and the Indus Valley. However, it is important to note that at present state of research on this metallic assemblage I have less considered published materials from the archaeological cultures in the Steppe and the Kel'teminar culture in Uzbekistan, materials that will need to be reviewed. Preliminary survey of published Steppe assemblages has not revealed obvious parallels with Sarazm but has not made it clear whether there are none, less, or less apparent parallels in these assemblages. Metallic relationships with groups in these areas would not be surprising considering that at a minimum the lithic industry from Sarazm shows connections with “cultures of Neolithic to Bronze Age sites located in the steppe to arid zone of Central Asia, both in the West, in Uzbekistan, and in the North, in Kazakhstan.”⁸⁰ These cultures include the Kel'teminar in Uzbekistan, while analogies are even noted with lithics found in Siberia. It has also been argued that a pottery vessel from Sarazm was a Kel'teminar-related product, although there is no consensus on this comparison.⁸¹

Another observation on the chrono-cultural parallels for Excavation VII metallic assemblage concerns those noted with the Caucasus. Although it is evident that most parallels for the material culture from Sarazm are observed in the areas between northeastern Iran/Turkmenistan and Pakistan, the links with the Caucasus mentioned above are probably worth remembering and deserve further, closer investigation. These more distant metallic connections are not as abundant and evident as those observed with sites in southern Central Asia and South Asia, through the ceramics for example, but are consistent with comparisons found for the stone “beaks” or “scepters” from Excavation II⁸² with objects in northern Caucasus.⁸³ On the topic of the distant stylistic relationships observed at Sarazm, it is perhaps worth noting that two axes-adzes from this site are best paralleled with items found west of the Black Sea in the Carpatho-Danubian region.⁸⁴ On the same topic, one

---

⁸⁰ Brunet, F. 2016 (Towards a new characterization of the Chalcolithic in Central Asia. The lithic industry of Sarazm (Tajikistan): the first results of the technological analysis. In: A. Didier & B. Mutin (eds.), *South Asian Archaeology and Art 2012*. Turnhout: Brepols: 49-62): 57.

⁸¹ Lyonnet 1996: 59, 116 fig. 38 no. 1.

⁸² Isakov 1991: 29 nos. 2-3; Isakov 1994: 9 fig. 8 no. 6.

⁸³ Lyonnet, B. 2000 (La Mésopotamie et le Caucase du Nord au IVe et au début du IIIe millénaires av. n.e. : Leurs rapport et les problèmes chronologiques de la culture de Majkop. Etat de la question et nouvelles propositions. In: C. Marro & H. Hauptmann, *Chronologies des pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVe-IIIe millénaires av. n.e. Actes du colloque d'Istanbul, 16-19 décembre 1998* (Institut Français d'Études Anatoliennes). Paris: De Boccard: 299-320): 306, 320 fig. 8 nos. 2-7; Kohl 2007: 61 fig. 3.3b nos. 1-6.

⁸⁴ Lyonnet 2000: 306; Boroffka, N. 2009 (Simple technology: casting moulds for axe-adzes. In: T.L. Kienlin & B. Roberts (eds.), *Metals and society. Studies in honour of Barbara S.*

should recall the discovery of one lapis lazuli bead in a kurgan dating to the first half of the fourth millennium BCE at Soyug Boulaq, Azerbaijan. There is no doubt that this object or its material derived from the Badakhshan Province in northeastern Afghanistan. As noted by Lyonnet *et al.*, “The way it came [to this site] is unknown and certainly not direct. Both known routes, either north of the Caspian Sea through the steppes, or south through northern Iran are possible.”⁸⁵ The same observation may be applied to the relationships between Sarazm and the Caucasus noted here. The southern route is in this case lined with parallels with Sarazm assemblage, including in Turkmenistan and northern Iran, where in addition to the copper pins and stone discs mentioned above, grey ceramics similar to material found in Excavation VII at Sarazm are recorded, such as at Tepe Hissar, Tureng Tepe, and Shah Tepe.⁸⁶

5.2 Social stratification

Some of the metallic objects presented in this article bring to mind the notion of social stratification owing to the common view that certain types of metallic artifacts were owned by individuals with status greater than that of the rest of the population. As phrased by Salvatori *et al.* regarding Turkmenistan, “the contextual use of copper, silver and gold beads would suggest that already in the mid-4th millennium BC, traders and metal-smiths were capable of providing the community with a means of distinguishing some individuals or families of higher status from the commoners.”⁸⁷ The pins, daggers, seal, and disc from Excavation VII add to the inventory of objects from Sarazm that may be interpreted as prestige items and associated with elites. For instance, Isakov viewed the lead seal from Excavation VII as well as a cylinder-seal found in Excavation IV and the above-mentioned stone “beaks” from Excavation II as status objects.⁸⁸ Certainly, the rich funerary assemblage recorded in the burials from Excavation V does not contradict the view that individuals of importance were associated with Sarazm. These burials consist of two single graves, two double graves, and one grave in

---

Ottaway. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GMBH: 246-257): 247 fig. 1 nos. 3-4; 248 fig. 2 nos. 1-2; 250.

⁸⁵ Lyonnet, B., T. Akhundov, K. Almamedov, L. Bouquet, A. Courcier, B. Jellilov, F. Huseynov, S. Loute,

Z. Makharadze & S. Reynard 2008 (Late Chalcolithic kurgans in Transcaucasia. The cemetery of Soyug Bulaq (Azerbaijan). *AMIT* 40: 27-44): 40.

⁸⁶ Besenval & Isakov 1989: 14, 15-16 figs. 25-27.

⁸⁷ Salvatori, S., M. Vidale, G. Guida & E. Masioli 2009 (Ilgyly-depe (Turkmenistan) and the 4th Millennium

BC Metallurgy of Central Asia. *Paléorient* 35 (1): 47-67): 64.

⁸⁸ Isakov 1994: 9-10, 9 fig. 8, 11 fig. 10.

which three individuals were buried, all five graves enclosed by a circular stone wall measuring 15 meters in diameter. The single and double graves yielded remarkable objects including two hundred lazurite beads, twenty-two silver beads, and a silver vessel. The most impressive funerary assemblage however remains that of the tomb with three individuals, who were identified as a woman, a man, and an adolescent. Isakov described it this way: “The woman was buried with a huge collection of cosmetic, toilet, and domestic objects of thirteen different types. The complex included artifacts of bronze (a mirror with a handle), gold (forty-nine pierced beads), and silver (twenty-four pierced beads); two clay statuettes; three stone mace heads; and a bone piercer. There was also an enormous collection of carnelian, lazurite, turquoise, and chalk beads (in numbers ranging from thirty to one thousand). Two bracelets fashioned of seashells are indications of the woman’s high status.”⁸⁹ Additionally, Isakov found three monumental structures including a 165 x 160 meters building complex in Excavation V that he interpreted as a “palace” and “temple”,⁹⁰ suggesting again the presence at the site of high-ranking individuals. While different interpretations may probably be offered on the function of this structure, the rich funerary assemblage described above is indeed unusual and even so far unique within fourth millennium BCE Central Asia,⁹¹ and tends to agree with the view that the individuals buried with it enjoyed high social status. Yet, as far as the rest of the settlement is concerned, it currently remains difficult to evaluate how stratified Sarazm society was. Although it is important to note that some of the metallic objects from Excavation VII may be interpreted as status items, adding to the inventory of objects from Sarazm that have been construed so, I am leaving here this question open. Indeed, this question can be seriously investigated only through detailed comparative analysis of the finds in the houses across this site and of the graves of their inhabitants. Hitherto, save for the above-mentioned five isolated burials, no graveyard relating to Sarazm has been studied at or near this site, and one should add that a significant portion of the metallic assemblage from this site consists of surface discoveries.⁹²

5.3 Metallurgical practices

A few preliminary observations are worth noting on past compositional analyses, although it is important to remember again that new analyses were conducted by Kraus *et al.* Generally speaking, evidence for the production of

---

⁸⁹ Isakov 1994: 5-6.

⁹⁰ Isakov 1994: 7.

⁹¹ Besenval & Isakov 1989: 18.

⁹² Isakov 1994: 8.

lead objects at Sarazm conforms with what is known in Middle Asia, South Asia, and Central Asia during the fourth millennium BCE, during which lead exploitation is well-attested. The same may be said about copper, although it is important to remember that a general shift is observed in copper metallurgy during the fourth millennium BCE between Anatolia and Central Asia, including in Iran, whereby coppersmiths in these regions largely replaced pure copper and leaded-copper with arsenical copper by the mid-fourth millennium BCE.⁹³ Therefore, the analyzed copper objects from Sarazm, which probably date to between ca. 3500-2500 BCE and appear to be pure copper or copper-lead objects, do not fit this general picture. Results from past compositional analyses at Sarazm appear to conform more to what is observed in the mid-fourth millennium BCE Namazga II period in Turkmenistan, such as at Ilgynli-Depe and contemporary sites, than in the Namazga III period, in the late fourth/early third millennium BCE, during which “a dramatic expansion in the use of arsenical copper” is noted.⁹⁴ At Ilgynli-Depe, Salvatori *et al.* analyzed a large series of copper artifacts using EDXRF, with some submitted to metallographic and/or SEM. They found that “the finished objects are composed of almost pure copper, lead being the second most important component. Lead irregularly varies from minimum traces in most specimens to the stronger peaks observed in few cases...Tin is absent, while arsenic, like silver, mainly occurs in trace amounts.”⁹⁵ Certainly, however, the apparent, spectacular expansion of arsenical copper use observed from around the mid-late fourth millennium BCE did not mean total replacement of previous practices everywhere. For instance, three copper items from Mundigak in Afghanistan (unspecified samples and tools from Periods I.5, III.6, and IV.1, fourth and early third millennia BCE broadly speaking), a site with which Sarazm shares many parallels in its material culture, were determined as pure copper objects.⁹⁶ On this topic, the example of Tepe Hissar also deserves mention. C. Thornton demonstrated that two different types of copper production existed simultaneously at this

---

⁹³ Salvatori *et al.* 2009: 48; Thornton, C. 2010 (The rise of arsenical copper in southeastern Iran. *Iranica Antiqua* XLV: 31-50): 31-32; Weeks, L. 2013 (Iranian metallurgy of the fourth millennium BC in its wider technological and cultural contexts. In: C.A. Petrie (ed.), *Ancient Iran and its neighbours. Local developments and long-range interactions in the fourth millennium BC* (British Institute of Persian Studies Archaeological Monographs Series III). Oxford and Oakville: Oxbow Books: 277-291): 280, 282; see Palumbi, G. 2016 (The Early Bronze Age of the Southern Caucasus. *Oxford handbooks online*. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935413.013.14): 25.

⁹⁴ Weeks 2013: 282.

⁹⁵ Salvatori *et al.* 2009: 53, 64.

⁹⁶ Casal 1961: 244-247. On the other hand, one axe from Mundigak Period III.6 is a bronze object with 5% tin. It was interpreted as an import.

site: one that was mostly based on arsenical copper and practiced in household courtyards on the Main Mound, and one that was based on pure copper and lead production and practiced in what has been termed the “industrial quarter” on the South Hill. Products from the former are believed to have been consumed locally, whereas products from the latter are thought to have been exported.⁹⁷ In summary, there is a variety of parameters that need be considered when investigating ancient metallurgical practices, including the analytical method used by the modern analyst and the choices made by past metalsmiths which were influenced by parameters such as tradition, technological advantage, and market demands. Although *Isakov et al.* also noted that “Analyses of the metal artifacts indicate that the smiths of Sarazm produced metal objects in much the same fashion as contemporaneous coppersmiths in Mesopotamia, the Iranian Plateau and the Indus Valley,”⁹⁸ the decisions made by these smiths need to be assessed and explained considering these parameters as well as the metallurgical developments during the fourth and third millennia BCE within at least Middle Asia, Central Asia, and South Asia that have been identified since they made this conclusion. If available data is confirmed by the above-mentioned new analyses, it will need to be explained why copper metallurgy at Sarazm is not very consistent with the general dramatic expansion of arsenical copper observed between the mid-late fourth and mid-third millennia BCE across Anatolia, Iran, Central Asia and South Asia.

A second observation concerns the context and volume of metal production at Sarazm. The metallic assemblage from Sarazm is characterized as “unusually rich” and known for including “numerous daggers, awls, chisels, a shaft-hole axe-adze, tweezers and wide variety of decorative rings, pendants, beads and pins.”⁹⁹ Sarazm is also known for being located within a mineral-rich region and ceramically connected to distant cultural spheres.¹⁰⁰ This together with records of tools and wastes relating to metal production, including crucibles, ingots, and molds, has led to interpret Sarazm as a large, specialized center for metallurgy and metalworking which attracted people over a very wide area.¹⁰¹ Yet, a nuance to this view has been offered by

---

⁹⁷ Thornton, C. 2009 (*The Chalcolithic and Early bronze Age Metallurgy of the Tepe Hissar, Northeast Iran: A Challenge to the ‘Levantine Paradigm’*). Ph.D. dissertation. University of Pennsylvania): 189-198.

⁹⁸ Isakov *et al.* 1987: 100, 102.

⁹⁹ Isakov *et al.* 1987: 90; see in Isakov 1991 and Razzokov, R. 2008. *Sarazm*. Dushanbe: Ezod; artifacts on display at the National Museum of Antiquities in Dushanbe as well as in the Penjikent and Sarazm museums; e.g., Mutin *et al.* 2020: 30-31 fig. 9.

¹⁰⁰ As illustrated in Excavation VII for instance: see Besenval & Isakov 1989.

¹⁰¹ Isakov 1991: 132-133; Razzokov, R. 2008: 102.

Isakov *et al.*, who concluded based on their above-mentioned compositional analysis that “very different objects were produced from a single smelt,” which “may argue against large scale production of a specialized nature” and “is more indicative of...a production to fill immediate needs.”¹⁰² Also, as noted above, it is probably worth remembering that metal production at Sarazm appears to have taken place essentially within domestic contexts. It emerges from these observations that Sarazm appears to be different from contemporary major metallurgical centers such as Arisman and Tepe Hissar on the Iranian Plateau in that no “industrial quarter” has been identified at this site. Arisman and Tepe Hissar “have been considered major metal-producing centers, since both sites are covered with slag indicating large-scale production on the site.” Specialized craft areas—‘industrial quarters’—that are separated from the domestic sphere are recorded at these sites, although metal processing is also recorded within domestic contexts.¹⁰³ Although it remains possible that specialized metallurgical areas are identified at or near Sarazm in the future, metal production at this site seems at present to conform to the domestic workshops excavated at Arisman and Tepe Hissar and to what has been observed or inferred within the Kura-Araxes sphere in the Caucasus. There, although a site exists (Dzedvebi) that “was occupied by a metallurgical community specializing in the extraction/production of gold...[this] extraordinary evidence...may not be fully representative of the more ‘ordinary’ and widespread copper metallurgy...Tedesco (2006) pointed out that evidence for copper-based metallurgical production is so common at Kura-Araxes sites that it could have been carried out on a small scale and possibly at the household-based level of production.”¹⁰⁴ “Settlements are predominantly ‘domestic villages’ mainly composed of dwellings...The constant presence of charred cereal grains, sickle blades, and querns suggests that storage, transformation, and consumption of agricultural produce normally took place inside the dwellings. At the same time, the large variety of tools, artifacts, and raw materials found in the interior indicate that a broad range of craft activities such as spinning, weaving, knapping, and

---

¹⁰² Isakov *et al.* 1987: 101.

¹⁰³ Helwing, B. 2005 (Long-Distance Relations of the Iranian Highland Sites during the Late Chalcolithic period: New Evidence from the joint Iranian-German Excavations at Arisman, Prov. Isfahan, Iran. In: U. Franke-Vogt & H.-J. Weisshaar (eds.), *South Asian Archaeology 2003*. Aachen: Linden Soft: 171-178): 174; Helwing, B. 2007 (The rise and fall of Bronze Age centers around the Central Iranian Desert – a comparison of Tappe Hesar II and Arisman. *AMIT* 38: 35-48): 40-42; Thornton 2009: 189-198.

¹⁰⁴ Palumbi 2016: 26.

possibly metallurgy, suggested by a crucible found at Gegharot, took place in and around the domestic structures.”¹⁰⁵

Acknowledgments

I am grateful to C. Thornton (National Endowment for the Humanities) for his observations on previous compositional analyses of metallic objects from Sarazm.

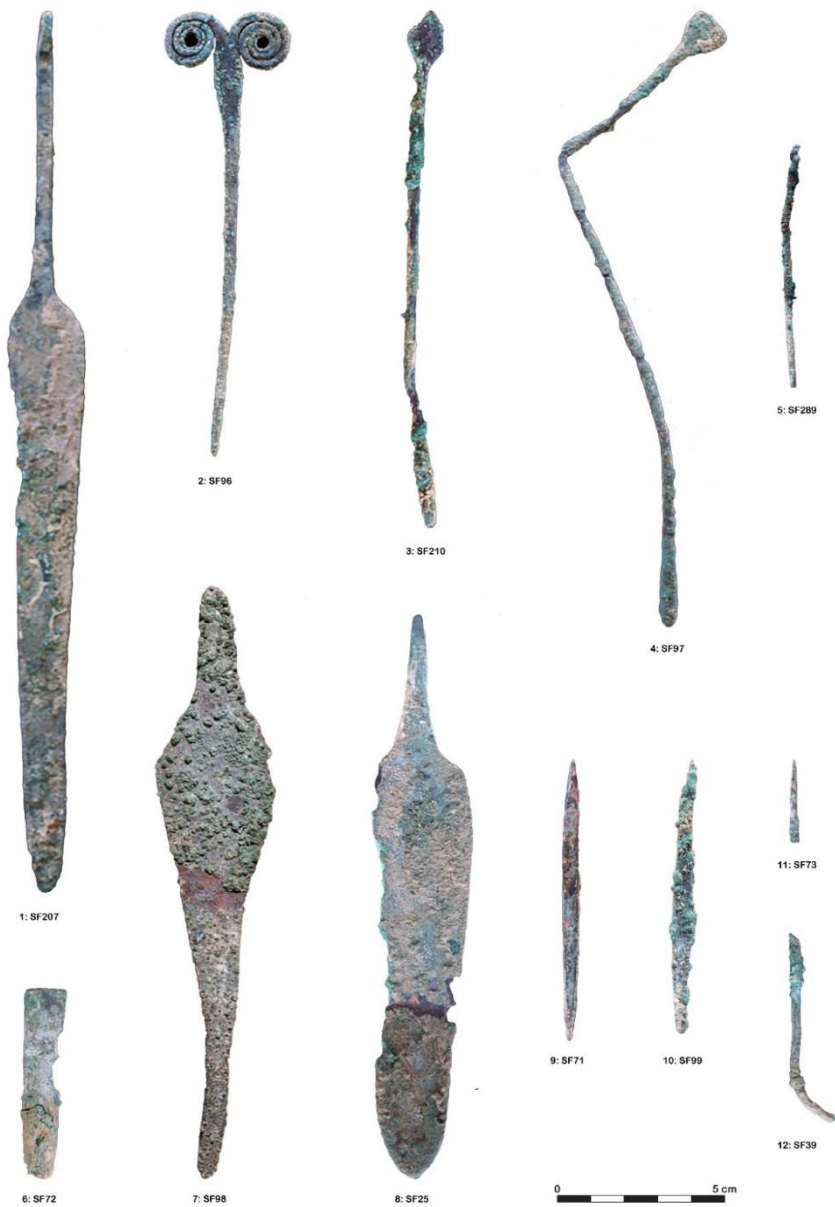
Figure 1: View of Sarazm with location of Excavation VII (white rectangle) in the southeastern part of the UNESCO fenced area (basemap ©Google Earth).

---

¹⁰⁵ Palumbi 2016: 21; Tedesco, L. 2006. Refining the Definition of Technology in the Southern Zone of the Circumpontic Metallurgical Province: Copper Alloy in Armenia during the Early and the Middle Bronze Age. In: D. Peterson, M. Popova & A. Smith (eds.), *Beyond the Steppe and the Sown, Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology*. Leiden: Brill: 310-321.

**Figure 2: Partial view of Excavation VII architectural levels in 1989
(©Besenval archives).**

Figure 3: Copper objects from Excavation VII (photographs by R. Besenval [©Besenval archives], plate by B. Mutin).

1: SF194

2: SF24

Figure 4: Lead objects from Excavation VII (photographs by R. Besenval [©Besenval archives], plate by B. Mutin).

Figure 5: Pit from Excavation VII Level III2 (©Besenval archives).

Field-season	Level	Object #	Material	Objet category	Preservation	Dimensions
1990	IV1	96	Copper	Pin	Complete	L = 13.35 cm; Stem D = 0.20-0.50 cm; Head = 3.75 x 1.75 cm
1990	II	97	Copper	Pin	Complete	L = 21.00 cm; Stem D = 0.20-0.60 cm; Head = 1.20 x 1.20 cm
1991	II	210	Copper	Pin	Complete	L = 15.50 cm; Stem D = 0.25-0.55 cm; Head = 1.65 x 1.15 cm
1991	Not available	289	Copper	Pin	Fragment	L = 7.30 cm; Stem D = 0.20-0.35 cm
1991	Not available	294	Copper	Pin	Fragment	L = 2.50 cm; Stem D not available
1986	IV1	25	Copper	Dagger	Complete	L = 17.80 cm; Blade width = 0.70-3.60 cm; Point width = 0.60 cm; Tang width = 0.85-1.45 cm
1989	III3	72	Copper	Dagger	Fragment	L = 5.70 cm; Blade width = 0.70-1.25 cm
1990	IV1	98	Copper	Dagger	Complete	L = 16.95 cm; Blade width = 2.15-3.00 cm; Point width = 1.00 cm; Tang width = 0.30-1.25 cm
1991	Not available	207	Copper	Dagger	Complete	L = 26.45 cm; Blade width = 1.15-2.30 cm; Point width = 0.50 cm; Tang width = 0.35-0.85 cm
1989	III2	71	Copper	Awl	Complete	L = 8.45 cm; D = 0.20-0.55 cm
1990	IV1	99	Copper	Awl	Complete	L = 8.25 cm; D = 0.20-0.60 cm
1989	III3	73	Copper	Awl	Fragment	L = 2.50 cm; D = 0.15-0.30 cm
1985	II1	17	Copper	Awl or blade	Fragment	Not available
1987	I3	39	Copper	Hook?	Fragment	L = 5.70 cm; D = 0.30-0.45 cm
1985	III2	312	Copper?	Not available	Fragment	Not available
1987	III2	325	Copper?	Not available	Fragment	Not available
1986	IV1	24	Lead	Seal	Complete	D = 4.00 cm; Thickness = 0.90 cm
1990	Not available	194	Lead	Disc	Half	D = 16.60 cm

Table 1: List of copper and lead objects from Excavation VII.

Field season	Level	Object #	Sample #	Record category	Preservation	Composition
1989	III3	72	207a	Copper dagger	Fragment	Paratacamite (Cu ₂ (OH) ₃ Cl)
1990	IV1	98	203	Copper dagger	Complete	Mostly paratacamite (Cu ₂ (OH) ₃ Cl), some cuprite (Cu ₂ O), traces of azurite
Not available	Not available	Not available	207b	Copper awl	Not available	Paratacamite (Cu ₂ (OH) ₃ Cl)
1985	III2	313	3	Copper ore	Fragments	Chrysocolla (Cu ₂ Al ₂ H ₂ Si ₂ O ₆ (OH) ₄ ·nH ₂ O), copper ore
1990	Not available	194	210	Lead disc	Half	Pure lead (Pb); oxidized surface: cerussite (PbCO ₃), hydrocerussite Pb ₃ (CO ₃) ₂ (OH) ₂ , lanarkite Pb ₂ (SO ₄) ₀
1991	III1	214	178	Lead ore	Fragment	Galena (PbS), lead ore, with traces of silver
1985	II1	315	5	Lead ore	Fragments	Galena (PbS), lead ore
1985	III2	312	1	Melted lead	Fragment	Melted lead covered with a layer of litharge (PbO)
1990	Not available	112	205	Slag	Fragment	Pyroxene (diopside-augite Ca (Mg,Fe,Al) (Si,Al) ₂ O ₆) and quartz
1991	I	208	172	Lead ore	Fragment	Not available; identified with the naked eye as galena
1986	IV2	321	27	Ore?	Fragment	Not available
1986	III3	323	29	Ore?	Fragment	Not available
1987	III2	324	42	Slag?	Fragment	Not available
1987	III3	326	64	Ore?	Fragment	Not available

Table 2: List of analyzed metallic objects, copper and lead ores, slag, and melted lead fragment from Excavation VII, as well as additional records of ores and slag from this excavation.

**С. Бобомуллоев, Н.М.Виноградова,
Б. Бобомуллоев, Т.У. Худжагелдиев**

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ НА МАССИВЕ САРАЗМ-2 В ДОЛИНЕ ЗЕРАВШАН (результаты раскопок 2020 г.)

Летом 2020 года археологический отряд во главе с С.Бобомуллоевым проводил разведку в районе холмов, находящихся в 1 км к югу от земледельческого поселения Саразм¹⁰⁶. Этот массив представляет собой третью террасу левобережья реки Зеравшан и возвышается на 40-60 м над равниной Дашти Саразм, оконтурив его южные границы. Первый курган был обнаружен в центральной части этого массива ближе к саю Атджуварсай. В дальнейшем на участке Саразм-2 удалось обнаружить шесть курганов, четыре из которых ярко выражены и сохранились на высоту от 2 до 5 м. Курганы располагаются на расстоянии около 300 м друг от друга. Летом и осенью 2020 года были начаты раскопки первых двух курганов (рис. 1).¹⁰⁷ Курганы раскопаны частично. Все погребения разграблены.

*Курган 1*¹⁰⁸ расположен в юго-западной части массива Саразм-2 и в настоящее время представляет собой сильно оплывший холм высотой около 3,5 м над окружающей его местностью¹⁰⁹. На момент проведения раскопок его северная часть была разрушена при планировке под строительство дома (рис. 2). На разрушенных участках были обнаружены останцы кладки из речной гальки, по краям же стратиграфического разреза и заложенных в основании сохранившейся части кургана траншеях расчищены участки ограды из камней. Ограда округлой формы, диаметром 37-38 м. Она сложена из довольно плотно уложенных речных галек (25-45 см) на глиняном растворе, шириной в 1-2-х камня; высота по ограды составляет 1,2-1,3 м.

В северной половине кургана были открыты три погребения, компактно расположенные в центральной части сооружения. Погребальные ямы вырыты в слоях суглинка с биолитами и в лежащих ниже пролювиальных слоях суглинка с примесью щебня и мелкого слабоокатанного щебня.

---

¹⁰⁶ В настоящее время вся эта местность имеет административное название Саразм-2.

¹⁰⁷ На рис. 1 под номером 4 обозначен курган № 1 и под номером 3 – курган № 2. Все топографические планы, чертежи и рисунки выполнены Т.У. Худжагелдиевым.

¹⁰⁸ Географические координаты 39°29'12" с.ш., 67°27'29" в.д., абсолютная высота вершины 941,5 м.

¹⁰⁹ В приложении к этой статье Т. У. Худжагельдиевым подробно разбирается конструкция курганов.

Погребение 1 (рис. 2) находится в северо-восточной части центрального участка кургана. Захоронение ямной конструкции округлой формы. Размеры ямы в верхней части 3,8х3,5 м; по дну – 3,6х3,6 м. Глубина ямы 1,1 м. По краям погребения с северной и южной стороны хорошо видны следы тонких бревен, которые перекрывали погребальную яму. Бревна накрывались циновкой из камыша, которая была окрашена охрой. Могила перекрывалась насыпью из грунта. Следы циновки были зачищены также на стенках погребения и на древней дневной поверхности между могилами. В западной стенке захоронения прослеживаются следы впускной ямы для подзахоронения (0,5х0,6 м, длина 0,8-1,0 м). В погребальной яме на разных уровнях зачищены разбросанные кости. На дне могилы читаются следы подстилки (войлок?), окрашенной охрой. Здесь рядом с фрагментами черепа лежал камень из мраморовидного известняка со следами охры. В заполнении ямы найдены два скребковидных орудия из кремня и окремненной породы.

По имеющимся фрагментам костей антрополог М. Наврузбеков определил, что в погребении похоронены три индивида: первый - мужчина 35-40 лет, второй - мужчина 24-30 лет, третий - женщина 20-25 лет. Возможно присутствие четвертого погребенного, который определяется по фрагментам малоберцовой кости.

Погребение 2 (рис. 3) находится западнее захоронения 1 на расстоянии 1,6 м. Заполнение погребальной ямы – темно/серый суглинок. Захоронение ямной конструкции овальной формы (3,2х2,4 м) вытянуто длинной стороной с юга на север. Глубина ямы 0,8 м. По краям могилы прослеживаются следы бревен, перекрывающих погребение с севера на юг. Диаметр бревен от 12 до 20 см. На плахах зачищены следы циновки. В юго-западной части погребения прослеживаются следы впускной ямы для подзахоронения (0,8х0,4 м, длина 1,4 м). По всей поверхности погребальной ямы на разных уровнях зачищены кости. На дне ямы на подстилке (войлок?), окрашенной охрой, найдено каменное навершие (рис. 3,2). Рядом с фрагментами черепа расчищена костяная «налобная» пластина и обломок изделия из кости (рис. 3, 1,3).

По антропологическому определению в могиле встречаются останки четырех – пяти скелетов. Пол первого умершего – мужской (возраст 25-35 лет), второго – мужской (возраст 18-22 лет), пол третьего не определен (возраст 15,5), пол четвертого – женский (возраст 20-25 лет). По двум фрагментам нижних бедренных эпифизов возможно определить присутствие в погребении еще двух индивидов.

Погребение 3 находится в центральной части кургана, южнее захоронения 2 на расстоянии 1,5 м (рис. 4). Могила раскопано

частично, так как большая часть погребальной ямы уходит в центральную бровку. Раскопанная часть погребения составляет 2,7х2,5м. Погребение ямной конструкции, глубиной 0,9 м. В северо-западной стенке захоронения прослеживается впускная яма для подзахоронения (0,6х0,7 м, длина 1,8 м). По краям ямы с северной стороны расчищены отпечатки балок. Между второй и третьей могилами видны следы циновки. Костей скелета в погребении не найдено. В северо-западной части захоронения найден фрагмент каменной гири (рис. 4,1), на дне ямы расчищена золотая обкладка цилиндрической формы (рис. 4,3) и в восточной части ямы – керамическое навершие (рис. 4,2).

Курган 2 расположен в 300 м северо-западнее кургана 1 (рис. 1)¹¹⁰. Он значительно меньше первого кургана как по размерам в плане, так и по высоте насыпи. Местность вокруг кургана имеет общий наклон с востока на запад, поэтому высота кургана в восточной части 2,5 м и западной 3 м. Раскопки велись в северо-западной части кургана. Здесь был разбит шурф, в котором расчищена ограда из галек шириной 30-50 см и высотой 90 см. Диаметр кургана по основанию ограды из камней равен примерно 28 м. В центральной части кургана открыты два погребения и северо-западнее них, примерно в 7,5 м расчищен участок с кострищем.

Погребение 1 - ямной конструкции, округлой формы (2,7х2,6 м в верхней части и 2,2х2,2 по дну ямы), глубиной 1м (рис. 5). Следы балок хорошо прослеживаются по краям ямы с восточной и западной стороны. Плахи сохранились длиной от 1 до 1,5м, их диаметр – 12-15 см. На южной стороне погребальной ямы зачищены мелкие балки, уложенные поперечно. На балках видны следы циновки. В западной стенке ямы хорошо прослеживается впускная яма для подзахоронения (0,8х0,85 м, длиной 1,3 м). После размещения очередного погребенного яму замуровывали раствором из глины. По всей поверхности могильной ямы на разных уровнях зачищены кости. Около дна в восточной части найдена чаша из необожженной глины (рис. 5,5) и фрагменты керамического сосуда сходной формы (рис. 5,6)¹¹¹. На дне в западной части открыт камень - терочник со следами красной и желтой охры (рис. 5,1). Около дна ямы расчищены – сердоликовая шестигранная бусина (рис. 5, 2), пастовая цилиндрическая бусина (рис. 5,3) и венчик сосуда из мраморного оникса. Антропологическое определение костей отсутствует.

---

¹¹⁰ Курган 2 - 39°29'24" с.ш., 67°27'24" в.д., высота 939,07 м над уровнем моря (вершина кургана).

¹¹¹ По керамическим фрагментам форма сосуда была полностью восстановлена.

Погребение 2 ямной конструкции находится в центральной части кургана на расстоянии 1,3 м от первого захоронения. Могила полностью не раскопана. Южная часть погребальной ямы уходит в бровку раскопа. Размеры раскопанной части ямы составляет 5х2,5 м, глубина 0,7 м. В северо-восточной части около могилы расчищены следы циновки площадью 2,5х0,7 м. По краю погребальной ямы с западной стороны были открыты следы плотно уложенных балок диаметром 10-12 см и рядом с ними были видны следы циновки (0,5х3м). Кости находились в верхней части погребения. Из находок имеются только три кремневых отщепа. Антропологическое определение костей отсутствует.

В западной части кургана около каменной ограды открыто *кострище* (0,9 х 0,4м) с остатками угля, обгоревшими костями и камнями. Сохранились 20 мелких фрагментов костей, среди них обнаружен фрагмент астрагала мелкого рогатого скота. Несколько выше над кострищем была найден наконечник стрелы из кремня.

Погребальный инвентарь

В кургане 2, погребение 1 было найдено два лепных керамических сосуда полусферической формы, венчик слегка загибается вовнутрь чаши. На внешней поверхности видны следы красного ангоба (рис. 5,5,6). Подобные чаши встречаются среди хозяйственной посуды на памятниках энеолита и ранней бронзы в Саразме (Исаков 2020, 230, рис. 9,10,11; 258, рис. 41,5), Алтын-депе (Кирчо и др. 2008, 220, табл. 43,3).

Металлических изделий в погребальном инвентаре не найдено, за исключением золотой обкладки усеченно-конической формы (рис. 4,3). Она изготовлена из тонкого листа толщиной 0,5 мм. Такая обкладка могла одеваться на какой-то предмет. Некоторые аналогии можно провести с кольцом-обоймочкой из погребения 924а на Алтын-депе (Кирчо 2005, 388, рис. 21,23) и пронизками-обоймочками из святилища Жуков (Аванесова, Джуракулова 2008, 26, рис. 12,13).

Среди каменных предметов в могилах курганов найдены терочники со следами охры, кремневые скребки и стрелы, обломок гири, фрагменты сосудов из мраморного оникса, навершие, бусы. Терочники представляют собой массивные, округлые, плоско-выпуклые в сечении гальки, на их поверхности плотным слоем во всех углублениях сохранилась охра красно-желтого цвета (рис. 5,1). Микроскопический анализ подобных орудий на поселении Саразм свидетельствует, что они использовались как краскотерки (Раззоков 2020, 59).

Интерес представляют находки из кремня темно-коричневого цвета: отщепа, скребки и наконечник стрелы из кострища кургана 2. Наконечник листовидной формы и обработанный с двух сторон

ретушью напоминает саразмские наконечники стрел (Раззоков 2020, 124, рис. 9,1,7).

В погребении 3 кургана 1 сохранился обломок ручки гири из известняковых пород (рис.4,1). По форме она могла напоминать гирю, найденную в саяе, рядом с курганом 1. Она массивная эллипсоидной формы и с обломанной ручкой. Очень похожие гири были открыты на поселении Саразм (Исаков 2020, 249, рис. 31,1,2,5).

Среди погребального инвентаря найден фрагмент тонкостенной чаши, изготовленной из мраморного оникса (рис. 5,4), характерный для каменных сосудов энеолитического поселения Саразм (Исаков 2020, 269, рис. 1-11).

Из других вещей следует упомянуть находки двух бусин. Одна бусина - пастовая, цилиндрической формы (рис. 5,3). Другая бусина шестигранной формы из сердолика (рис. 5,2). Абсолютно такие же бусины были найдены на могильнике Мустафотепе в погребениях 1 и 6 (Каримова и др. 2019, 86, рис. 5,6; Бобомуллоев и др. 2020, 23-32; Виноградова и др. 2020, 54, рис. 2) и на поселении Саразм (Раззоков 2020, 148, рис. 33,1,3).

В двух могилах были обнаружены навершия из камня и керамики. Хорошо сохранилось керамическое навершие из погребения 2 кургана 1 (рис. 3,2). Оно усеченно конической формы с чуть вогнутым внутрь основанием. Такие навершия имеют место в материалах поселения Саразм (Исаков 2020, 287, рис. 74,7,10,14).

В погребальном инвентаре присутствуют находки из кости. Интерес представляет ободок или предположительно налобная пластина¹¹². Этот предмет имеет сходство с украшениями погребальных памятников афанасьевской культуры (Вадецкая и др. 2014, 69, рис. 27,11).

Практически весь погребальный инвентарь курганов в Саразме - 2 имеет аналогии среди материалов земледельческого поселения Саразм. Основываясь на радиоуглеродных датах Саразма (Раззоков 2016, 159-161) раскопанные могильные комплексы могут быть датированы эпохой энеолита и ранней бронзы в конце IV – начале III тыс. до н.э.

Погребальный обряд (сооружение кургана, каменная ограда, расположение могил в центре кургана, ямная конструкция захоронений, перекрытие могилы бревнами и циновкой, присутствие охры в могиле и на орудиях, устройство кострища) не характерен для земледельческих памятников, но типичен для степных скотоводческих племен. Из раннескотоводческих комплексов энеолита и бронзы (конец IV - начало

---

¹¹² По заключению сотрудника лаборатории Института археологии РАН Е.Е. Антипиной эти костяные изделия изготовлены из нижнего клыка кабана.

III тыс. до н.э) в долине Зеравшана известен только один памятник - святилище Жуков. Он находится на территории Узбекистана, в 16 км к востоку от Самарканда на берегу р. Зеравшан (Аванесова 2012, 8-27).). Н.А. Аванесовой раскопана округлая каменная ограда диаметром около 3 м и высотой до 0,4 м. В центре ограды был установлен валун-стела высотой 0,47 м. На площади ограды зафиксированы два заглубленных в грунт кострища и несколько скоплений находок. Кроме того, в разных местах ограды находились охристые и углистые пятна, значительное количество костей животных (овца, корова, олень, кулан) и различные артефакты. При раскопках обнаружены фрагменты лепной керамики, глиняные поделки, изделия из камня (наконечники стрел, тесловидные топоры, песты, терочки, скребла, микропластинки и бусы) и металла (пронизки-обоймочки, кольцо, шило).

По заключению Н.А. Аванесовой ритуальный комплекс Жуков формировался как сложный синтез различных в своих истоках культур с преобладанием афанасьевской традиции Южной Сибири (Аванесова 2012: 25). Она выделяет среди материалов Жукова несколько различных культурных комплексов, среди которых наиболее ярко представлены афанасьевский и ямный. Значительная часть керамики, обнаруженная в святилище Жуков, может быть сопоставлена с сосудами афанасьевских памятников на территории Среднего Енисея (Вадецкая и др. 2014: 279). Могильные комплексы афанасьевской культуры известны в нескольких регионах – на Верхнем и Среднем Енисее, в Горном Алтае, в Монголии, в северо – западном Китае и Восточном Казахстане (Степанова, Поляков 2010, 4; Вадецкая и др. 2014, 279-280). Жуковский комплекс и курганы в местности Саразм-2 в настоящее время являются самыми южными памятниками афанасьевской культуры, удаленных на многие километры от афанасьевского ареала.

Поликультурный характер афанасьевских памятников в Зеравшанской долине на примере святилища Жуков неоднократно подчеркивала Н.А. Аванесова. Она считает, что на процесс формирования Жуковского комплекса повлияло близкое соседство с носителями саразмской культуры (Аванесова 2012, 25). Выводы Н.А.Аванесовой подтверждают материалы курганов в местности Саразм–2, где погребальный обряд характерен для раннескотоводческой афанасьевской культуры, а практически весь сопровождающий инвентарь погребений идентичен артефактам саразмской культуры. Этот феномен может быть объясним только тесными контактами местного земледельческого населения с носителями афанасьевской культуры, что нашло свое отражение в материальной культуре древних скотоводов.

Литература

Аванесова, Джуракулова, 2008 – Аванесова Н.А., Джуракулова Д.М. Древние номады Зеравшана // Культура номадов Центральной Азии. Самарканд, 2008. С. 13-33.

Аванесова, 2012 - Аванесова Н.А. Святилище древних номадов Зеравшана // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 8-27.

Бобомуллоев и др., 2020 - Бобомуллоев С.Г., Виноградова Н.М., Курбанов Ш.Ф. Результаты раскопок могильника Саразм (осень 2019 г.). Сборник статей научно-практической конференции “Саразм-начало земледельческой, ремесленной и градостроительной культуры таджиков”, посвященной 5500-летию Саразма. Душанбе 20 декабря, 2019г. Душанбе. 2020. Вып. I. С. 23-32.

Вадецкая и др., 2014 – Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Изд. Барнаул: 2014. 380 с.

Виноградова и др., 2020, - Виноградова Н.М., Курбанов Ш.Ф., Бобомуллоев С. Исследование могильника Мустафотепа – памятника эпохи энеолита в Таджикистане» // Международная конференция. Древние и средневековые культуры Центральной Азии и Среднего Востока. Санкт-Петербург, 10-12 ноября, 2020. СПб: ИИМК РАН. 2020. С. 52-55.

Исаков 2020 – Исаков А.И. Саразм. Душанбе: М.Н. «Дониш» 2020. 315 с.

Каримова и др., 2019 — Каримова Г. З., Курбанов О. Х., Отабоев О. Х. Отчет о раскопках могильника бронзового века Мустафотепа в 2014 г. // АРТ. 2019. Вып. 40. С. 81–87.

Кирчо 2005 – Кирчо Л.Б. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы средней Азии (погребения Алтын Депа). СПб., 2005. С. 347-421. (Труды ИИМК РАН. Т. XVI).

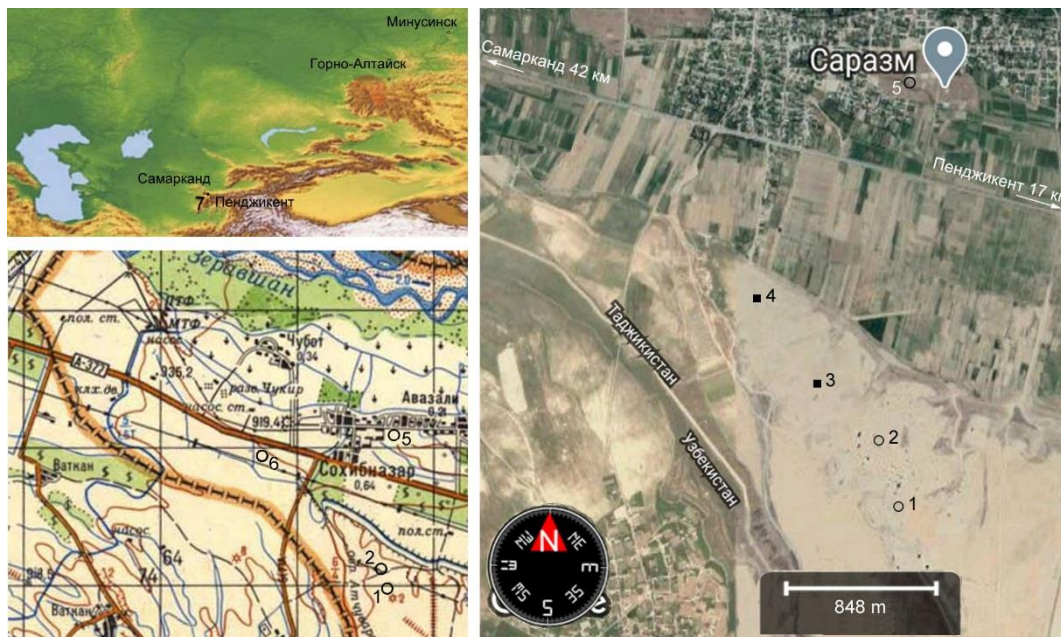
Кирчо и др., 2008 – Кирчо Л.Б. Коробкова Г.Ф., Массон В.М. Техно-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. Спб: Европейский Дом, 2008. (Серия: Труды ИИМК РАН. Т. XXVIII). 370 с.

Раззоков, 2016 – Раззоков Ф.А. Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н. Спб: «НКТ» 2016. 248 с.

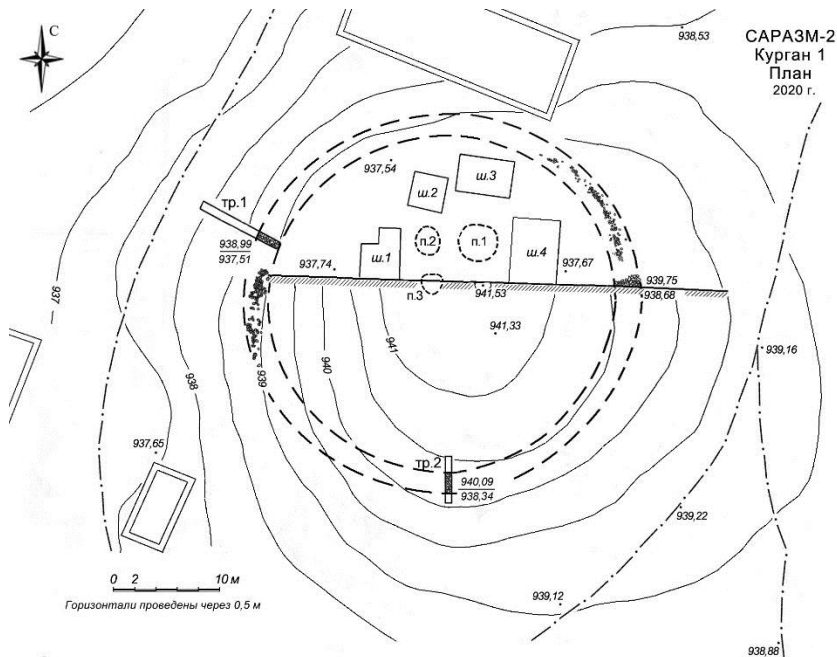
Раззоков, 2020 – Раззоков А. Саразм (Орудия труда и хозяйство по экспериментально-трасологическим данным). Душанбе: МН «Дониш», 2008. 223 с.

Степанова, Поляков, 2010 – Степанова Н.Ф., Поляков А.В. Афанасьевская культура: история изучения и современное состояние // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010.

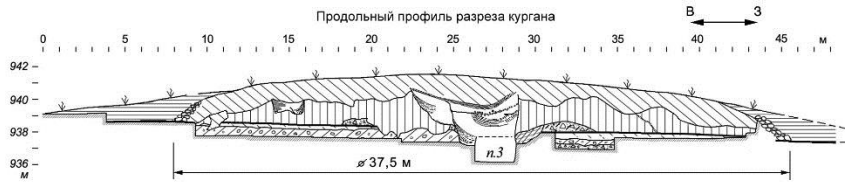

Рис. 1. Карта расположения курганов на массиве Саразм-2 и других памятников, упомянутых в статье: 1 – курган 1; 2 – курган 2; 3 – Мустафотепа, раскоп 4 (2020 г.); 4 – Мустафотепа, раскоп 1-3 (2014, 2019 гг.); 5 – Саразм, раскоп IV; 6 – курганы на массиве Дашти Саразм; 7 – святилище Жуков.

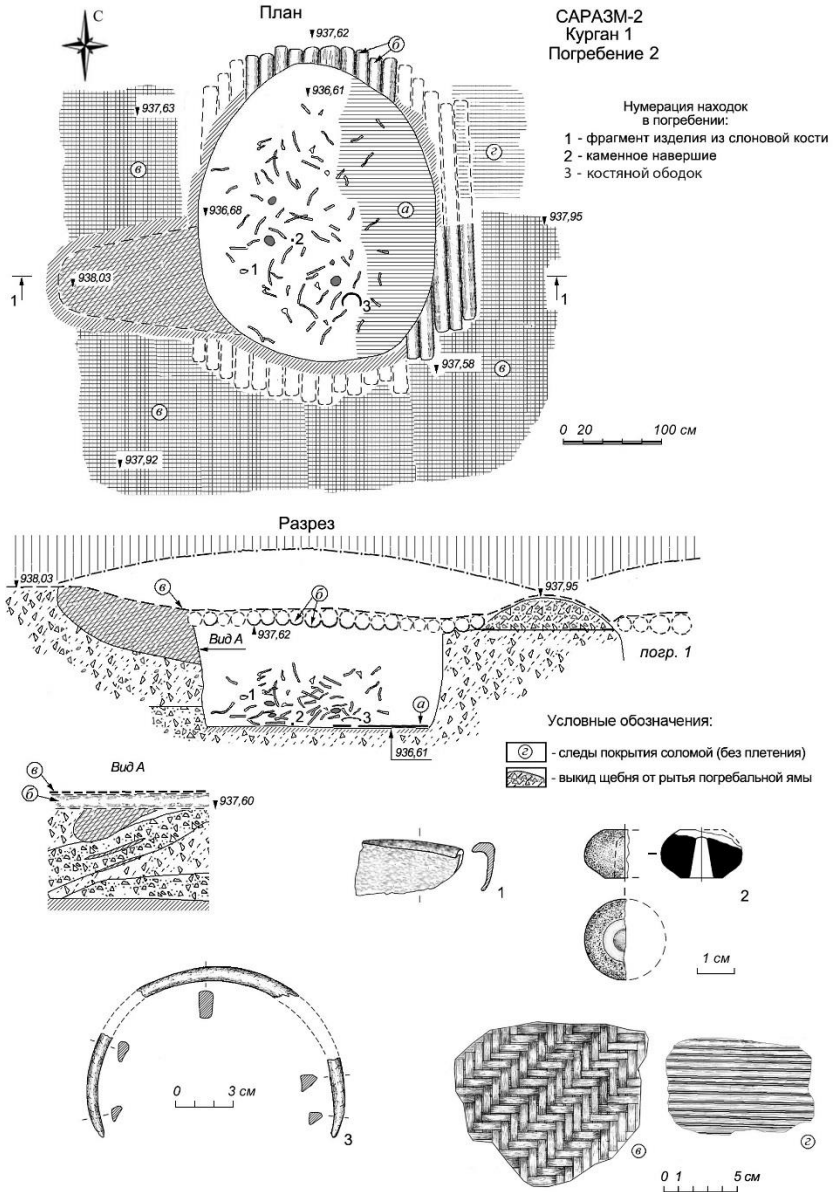

- Условные обозначения:
- направление разреза кургана
  - раскопанные погребения в основании кургана
  - ограда из камней по окружности кургана
  - 940,09 - отметки верха и низа ограды, м
  - 938,34 - останцы оснований ограды на разрушенных участках кургана
  - тр.1 - траншеи на склоне кургана
  - ш.1 - шурфы в основании кургана
  - фундаменты современных строений
  - грунтовая дорога

- Условные обозначения:
- дерновый слой	- плотный суглинок коричневого цвета
- гумусированная прослойка древней дневной поверхности земли (основание кургана)	- плотный суглинок коричневого цвета с биолитами
- насыль кургана из суглинка светло-коричневого цвета	- щебнистые пролювиальные отложения
- насыль кургана из суглинка темно-серого цвета	п.3 - погребальная яма
- ограда из камней по окружности кургана	- заполнение впускного хода-дромоса
- поздние склоновые делювиальные отложения суглинка	- выкид щебня от рывья погребальной ямы
- линзы мелкой гальки и щебня	- линзы глинистых натеков на участке грабительского лаза

Рис. 2. Саразм-2, курган 1. Топографический план местности, план и профиль разреза кургана.

Рис. 3. Могильник Саразм – 2. Курган 1. Погребение 2.

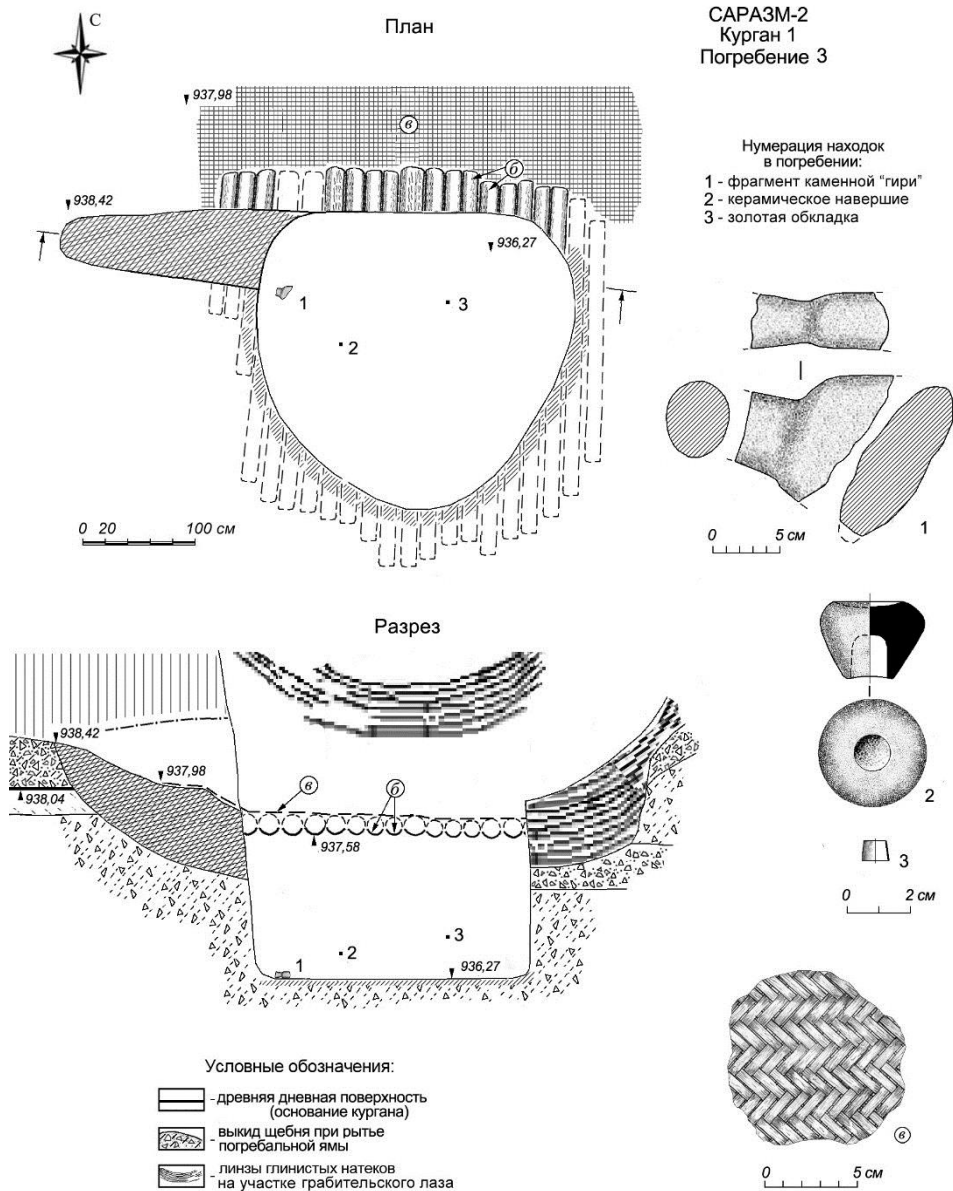

Рис. 4. Могильник Саразм – 2. Курган 1. Погребение 3.

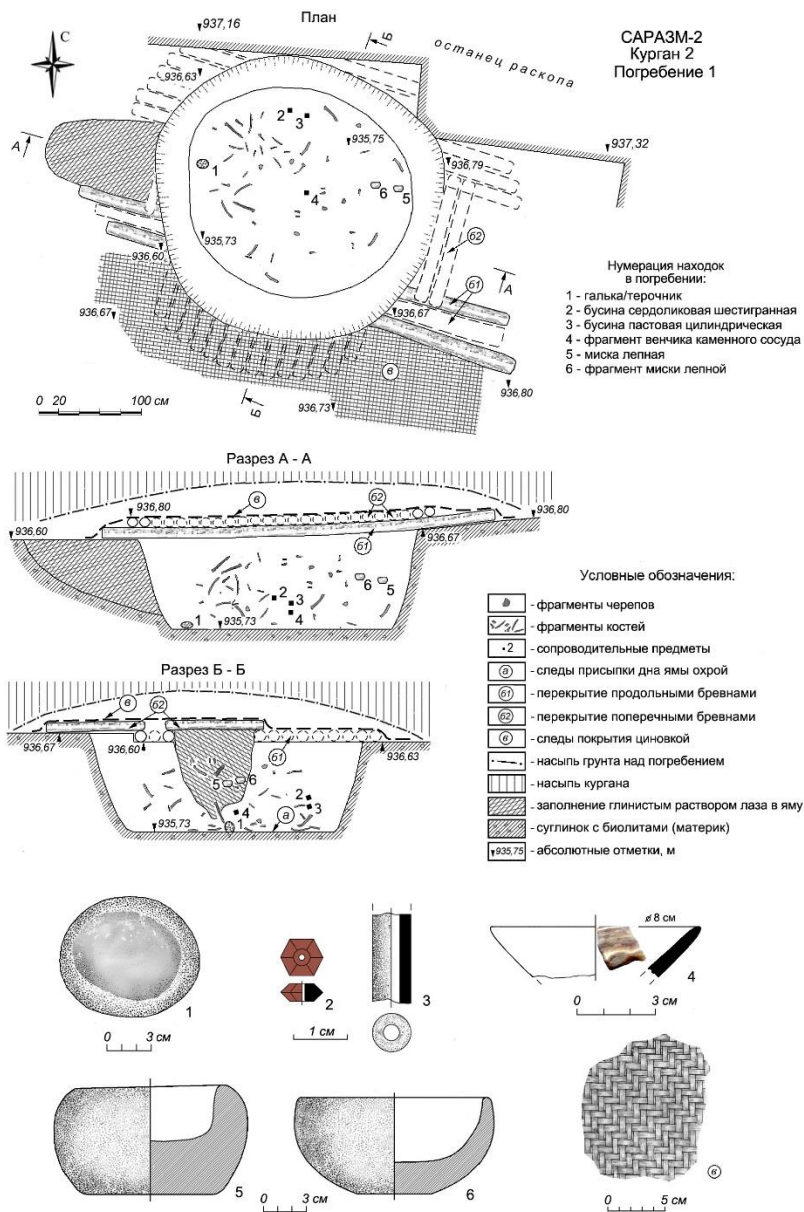

Рис. 5. Могильник Саразм – 2. Курган 2. Погребение 1.

Саидов Абдукаҳҳор
д.и.т., сарҳодими илмии Институти таърих,
бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

ТАВСИФИ БАЪЗЕ АЗ ШАҲРҲОИ МОВАРОУННАҲР ДАР
«МУЛҲАҚОТУ-С-СУРОҲ»-и ЧАМОЛ ҚАРШӢ
(ИБТИДОИ АСРИ XIV)

Муаллифи охири асри XIII-ибтидои асри XIV Абулфазл ибни Муҳаммад Чамолиддини Қаршӣ, ки бештар бо номи Чамол Қаршӣ маъруф аст, асареро бо номи «Мулҳақоту-с-Суроҳ» таълиф намудааст. Ин ягона асари таърихист, ки замони истилои муғулҳо дар Мовароуннаҳр бо забони арабӣ навишта шудааст.

Чамол Қаршӣ дар китобхонаи мадрасаи Масъудияи шаҳри Қошғар нусхаи қомуси арабии Абӯнаصري Чавхариро, ки аз чор ҷилд иборат буда, бо номи «ас-Сихоҳ» маъруф аст, дарёфт кард ва онро соли 1282 ба забони тоҷикӣ тарҷума намуда, ба он «ас-Сулоҳ мин ас-Сихоҳ» ном гузошт. То имрӯз нусхаҳои зиёди ин асар мавҷуданд (дастнависи ин асар, ки аз рӯи нусхаи аслии он 23 зулқаъдаи соли 900х.қ. /15 сентябри соли 1495 рӯнавис шудааст, дар китобхонаи ба номи А.А. Семёнови Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ зери рақами 83 маҳфуз аст).

Баъдтар Чамол Қаршӣ ба ин тарҷумаи худ шарҳу эзоҳ илова намуд, ки он баъдтар чун асари мустақиле бо номи «Мулҳақоти Сулоҳ» («Иловаҳо ба «ас-Сулоҳ»») маъруф гашт.

Дар ганҷинаи дастхатҳои шаҳри Санкт-Петербург ду нусхаи дастнависи «Мулҳақоту-с-Сулоҳ», яке зери рақами В-514 ва дигаре С 286 маҳфуз аст. Дастхати аввал соли 1656 дар шаҳри Хучанд рӯйнавис шудааст.

Нусхаи дастнависи сеюми ин асар дар солҳои охир аз шаҳри Косонсои вилояти Намангони Ҷумҳурии Узбекистон дарёфт гардидааст.

Дар «Мулҳақоту-с-Сулоҳ» илова ба инъикоси воқоҳои таърихӣ, маълумоти ҷуғрофӣ зиёде мавҷуд аст, ки аз арзиши муҳими илмӣ бархӯрдоранд, зеро муаллиф ба шаҳрҳои Мовароуннаҳру Туркистони Шарқӣ сафар намуда, мушоҳидаву дидаҳои худро оид ба мавзӯҳо рӯи коғаз дарҷ карда, инчунин ӯ бо ашхоси маъруфи ин шаҳрҳо шинос шуда, таассуроти худро дар бораи онҳо баён намудааст. Муаллиф дар бораи зиндагӣ, урфу одат ва машғулияти аҳолии шаҳрҳо маълумоти фаровон меорад. Маълумоти ӯ барои омӯзиши таърих ва маданияти

халқҳои сокини ин минтақа аҳамияти зиёд дошта, оид ба шаҳрҳои Мовароуннаҳр хеле ҷолибанд.

Яке аз шаҳрҳои, ки Ҷамол Қаршӣ ба он ҷо сафар карда, тавсифи онро дар асараш ҷой додаст, ин шаҳри Хучанд аст. Муаллиф менависад, ки Хучанд ба шарофати фаровонии меваю хушбӯиаш ҷаннати рӯи замин аст. Он макон бо растаниҳо ва гулҳои хушбӯӣ ихота гардидааст. Дар Сайхун (дарёи Сир) киштиҳои зиёд шино менамоянд. Чуноне ки осмонро ситораҳо ихота карда зеб додаанд, Хучандро ситораҳои илм ва олимони маъруфи миллаташ оро медиҳанд [7, 58а].

Хучанди асримиёнагӣ яке аз шаҳрҳои Мовароуннаҳр ба шумор мерафт ва диққати муаррихон, сайёҳон, ҷуғрофидонон ва олимони дигарро ба худ ҷалб намуда буд. Мувофиқи навиштаи муаллиф асри Х Ибни Ҳавқал Хучанд аз ҷиҳати зебоӣ дар байни шаҳру вилоятҳои Мовароуннаҳр ҷои аввалро ишғол менамуд [11, 391].

Истаҳрӣ, муаллифи дигари асри Х дар бораи Хучанд менависад, ки Хучанд яке аз шаҳрҳои сараҳлии Мовароуннаҳр ба шумор мерафт ва дорои шаҳристон, куҳандиз ва работ буд [6, 264]. Тибқи ахбори Муқаддасӣ Хучанд шаҳрест ҳаловатбахш ва дар он ҷойҳо аз ин шаҳри гуворотаре нест [10, 272].

Дар бораи пуршукӯҳии Хучанд, иқлими муътадилу дилкаш ва фаровонии меваҳои он дар маъхазҳои ҳаттии дигари асримиёнагӣ низ чунин маълумот оварда шудааст. Муаллифи «Ҳафт иқлим» Амин Аҳмади Розӣ қайд кардааст, ки дар Хучанд меваҳои зиёди гуногун парвариш карда мешаванд. Махсусан анорҳои он баландсифатанд [2, 532].

Муқоисаи маълумоти “Мулҳақоту-с-Суроҳ” дар бораи Хучанд бо навиштаҳои маъхазҳои ҳаттии дигари асримиёнагӣ аз дурустии маълумоти муаллифи он шаҳодат медиҳанд.

Аз ашхоси маъруфи Хучанд Ҷамол Қаршӣ арбоби маъруфи сиёсӣ Ҷамоли Содотро ном бурда, қайд менамояд, ки ӯ ҳокими Хучанд ва навоҳии атрофии он будааст. Муаллиф қайд менамояд, ки ӯ бо Ҷамоли Содот ду маротиба ҳамсӯҳбат гаштааст [7, 53а]. Ҷамол Қаршӣ менависад, ки падари Ҷамоли Содот Бурҳониддини Хучандӣ ном дошт. Ҳангоми сафари Ҷамол Қаршӣ дар соли 1270 ба Хучанд Бурҳониддини Хучандӣ оламо тарк намуда буд. Муаллиф мегӯяд, ки макбараи Бурҳониддини Хучандӣ дар соҳили дарёи Сир, аз ҷониби кӯҳи Мевагул воқеъ аст [7, 58а].

Шаҳси маъруфи дигари Хучанд, ки Ҷамол Қаршӣ онро ном мебарад, ин мавлоно Начмиддин Садри Соҳибӣ мебошад. Муаллиф соли 1270 ҳангоми дар Хучанд буданаш дар васфи ин шахс бо забони арабӣ рӯбаие навиштааст [7, 58а-58б]. Аз ишораҳои муаллиф бармеояд,

ки мавлоно Начмиддин яке аз ашхоси бонуфузи Хучанд ва дар он замон соҳиби эътибори бузург будааст.

Ҷамол Қаршӣ дар асари худ номи шахси дигари маъруфи Хучанд Маҷдиддини Хучандиро зикр намуда, ӯро чун амир ва вазир, такагоҳи дин ва шахси бохирад ном мебарад ва мегӯяд, ки дар суҳбати ӯ хузур доштааст [7, 586]. Аз маълумоти муаллиф бармеояд, ки Маҷдиддин дар идоракунии шаҳри Хучанд фаъолона иштирок менамудааст.

Аз ашхоси маъруфи дигари Хучанд Ҷамол Қаршӣ Бурҳониддини Алоӣ [7, 58а], Бурҳониддин Тавили Хучандӣ [7, 58а], Бурҳониддин Муқрии Хучандӣ [7, 53а] ва шайх Фаҳриддини Ҷаволиқӣ [7, 586] ном мебарад, ки ӯ бо онҳо шиносӣ дошта, борҳо ҳамсуҳбат шудааст.

Гуфтаҳои фавқуззикр гувоҳӣ онанд, ки Хучанд дар охири асри XIII – ибтидои асри XIV яке аз шаҳрҳои шукуфон ва тараққикарда буда, ашхоси маъруфу донишманд дар он ҷо умр ба сар мебардаанд. Маълумоти муаллифи «Мулҳақоту-с-Сурах» барои муҳаққиқон аз аҳамияти илмӣ бархӯрдор буда, дар бораи вазъи Хучанди он замон маводи арзишманде медиҳад.

Ҷамол Қаршӣ ба водии Фарғона низ сафар карда буд. Ӯ менависад, ки Фарғона макони серҳосил, сабзу хуррам ва ободон буда, он дорои боғҳои зебову дилкаш ва мазрааҳои беканор аст. Фарғона боду ҳавои хуб дошта, оби нӯшоқияш аз ҳама беҳтарин аст ва меваҳо дар он ҷо зуд пухта мерасанд [7, 576]. Дар «Худуду-л-олам» омадааст, ки Фарғона вилояти бузург ва хуррам буда, неъматҳои фаровон дорад. Дар он ҷо кӯҳҳо, даштҳо, шаҳрҳо ва обҳои ҷорӣ зиёданд [8, 71]. Истаҳрӣ менависад, ки Фарғона иқлими фарох ва бонеъмат буда, русто ва аҳолии бисёр дорад [6, 265]. Тибқи ахбори муаллифи «Осору-л-билод ва ахбору-л-ибод» Закариё ал-Қазвинӣ Фарғона макони ғалла ва мева аст [4, 235].

Аз муқоисаи маълумоти Ҷамол Қаршӣ бо ахбори муаллифони дигари асримиёнагӣ бармеояд, ки гуфтаҳои Ҷамол Қаршӣ оид ба Фарғона саҳеҳанд.

Ҷамол Қаршӣ баъзе шаҳрҳои Фарғонаро, ки ба он ҷойҳо сафар карда буд, зикр менамояд. Аз ҷумла, дар бораи шаҳри Ош маълумот дода, қайд менамояд, ки дар он ҷо ду кӯҳи на он қадар бузург мавҷуд аст, ки яке Барокӯҳ ва дигаре Ҳанаф ном доранд [7, 586]. Ӯ менависад, ки қабри Қутайба ибни Муслим дар деҳаи Кулиҷ воқеъ аст. Дар атрофи кӯҳи Барокӯҳ бошад, қабри ашхоси муқаддас ва тақводорон, аз ҷумла Осаф ибни Барҳия, вазири Сулаймон ибни Довуд мавҷуд аст. Сокинони ин маҳал ҳоло ҳам мегӯянд, ки мазори Сулаймон дар ин ҷост ва ин кӯҳро «Тахти Сулаймон» меноманд.

Тибқи ахбори Ҷамол Қаршӣ дар мавзеи Испид-Булон (ҳозира деҳаи Мазори вилояти Оши Ҷумҳурии Қирғизистон) 2700 нафар ҳамсафарон ва пайравони пайғамбар (яъне Муҳаммад), ки онҳоро халифа Усмон ибни Аффон (644-656) бо сардории Муҳаммад ибни Ҷарир ба ҷанг фиристода буд, дафн шудаанд [7, 59а].

Аз ашхоси маъруфи Фарғона муаллиф шайх Бурҳониддин Қилич ва писари ӯ Нусратуддинро ном мебарад ва мегӯяд, ки Бурҳониддин Қилич шайхи донишманд буда, мударриси мадрасаи масҷиди Узганд буд. Пас аз вафоташ ӯро дар он ҷо дафн намуданд [7, 59 а,б]. Тибқи ахбори муаллифи «Ҷомеъу-л-мақомот» Абулбако, падари Бурҳониддин Қилич шайхи маъруфи Фарғона султон Саид ва модараш духтари Илак ал-Мозии Қарахонӣ (Наср ибни Алӣ) будааст [1, 5а].

Ҷамол Қаршӣ дар асари худ номи як қатор ашхоси маъруфи Фарғонаро, аз қабили ҳокими шаҳри Ош, шайх Мунир ибни Абулқосими Ошӣ [7, 59а], шайхон ва донишмандони маъруф Шамсиддин Муҳаммад ибни Муҳаммади Кубовӣ [7, 59а], Тоҷиддини Шаҳристонӣ [7, 60а] ва дигаронро, ки аз ҳамасрони худи ӯ буданд, зикр менамояд.

Шаҳри дигаре, ки Ҷамол Қаршӣ ду маротиба ба он ҷо сафар карда, тавсифи онро меорад, ин шаҳри Шош аст. Муаллиф қайд менамояд, ки боду ҳавои он ҷо муътадил буда, оби нӯшокии ширин дорад. Он диёри сербориш буда, заминҳояш серҳосиланд [7, 60б]. Муаллифони «Осору-л-биллод ва ахбору-л-ибод» [4, 538] ва «Ҳафт иқлим» [2, 527б] низ гуфтаҳои Ҷамол Қарширо тасдиқ менамоянд.

Ҷамол Қаршӣ қайд менамояд, ки аҳолии Шош ҷонибдори мазҳаби шофеианд ва дар он ҷо чор ҳазор масҷид вучуд дорад. Ҳар як маҳалла аз шаст ё ҳафтад масҷид иборат буд [7, 60б]. Албатта дар ин ҷо хангоми зикри адади шумораи масҷидҳо сахв ҷой дорад ва шояд ин хатои нусхабардор бошад.

Муаллиф аз ашхоси муътабари Шош Абубакр Қаффоли Шоширо ном бурда, менависад, ки ӯ шайхи маъруф ва муфассири Қуръон буда, тафсири ӯ бист чилдро ташкил мекард [7, 60б]. Ёқути Ҳамавӣ [5, 333] ва Хайриддини Зираклӣ [9, 159] хабар медиҳанд, ки Қаффоли Шошӣ дар шаҳри Шош таваллуд шуда, дар он ҷо мазҳаби шофеиро паҳн кард ва дар ҳамон ҷо фавтида, дафн гардидааст.

Ҷамол Қаршӣ хангоми ба шаҳри Шош омадан мақбари Қаффоли Шоширо зиёрат карда, дар девори он ба забонҳои арабӣ ва тоҷикӣ порчаҳои шеърӣ навиштааст [7, 61а].

Ҷамол Қаршӣ хангоми бори аввал ба Шош омадан бо шайхи машҳури он Ҷалолиддин ҳамсухбат мешавад. Шайх Ҷалолиддин ду писар дошт: яке Алоуддин ва дигаре Авфақ. Ҳар дуи онҳо ба доираи

ашхоси ҳукмрони шаҳр наздикӣ доштанд. Бори дувум ба Шош омадани Ҷамол Қаршӣ бо ишғоли он аз ҷониби писари Алоуддин Паҳлавон Маҳмуд мувофиқ омад.

Паҳлавон Маҳмуд бо хоҳари Ҷамол Қаршӣ издивоҷ намуда, бо ӯ пайванди хешу таборӣ дошт. Онҳо писаре доштанд, ки Носир ном дошт. Ҷамол Қаршӣ дар бораи Паҳлавон Маҳмуд ва писари ӯ Носир бо забони тоҷикӣ порчаҳои шеърӣ навиштааст, ки онҳо дар “Мулҳақоту-с-Сурах” оварда шудаанд [7, 61а,б].

Шаҳри дигаре, ки Ҷамол Қаршӣ дар бораи он маълумот медиҳад, ин Борчканд аст. Дар маъхазҳои асримиёнагӣ он бо номҳои мухталиф чун Борчканд, Борчинликанд, Борчликанд ва Борчин зикр гардидааст. Шаҳри асримиёнагии Борчканд дар байни Ҷанд ва Сигноқ дар ҳавзаи дарёи Сир воқеъ буд. Дар охири асри XIV он хароб гашта буд. То замони мо сиккаҳои мисине расидаанд, ки онҳо дар Борчин (Борчканд) зарб зада шудаанд [3, 230].

Ҷамол Қаршӣ менависад, ки ӯ соли 672ҳ.к./1273-74 ба ин шаҳр омада буд. Дар он ҷо туркманҳо мезистанд. Дар назди шаҳр теппаҳо ва қумзорҳои зиёд вучуд доштанд ва зимистони он ҷо сербарф буд.

Аз ҷумлаи ашхоси маъруфи ин диёр муаллиф олим ва шоир Ҳисомиддин Ҳомид ибни Осими Борчкандлигиро ном мебарад ва менависад, ки шайхи фақеҳ буда, илмҳои замонро аз худ карда, муфассири Қуръон буд ва дар назму наср таъъозмоя мекард. Илова бар ин Ҳисомиддин хатготи моҳир буда, хатти ниҳоят зебона дошт. Ҷамол Қаршӣ дар назди ӯ дарс хонд ва пас аз хатми тадрис Ҳисомиддин санади хатми ӯро бо дасти худаш навишт.

Ба қавли Ҷамол Қаршӣ Ҳисомиддин олими тавоно буда, дар соҳаҳои мухталифи илм қуввасанҷӣ намудааст. Ӯ дар соҳаи наср бо забони арабӣ якҷанд асарҳо офарида, асари Ҷоруллоҳ “ал-Муфассал”-ро ба таври мухтасар шарҳ дода, ба он “ал-Мучмал” ном гузошт. Асари Бурҳониддини Марғинонӣ “ал-Ҳидоят фӣ фикҳ”-ро низ мухтасар намуда, онро “Ҳидоят ал-Мухдӣ мин ҳидоят ал-Мухтадӣ” номид. Ҳисомиддин ин асарро дар муддати ду моҳ таълиф намудааст [7, 61б].

Аз гуфтаҳои Ҷамол Қаршӣ бармеояд, ки Борчканд дар охири асри XIII яке аз марказҳои фарҳангӣ дар ҳавзаи дарёи Сир ба шумор рафта, дар он ҷо олимону шоирон ва мутафаккирони барҷаста умр ба сар мебардаанд. Дар он ҷо инчунин таълимгоҳҳои вучуд доштаанд, ки донишомӯзон аз шаҳрҳои дигар таҳсил намуда, санадҳои лозимаро соҳиб мегаштаанд. Пас аз истилои муғулҳо ин шаҳр тадричан рӯ ба таназзул оварда, дар охири асри XIV ба харобазор табдил гашт.

Шаҳри дигаре, ки Ҷамол Қаршӣ тавсифи онро меорад, Ҷанд аст. Шаҳри Ҷанд дар поёноби дарёи Сир воқеъ буда, ба қавли Ёқути Ҳамавий

аҳолии он пайрави мазҳаби ҳанафианд [5, 137]. Ҷамол Қаршӣ менависад, ки Ҷанд шаҳри калон ва серғавғову сераҳоли буда, дар он ҷо бозори калони серсавдо амал мекард. Ба он ҷо аз шаҳру мамолики мухталиф тоҷирони зиёде меомаданд.

Тибқи ахбори Ҷамол Қаршӣ дар Ҷанд намояндагони зиёди илму фарҳанг умр ба сар мебурданд. Яке аз чунин ашхоси маъруфи Ҷанд Камолиддини Хоразмӣ ё Сигноқӣ буд. Муаллиф бо ин шахс шиносии хуб дошта, муддате дар хизмати ӯ будааст. Туркманҳо ӯро Шайх Бобо ном мебурданд. Ӯ устои олими маъруфи он давр ал-Камоли ал-Музаффарӣ буд. Камолиддин яке аз дӯстони наздики шайхи маъруф Начмиддини Кубро буд. Шайх Камолиддин моҳи ноябри соли 1273 дар синни 85-солагӣ оламро тарк намуд [7, 616].

Ҷамин тарик, аз маълумоти Ҷамол Қаршӣ дар бораи баъзе шаҳрҳои Мовароуннаҳр ба чунин хулоса омадан мумкин аст, ки шаҳрҳои ин минтақа то замони ҳуҷуми муғулҳо ободу зебо буда, марказҳои илму фарҳанг ба шумор мерафтанд. Пас аз тасхири онҳо аз ҷониби муғулҳо баъзе шаҳрҳо, монанди Борҷанд ва Ҷанд рӯ ба харобӣ оварда, аз байн рафтанд.

АДАБИЁТ

- 1.Абулбақо ибни Ҳоҷа Баҳоуддин Маҳмуди Аъзам. Ҷомеъу-лмақомот. Дастхати Китобхонаи миллии Тоҷикистон № 904.
- 2.Амин Аҳмади Розӣ. Ҳафт иқлим. Дастхати рақами 62 Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ.
- 3.Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Сочинения. Т. III. Москва, 1965.
- 4.Закариё ибни Муҳаммад ибни Маҳмуд ал-Қазвинӣ. Осору-л-билод ва ахбору-л-ибод. Бейрут, 1960.
- 5.Ёкути Ҷамавӣ. Муъҷаму-л-булдон. Ҷилди III. Ба ҷоп хозиркунанда Вюстенфелд. Т. I-VI. Лейпциг, 1866 – 1873.
- 6.Истаҳрӣ Абуисҳоқ Иброҳим. Масолик ва мамолик. Бо эҳтимоми Эраҷи Афшор. Техрон, 1340.
- 7.Ҷамол Қаршӣ. Мулҳақоту-с-Сурух. Дастхати ганҷинаи шаҳри Санкт-Петербург, рақами В-514.
- 8.Худуду-л-олам. Таҳияи Н. Қосимов. Душанбе: Дониш, 1983.
- 9.Хайриддин аз-Зирақлӣ. Ал-Аълум. Ҷилди VII. Бейрут, 1969.
10. Descriptio imperii moslemici auctore Schamso'd-din Abu Abdollah Mohammed ibn Ahmed ibn abi Bekr al—Banna al-Basschari al-Mokaddasi . Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1877; ed. 2; 1906 (BGA, III).
11. Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'I – Kasim ibn Naukal. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1873 (BGA,

II).

**Н.Т.Рахимов д.и.т. профессор,
Ходжендский государственный Университет
им. Б.Гафурова**

САРАЗМ В УРБАНИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АКАДЕМИКА Н.Н.НЕГМАТОВА

Введение. Сложение первых цивилизаций рассматривается как первый качественный рубеж в истории человечества, связанный с эпохой возникновения и формирования первых городов, классового общества и государства. Поэтому ученые при исследовании ранних страниц истории человечества стремятся больше получить научные данные по этому времени. Особое внимание уделяется исходному пласту раннеземледельческих культур, на основе которого происходило развитие социокультурных комплексов цивилизаций. Для большого региона Центральной Азии – Вароруда (Междуречья Сырдарьи и Амударьи) базовым памятником является городище Саразм, с которого и можно говорить о формировании таджикской и среднеазиатской цивилизации [5, 244; 6, 37; 7, 95].

Учёные давно уже определили место и роль городов в истории цивилизаций. Ещё в середине 50-х годов XX столетия английский учёный Гордон Чайлд предложил 10 признаков формирования первых цивилизаций в истории человечества [26]. Первым и основным из них является возникновение городов с монументальной архитектурой, плотным средоточием населения, выделением отдельных видов трудовой деятельности и т.д.

Возникновение города является поворотным моментом в истории человечества. При всех разногласиях о дефинициях, учёные единодушны в том, что цивилизация связана с городом. Именно город является средоточием всех достижений человеческой культуры, концентрацией производительных сил, центром развития науки и культуры. Следовательно, процесс возникновения города, особенности и закономерности его развития, роль в культуре и др. являются актуальными проблемами гуманитарных наук.

В настоящее время значительно расширилась источниковедческая база исследования урбанизации. Археологические материалы – самый важный источник для изучения истории городов древности и средневековья. Объём накопленного археологического материала о разных типах поселений, материальной культуре и хозяйственной деятельности древних народов служит надежным основанием для постановки проблем урбанизации. Многие особенности формирования

древнейшего города как исторически обусловленного организма, отличающегося от прежних поселений первобытнообщинной эпохи по характеру организации и содержанию производственной и культурной жизни, не могут быть раскрыты вне сферы археологических знаний. При рассмотрении всей совокупности полученного материала по истории возникновения и развития городской культуры выяснился сложный характер процесса урбанизации, протекавший в разное время и имеющий свои региональные особенности. Накопление определенного количества материала требует осмысления и выводов.

Средняя Азия – один из очагов зарождения цивилизации и урбанизации. Согласно письменным источникам, а также результатам археологических исследований, Средняя Азия с древнейших времен была страной городов. И сегодня, опираясь на результаты изучения древних культур, мы можем с уверенностью говорить, что цивилизации древней и раннесредневековой Средней Азии являлись урбанистическими цивилизациями. Однако, как уже было нами отмечено выше, процесс урбанизации не был единовременным явлением для всех регионов Средней Азии.

Работы в южных районах Средней Азии – на таких памятниках как Алтын-Депе, Саппали показали ранний характер цивилизаций городского типа. На севере Средней Азии, в частности, в бассейне Средней Сырдарьи, становление городской жизни относится к более позднему этапу, однако сравнительное изучение этих культур позволяет установить ряд общих закономерностей, отразивших временную специфику всей Средней Азии.

В среднеазиатской археологии к середине 70-х годов XX в. по этапам урбанизации Средней Азии в древности были предложены два варианта. Так, по мнению Б.А.Литвинского следует выделять следующие этапы урбанизации:

1. Протогорода (III- II тыс. до н.э.)
2. Древнейшие городские поселения (конец II – первая треть I тыс. до н.э.)
3. Формирование античного города Средней Азии (VI – IV вв. до н.э.)
4. Градостроительный дуализм и начало среднеазиатско – эллинистического синтеза (IV –II вв. до н.э.)
5. Среднеазиатско-эллинистическо-индийский синтез и наивысший подъём древнего среднеазиатского города (I в. до н.э. – III-IV вв. н.э.) [8,99-125].

Другой вариант, предложенный В.М.Массоном, состоит из двух этапов:

1. Древневосточный этап (IV – III тыс. до н.э. – VI в. до н.э.)

2. Античный этап (VI в. до н.э. – IV в.н.э.) [12].

Предложенные варианты этапов урбанизации стали итогом изучения всего материала 50-х – начала 70-х годов XX в., полученных в ходе археологических раскопок древних городов Средней Азии. В целом, оба варианта близки друг к другу, но Б.А.Литвинский разделяет на большее количество ступеней развития. Каждый из вариантов имеет своих сторонников и противников, хотя предложенные этапы урбанизации являются общими для всей Средней Азии. Между тем, для отдельных регионов, в зависимости от изученности района, предлагаются локальные варианты урбанизации. В последние годы исследователями городской культуры Средней Азии древнего периода предложены ещё несколько вариантов периодизации процесса урбанизации. Следует отметить, что это стало возможным благодаря большому объёму фактического материала, полученного в ходе раскопок последних десятилетий XX в. И не случайно, что в течение 1986-1995-х гг. были проведены три крупных форума ученых, специально посвященных проблемам урбанизации Средней Азии: Советско-французский коллоквиум «Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда» (Самарканд, 25-30 августа 1986 г.) [2], «Зоны и этапы урбанизации» - региональная конференция в Намангане (1989 г.) [4] и, наконец, конференция «Экономическая основа процесса урбанизации Средней Азии», состоявшаяся в сентябре 1995 года в Самарканде [25]. Эти форумы оказались весьма плодотворными: в научный оборот был введен огромный новый полевой материал последних лет, обсуждались теоретические аспекты проблемы «город и процесс урбанизации в Средней Азии», предлагались новые концепции.

Новую периодизацию процесса урбанизации, состоящую из трёх этапов, предложил В.А.Алекшин [1, 40-41]:

1 этап – III тыс. до н.э. – первая половина II тыс. до н.э.

(раннегородские центры на юге Туркменистана: Намазга-Тепе, Алтын-Депе, Улуг-Депе)

2 этап – Вторая половина II тыс до н.э. – середина I тыс. до н.э.

(Теккем, Саппали, Джаркутан и др.).

3 этап – конец I тыс.до н.э. – нач. I тыс.н.э.

По его мнению, между каждым из очередных этапов были периоды нестабильности, замедлявшие ход процесса урбанизации. На наш взгляд, предложенная В.А.Алекшиным периодизация имеет и слабые стороны, требующие дополнительной аргументации. Как бы то ни было, предложение В.А.Алекшина имеет право на существование.

Иную периодизацию процесса урбанизации среднеазиатских городов древнего периода предложил Ю.А.Заднепровский [3, 50-53]. В отличие от всех предыдущих авторов, Заднепровский предлагает датировать начальный этап процесса урбанизации самым концом бронзового века и началом раннежелезного века (конец II тыс. до н.э. – первая треть I тыс. до н.э.). Свою точку зрения Ю.А. Заднепровский аргументирует тем, что собственно среднеазиатские города древнего периода генетически не были связаны с предшествующими городами древневосточного типа (Алтын-Депе, Намазга-Депе). Указывалось, что до сих пор нет основания говорить о прямой преемственности в градостроительстве.

Этапы урбанизации по Ю.А.Заднепровскому следующие:

1. Первый (начальный) этап – конец II тыс. до н.э. – первая треть I тыс. до н.э. (Елкен-Депе, Мадау, Иззат-Кули, Яз-Депе, Дальверзин)
2. Второй этап – VIII – VII вв. до н.э. Формируются древнейшие города раннежелезного века (города доахеменидского периода).
3. Третий этап – VI – IV вв. до н.э. (Елкен-Депе II-III, Яз-Депе-II, Эрк-кала, Кзыл-тепа, Еркурган, Афрасиаб I, Нуртепа, Эйлатан, Кюзали-гыр).
4. Четвертый этап – III в. до н.э. – IV-V вв. н.э. Расцвет урбанизма. Города античного периода.

В подтверждение основных положений своей периодизации Ю.А. Заднепровский широко использовал обобщения археологического материала по всем историко-культурным областям древней Средней Азии с привлечением данных письменных источников.

Новейшей по времени выдвижения является периодизация процесса урбанизации Средней Азии, предложенная академиком Н.Н.Негматовым на основе полученных материалов в Таджикистане. В 80-90-тые годы XX в. им был опубликован ряд статей, в которых он изложил своё видение хронологии и периодизации урбанизации региона, обратив особое внимание на её ранние этапы [13, 72-88; 14, 66-69; 15, 69-71; 16, 26-28; 17, 49-51; 18, 14-19; 20-152-158; 21, 89-111].

Н.Н.Негматов, будучи археологом, изучал историю по остаткам материальной культуры, уделяя особое внимание вопросам урбанизации Центральной Азии и, в частности, Таджикистана. При этом он обращался ко всем аспектам городской культуры: от анализа строительной техники отдельно взятого объекта до планировки всего города, его роли в духовной и материальной культуре народа.

Открытие Саразма и его значение. Открытие Саразма в 1976 году оказало решающее влияние на формирование концепции Н.Н.Негматова. Первые сообщения А.Исакова о полученных

результатах раскопок на городище Саразм показали значимость этого памятника для решения вопроса о начальном этапе урбанизации в Средней Азии. В 1981 году на Первом советско-американском археологическом симпозиуме «Ближний Восток, Средняя Азия, Древняя Индия», состоявшемся в Гарвардском университете (г.Кембридж, США) Н.Н.Негматов выступил с докладом на тему: «Таджикистан на пути к урбанизации», основываясь на новейших достижениях таджикской археологии в изучении эпохи бронзы и раннего железа на территории республики, и, предложив своё видение зарождения и формирования городской культуры и начала урбанизации в Средней Азии. В докладе и, опубликованном на эту тему статье, Н.Н.Негматов указывает, что открытие нового памятника – Саразма, является «важнейшим открытием среднеазиатской археологии»[13,72-88].

Академик Н.Н.Негматов с уверенностью констатировал, что Саразм является тем самым памятником, в котором нашел отражение этап перехода к первым протогородским цивилизациям. Знакомство с результатами исследований Саразма показывает, что на этом памятнике ярко просматривается ряд элементов появления протогорода: монументальная архитектура, храмы, вымощенные камнем улицы, ряды ремесленных лавок, разделение труда: земледелие, скотоводство, обработка кожи, добыча и плавка металлов (примитивная металлургия), добыча золота и ювелирные дела, прядение и ткачество, обработка драгоценных камней, имущественное неравенство и деление общества на классы. По культурным эталонам, по уровню архитектуры и ремесла это был этап развития культуры уже урбанизированного облика.

Анализируя результаты первой пятилетки раскопочных работ на Саразме, проведённых А.Исаковым, Н.Н.Негматов выделяет главные характерные черты культуры Саразма: оседло-земледельческий и ремесленный образ жизни, архитектурно-планировочную и дворовую структуру, общую квартальную, домовую и секционную застройки их поселения, уже сложившийся общественно-культурный комплекс анфиладной застройки, значительный ассортимент и, особенно, совершенство форм керамических, металлических и каменных изделий, наличие богатой расписной керамики» [13,80]. Исходя из данных структуры Саразма (многокомнатные секционные дома, жилые массивы-кварталы, уличная сеть, культовые постройки и т.д.), Н.Н.Негматов заключает, что здесь складывается высокоразвитая культура с урбанистическими чертами [13, 81]. На основе этого Н.Н.Негматов включает Саразм в число памятников самого начального этапа урбанизации Средней Азии и Согда, охватывающий IV – начало II

тыс. до н.э. и названный им «Эволюционным этапом ранних земледельческих поселений с урбанистическими чертами».

Периодизация урбанизации Средней Азии. Периодизация Н.Н.Негматова разработана с учетом периодизаций других исследователей и поправкой на результаты новейших исследований археологов по этой проблеме. Н.Н.Негматов указывает, что с увеличением материала по урбанизации «острее ощущаются недостатки в изучении концепций общей и частной периодизации истории урбанизации» [17,49-50]. Предложенная Н.Н.Негматовым периодизация урбанизации выглядит следующим образом:

1. Эволюционный этап ранних земледельческих поселений (IV – начало II тыс. до н.э.). Памятники: Саразм, Алтынтепа, Намазгатепа и Геоксютр.

2. Протогородской этап (II – начало I тыс. до н.э.). Памятники: Саппалитепа, Джаркутан, Миршади, Дашли и др.

3. Архаический (ранне-исторический) этап (VIII – IV вв. до н.э.) Археологически изучаемые города: Балх, Марв, Еркурган, Самарканд, Нуртепа, Дальверзин, Архаический Худжанд, Курукада, Калалыгыр, Кюзалигыр и др.

4. Этап среднеазиатско-эллинистическо-индийского синтеза и наивысшего подъёма древнего градостроительства (III в.до н.э. – III в.н.э.). Археологически изучаемые города: Самарканд, Балх, Александрия Эсхата, Термез, Тахти Сангин, Айханум, Сурх Котал, Ниса, Топраккала, Нуртепа, Мугтепа, Ширин, Канка и др.

5. Раннесредневековый этап (V – VIII вв. н.э.). Археологически изучаемые города: Самарканд, Балх, Пенджикент, Бухара, Варахша, Пайканд, Марв, Худжанд, Бунджикат, Вагкат (Уратюбе-Истаравшан) и другие.

6. Средневековый этап (IX – XV вв.) Археологически изучаемые города: Марв, Самарканд, Хульбук, Сайёд, Худжанд, Бунджикат, Ахсыкат, Отрар и другие.

7. Позднесредневековый этап (XVI – XIX вв.) Археологически изучаемые города: Отрар, Худжанд, Бухара, Ура-Тюбе и другие.

8. Современный этап (XX – нач.XXI вв.)

Вопрос о происхождении Саразмской культуры. В концепции Н.Н.Негматова Саразм занимает особое место, что связано с вопросом начального этапа урбанизации. Когда, как локального варианта общесреднеазиатской урбанизации. В.М.Массон, исследователь культур энеолита и бронзы Южного Туркменистана считал, что Саразм появился в результате осевших здесь мигрантов с предгорий Копетдага. Одной из причин, побудивших к выбору этого места для основания

поселения, была близость к богатым месторождениям металлов. Массон В.М. указывает, что «в дальнейшем в Саразме появляется украшенная керамика, изготовленная на гончарном круге и четко повторяющая модели Белуджистана. Это замечательный показатель культурного взаимодействия в Центральной Азии в период ранних земледельцев. Не исключено, что верховья реки Зерафшан оказались привлекательными из-за близости к рудным месторождениям Ферганы. Во всяком случае, в Саразме имеется довольно большое количество металлических артефактов, и свидетельством накопления богатства является погребение женщины с множеством бус из золота, сердолика и лазурита на шее, руках и ногах. Таким образом, миграция геоксюрских общин на северо-восток дала толчок к формированию нового центра высокоразвитой культуры в советской Средней Азии» [27].

В то же время, Негматов придерживается другого взгляда: признавая близость культуры Саразма к культурам Южного Туркменистана и Белуджистана эпохи энеолита, Н.Н.Негматов всё же считает, что «она выросла на месте и имеет неолитическо-энеолитические древнейшие социальные и этнокультурные корни» [19, 35]. Тем самым, академик Н.Н.Негматов считает, что Саразм находится у самых истоков урбанизации и градостроительной культуры Согда.

В последние десятилетия XX в. проводились широкомасштабные работы по изучению городских центров. Материалы раскопочных работ показали, что в разных конкретно-исторических регионах процесс урбанизации протекал по-разному. Именно с этим было связано предложение локальных вариантов процесса урбанизации: Н.Н.Негматовым по Уструшане [15, 66-69], Э.В.Ртвеладзе по Бактрии-Тохаристану [23, 97-79], зоны урбанизации Хорезма предложены Е.Е.Неразик [22, 60-62], еще более территориально сузил процесс урбанизации Р.Х.Сулейманов, рассмотревший древние города Южного Согда [24, 127] и др.

Во многих случаях хронологические рамки локальных вариантов периодизации хода урбанизации не совпадают с общерегиональными (предложенными В.М.Массоном, Н.Н.Негматовым, Б.А.Литвинским), в других случаях совпадения лишь частичные. Это еще раз доказывает чрезвычайную сложность процесса урбанизации Средней Азии. На нынешнем этапе изучения становятся актуальными задачи дифференциации уровней, форм проявления урбанизации на разных этапах, выделение самих этапов и их обоснования, как в связи с общепринятыми периодами и формационным членением, так и в рамках этого процесса.

Условием глубокой научной оценки процесса урбанизации является раскрытие многоплановости его проявления, поэтому необходимо решать вопросы специфических особенностей формирования и функционирования городов и процесса урбанизации в различных условиях конкретных регионов, областей, районов и т.д. В связи с этим, на наш взгляд, интересным представляется заключение Н.Н.Негматова, что «настает время разработки общерегиональной концепции истории среднеазиатской урбанизации с учетом конкретики древних историко-культурных областей»[18,27].

Рассматривая концепцию урбанизации Средней Азии, предложенную Н.Н.Негматовым, следует отметить следующие положения:

1. Концепция Н.Н.Негматова учитывает все положительные черты вариантов урбанизации, предложенных предыдущими исследователями;

2. Опорные материалы концепции Н.Н.Негматова в полном объёме охватывают результаты раскопочных исследований в бассейне Средней Сырдарьи;

3. В концепции Н.Н.Негматова есть место связи традиций градостроительства древности, средневековья и нового времени.

4. Н.Н.Негматов в своей концепции придерживается основных принципов методологии науки: в концепции имеют место как общие характеристики этапов, так и указание конкретных городов, соответствующих этим этапам процесса урбанизации.

Таким образом, историографический обзор изучения проблемы урбанизации Средней Азии в древний период истории позволил выявить основные концепции, предложенные видными специалистами по истории региона. Это стало возможным благодаря широким археологическим раскопкам, проведённым на территории Средней Азии во второй половине XX в. и опубликованным во многих научных работах. Особо следует отметить концепцию таджикского учёного - академика Н.Н.Негматова. Тщательно проработанная, научно обоснованная и практически проверенная концепция урбанизации, предложенная Н.Н.Негматовым, стала достойным вкладом учёного в развитие отечественной исторической науки.

Литература:

1. Алекшин В.А. Этапы урбанизации на юге Средней Азии // Зоны и этапы урбанизации. – Ташкент, 1989. – С.40-41.

2. Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.). – Ташкент, 1986.

3. Заднепровский Ю.А. Древние города и этапы урбанизации Средней Азии //Зоны и этапы урбанизации. – Ташкент, 1989. – С.50-53.
4. Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы «Город и процесс урбанизации в Средней Азии») //Тезисы докл.региональной конференции. – Ташкент, 1989.
5. Исаков А.И. Саразм. (К вопросу становления древнеземледельческой культуры Зеравшанской долины)/А.И.Исаков. – Л., 1991. – 244 с.
6. Исаков А.И. Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы/А.И.Исаков //Автореф. дис. д-ра ист. наук в форме научного доклада. – Л., 1991. – 37 с.
7. Исоков А. Саразм оғози тамаддуни тоҷик.- Душанбе, 2018. – 280 с.
8. Литвинский Б.А. Древний среднеазиатский город (местные традиции и иноземные модели) // Древний Восток. Города и торговля. Ш-1 тыс. до н.э. – Ереван, 1973. – С.99-125.
9. Массон В.М. Раннеземледельческое общество и формирование поселений городского типа//Ранние земледельцы. – Л., 1979.
10. Массон В.М. Алтын-депе: Раскопки города бронзового века в Южном Туркменистане. – Л., 1981. -С.46.
11. Массон В.М. Первые цивилизации. – Л., 1989. – 274 с.
12. Массон В.М. Проблемы древнего города и археологические памятники Северной Бактрии // Древняя Бактрия. – Л., 1974.
13. Негматов Н.Н. Таджикистан на пути к урбанизации //Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). – Душанбе, 1982. – 112 с.
14. Негматов Н.Н. Развитие урбанизированных культур в Таджикистане и проблема культурных связей//Информ. бюл.МАИКЦА. – 1982. – Вып.2. – С.66-69.
15. Негматов Н.Н. Раннесредневековый этап урбанистической культуры Уструшаны //Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда. – Ташкент, 1986. – С.69-71.
16. Негматов Н.Н. К концепции урбанизации Средней Азии: модели и ступенчатость //Зоны и этапы урбанизации. – Ташкент, 1989. – С.26-28.
17. Негматов Н.Н. Этапы развития урбанизации Средней Азии//Мерв в древней и средневековой истории Востока. – Ашхабад, 1990. – С.49-51.
18. Негматов Н.Н. К концепции урбанизации Средней Азии //Изв. АН Тадж.ССР. Сер.: Востоковедение, история, филология. – 1991. - №1. – С.14-19.

19. Негматов Н.Н. Историческое место Саразма и его первооткрывателя профессора А.И.Исакова //Исаков А. Саразм – оғози тамаддуни халқи тоҷик. Панҷакенти Суғд. – Хучанд, 2005. – С.305.
20. Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Проблема начального этапа урбанизации Уструшаны (По материалам Нуртепа)//Археология Средней Азии и Ближнего Востока. – Ташкент, 1983. – С.152-158.
21. Негматов Н.Н., Беляева Т.В., Мирбабаев А.К. К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа – Нуртепа//Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). – Душанбе, 1982. – С.89-111.
22. Неразик Е.Е. Хорезмийские города от древности к средневековью //Зоны и этапы урбанизации. – Ташкент, 1989. – С.60-62.
23. Ртвеладзе Э.В. Формирование городов Бактрии-Тохаристана //Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (1У в.до н.э. – УШ в.н.э.). – Ташкент, 1986. – С.97-99.
24. Сулейманов Р.Х. Процесс урбанизации Южного Согда //Зоны и этапы урбанизации. – Ташкент, 1989. – С.127.
25. Экономическая основа урбанизации Средней Азии.//Тезисы докл. конференции. – Ташкент, 1995.
26. Childe G. The urban revolution // Town Planning Rev. 1950. Vol. 21.
27. History of Civilizations of Central Asia. Vol. I: The Dawn of Civilization: Earliest Times to 700 B.C. – Paris, UNESCO, 1992. – P. 232 (536 p.).

**Ҳамза Камол д.и.т.,
мудири шуъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва нав,
Институти таърих, бостоншиносӣ
ва мардумшиносии ба номи А. Дониш**

ЗИКРИ ШАҲРҲОИ МАЪРУФИ МОВАРОУННАҲРУ ХУРОСОН ДАР «САФАРНОМА»-И ИБНИ БАТТУТА (АСРИ XIV)

Сарзамини паҳновари сукунати тоҷикон - Хуросони Бузург, аз замоне ки инсоният шаҳрнишин шудааст, бо шаҳрҳои маъруфи худ дар пешрафти тамаддуни башарӣ нақши боризе дошта. Шаҳрҳо ҳамеша маҳалли таҷаммуи инсонҳои созанда, қонуни ташаккули миллатҳо, макони рушди илму фарҳанг ва ҳунармандию кишоварзӣ буданд. Тоҷикон дар ин паҳноӣ бузурги сукунати худ шаҳрҳоеро, мисли Балх, Марв, Нисо, Ҳирот, Нишопур, Самарқанд, Бухоро, Кеш, Нахшаб, Тирмиз, Чоч, Усрушан, Хучанд, Панҷакент ва ғайраҳоро бино кардаанд, ки дар садаҳои гузашта моёи таҳайюри башарият будаанд. Саразм дар оғози ин раванди созандагии миллати тоҷик қарор дошт, ки 5500-сол аз бунёди он сипарӣ мешавад.

Дар иртиботи ин ҷашн танвири авзои шаҳрҳои Мовароуннаҳру Хуросон дар садаҳои миёна бар мабной ахбори «Сафарнома»-и Ибни Баттута, ки аз муҳимтарин манбаи таърихист, мубрам ба назар мерасад.

«Сафарнома»-и Шарафуддин Абуабдуллоҳ Муҳаммад ибни Абдуллоҳ Муҳаммад ибни Иброҳими Танҷӣ маъруф ба Ибни Баттута (703-770 ҳ.қ. 1304-1377) дарбаргири воқеаҳо ва руҳдодҳои таърихист, ки авзои сиёсӣ ва иҷтимоии мамлакатҳои сафаркардаашро дар фосилаи баъди ҳодисаи муғул ва лашкаркашиҳои Темурланг, яъне дар нимаи аввали садаи чаҳордаҳ мунъакис месозад. «Сафарнома»-и Ибни Баттута аз ҷиҳати вусъати доманаи сафар аз дигар сафаргуфтаҳои ҳамсонаш фарқ мекунад. Муаллифи он дар бистуду солагиаш аз зодгоҳаш Танҷер (Марокаш) 2 моҳи раҷаби соли 725 ҳ.қ./ 14 июни 1324 раҳти сафар мебандад [5, 51] ва саёҳати ӯ то соли 754 ҳ.қ./1353, тақрибан сӣ сол ба дарозо кашида, кишварҳо ва сарзаминҳои Макка, Миср, Шом, Ироқ, Яман Уммон, Рум, Қастантия, қисмати бузурги Эрон, Хуросон, Мовароуннаҳр, Чин, Дашти Қипчоқ, Синд, Ҳинд, ҷазираҳои ҷануби Ҳинд, Андалус ва ғайраҳо фаро мегирад. Тақрибан дар сартосари ин минтақаи паҳновар ин замон аносири турку муғул, ки лашкаркашӣ, харобкорӣ, хунрезӣ ва кинатузиҳои қабилавиро усули давлатдорӣ меҳисобиданд, ҳукумат мекарданд.

Хотироти мусофирати Ибни Баттута маҷмӯаи зиндатарин тасовири кишварҳо ва сарзаминҳои он замон ва зиндагии соқинони он рӯзгорон

аст, ки пойи ин сайёҳ ба он ҷойҳо расидааст. Сафаргуфтаҳои Ибни Баттута дар ҳақиқат ойинаи тамомнамоест, ки зиндагии муосиронашро аз қалби қораи Африқо то қаронаҳои дарёи Чин бо аҳволу атвор, ҳисоли неку бад, маросиму одот ва одоби маъмулии онон дар ҳеш мунъакис сохтааст. Аҳбори «Сафарнома»-и Ибни Баттута, бавижа роҷеъ ба Мовароуннаҳру Хуросон ва Ҳиндустон дар бисёре аз мавриди таъриҳӣ ягона манбаи мустанади дасти аввал ва мунҳасир ба фард ба шумор меравад.

Бахше аз матолиби «Сафарнома»-и Баттута аз шаҳрҳои Мовароуннаҳру Хуросон ахборе мебошанд, ки бо ҳаводис ва руҳдодҳои таъриҳӣ, ки дигар манобеъ иттилоъ додаанд, мутобиқат мекунанд. Дар бархе аз мавридҳои аҳбори Ибни Баттута дар такмил, тайид ва тавҷеҳи нигоштаҳои дигар муаррихон баъли кумак менамояд.

Масири воридшавии Ибни Баттута ба Мовароуннаҳр аз тариқи Дашти Қипчоқ ба Хоразм аст. Хоразми он замон аз диди ин сайёҳ аз «зеботарин ва бузургтарин, муҳимтарину муътабартарин шаҳрҳо» буда, «бозорҳои хуб ва кӯчаҳои васеъ ва имороти бисёру маҳосини бешумор» дошта, «шаҳр аз қасрати ҷамъият ба сони дарё мавҷ мезанад» [5, 434-435]. «Рӯзе, менависад, -Ибни Баттута,- савори асп шудаму ба бозори шаҳр рафтам. Дар васати бозор дучори издиҳом шудам, зиёдии ҷамъият дар маҳалле бо номи Шӯр ба дараҷае расид, ки ман натавонистам рад бишавам, хостам баргардам, боз ҳам аз қасрати издиҳом қодир нашудам ва ҳамон ҷо мутаҳайир мондам ва билохира бо заҳмати зиёд тавонистам худро берун кашонам» [5, 435].

Ибни Баттута аз мадрасаи Хоразм, ки аз биноҳои амири он Қутлудемур буда, масҷиди онро ҳамсари ӯ Туробак сохтааст, зикр карда, аз бемористоне дар Хоразм ёд мекунад, ки табиби Шомӣ ба номи Саҳюӣ онро идора мекардааст [5, 435].

Яке аз роҳҳои сафар ва воридоту содироти маҳсулоти хӯрокворӣ ва ғайри он ба Хоразм ва аз ин шаҳр, ки Ибни Баттута мутаваҷҷеҳи он шудааст, ин аз тариқи киштиҳои дар Амударё будааст: «Дар тобистонҳо ба василаи кишти аз роҳи Ҷайхун то шаҳри Тирмиз метавон рафт. Тирмиз дар фосилаи даҳ рӯз роҳ аз Хоразм воқеъ шудааст ва аз он ҷо гандуму ҷав ба ин шаҳр меоваранд» [5, 436]. Роҷеъ ба харбузаи хушкидаи Хоразм, ки чун моли содиротӣ ба бозори дигар кишварҳо, аз ҷумла ба Ҳиндустону Чин интиқол меёбад, менависад: «Харбузаи Хоразм дар шарку ғарби олам назир надорад, ҷуз харбузаи Бухоро ва пас аз он харбузаи Исфаҳон аст. Пӯсти ин харбуза сабзу даруни он сурх ва бисёр ширину турд (нарм) аст. Аз аҷоиб он ки ин харбузаро дар офтоб хушк мекунанд ва нигоҳ медоранд... Харбузаи Хоразмро то ақсои нуқоти Ҳинду Чин мебаранд ва дар миёни меваҳои хушк беҳтар аз он нест» [5, 440].

Ибни Баттута ба ҳар шаҳре, ки ворид мешуд, пеш аз ҳама бо қишри донишмандон, аҳли тариқату маърифат, қозихо ва шайхони он ошноӣ ҳосил мекард. Дар хилоли навиштаҳояш номҳои зиёде аз чунин ашхосро метавон пайдо кард, ки мондагории асомии онҳо дар таърих маҷноси шиносӣ бо ин сайёҳи мағрибӣ мебошад. Аз ҷумла Ибни Баттута зикри шахсиятҳои маъруфи Хоразм, мисли Абуҳафс Умар ал-Бакрӣ, мавлоно Хумомуддин, мавлоно Зайнуддини Муқаддасӣ, мавлоно Муҳиддини Яҳё, мавлоно Фазлуллоҳи Разаӣ, мавлоно Ҷалолуддини Умодӣ, мавлоно Шамсуддини Санҷарӣ (имоми амири Хоразм) ва мавлоно Ҳисомуддини Машшотиро карда, таъкид мекунад, ки ин «ҳама мардуми нек ва соҳибфазилат буданд... Ин гурӯҳ голибан мазҳаби муътазилӣ доранд, лекин тазохур ба ин мазҳаб намекунанд, зеро султони узбак ва амири шаҳр Қутлудемур аз аҳли суннат (ашъарӣ) мебошанд» [5, 436-437]. Роҷеъ ба мавлоно Ҳисомуддини Машшотӣ махсус таъкид карда, ӯро суханвари чира тавсиф намуда, менависад, ки Ҳисомуддини Машшотӣ «яке аз ҷаҳор хатиби бузурги дунёст, ки ман болодасташон надидам» [5, 437].

Ибни Баттута аз Хоразм ба шаҳри Кот - пойтахти қадими Хоразм дар соҳили рости Амударё меояд. «Ин шаҳр танҳо ободие ҳаст, ки байни Хоразму Бухоро воқеъ шуда ва шаҳрест кучак, вале неку...»-, менависад муаллиф [5, 442]. Дар Кот қозии шаҳро садру-ш-шариат ном мебуданд ва шайхи шаҳр Маҳмуди Хевағӣ, бино ба ахбори ин сайёҳи мағрибӣ аз он ки ҳокими шаҳро водор сохт, ки ба дидорбинии Ибни Баттута биёяд, эътибори бештаре дар ин шаҳр доштааст. Ибни Баттута мегӯяд: «Қозӣ пешниҳод кард, ки пеши амир биравем, лекин шайх Маҳмуд гуфт: «Эшон воридонанд ва агар мо ҳиммат дошта бошем, бояд амиро во дорем, ки ба зиёрати ӯ биёяд». Ҳамин тавр ҳам шуд ва амир пас аз соате бо асҳоб ва худом ба дидани ман омад» [5, 442].

Дар масири Бухоро Ибни Баттута ба шаҳраке дар сефарсаҳии Бухоро, ки онро Вабкана (ҳоло Вобканд) ном мебаранд ва он дар «Нақшаи ҷуғрофӣи «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ» Байканд зикр шудааст [8], мерасад. «Вабкана, менависад ӯ, - шаҳре некуст, ки нахрҳо ва полизҳо дорад. Дар ин шаҳр ангурро аз сола ба соли дигар нигоҳ медоранд ва як навъ мевае ҳам доранд, ки олу номида мешавад¹¹³ ва онро хушк карда, ба Ҳиндустон ва Чин мебаранд ва рӯи он об мебаранд ва мехӯранд. Ин мева хангоме ки тару тоза ҳаст, ширин мебошад ва чун хушк шуд, каме туршӣ дар он пайдо мешавад ва бисёр гӯштолу аст, ки ман назири онро дар Андалус ва Мағрибу Шом надидам» [5, 443].

---

¹¹³ Ин ҳамон олуест, ки ҳам акнун дар Эрону Афғонистон ва дигар кишварҳо бо номи олуи Бухоро шинохта мешавад.

Ин замон ки Ибни Баттута аз шахрҳои Мовароуннаҳр дидан мекард, аз ҳодисаи ғочабору ғамангези муғул як садаву бештаре гузашта буд. Аммо ханӯз ҳам осори харобкориҳои муғул ба чашм мерасид, ки он манозирӣ ҳавлноқ аз назари Ибни Баттута низ дур намондаанд. Аз ҷумла Ибни Баттута дар бораи яке аз марказҳои илму фарҳанг ва сиёсати аҳди Сомониён – шаҳри Бухоро баъд аз ҳодисаи муғул менависад: «Бухоро маркази билоди Мовароуннаҳр аст, ки ба дасти Тингизи тотори малъун, ҷадди подшоҳони Ироқ¹¹⁴ вайрон гардид. Инак масоҷид ва бозорҳои он ҷуз қисмати кучаке маҳруба аст ва мардуми он дар зиллату хорӣ ба сар мебаранд. Акнун дар Бухоро касе, ки ҷизе аз илм бидонад ё инояте ба он дошта бошад, пайдо намешавад» [5, 443].

Аз Бухоро ба мақсади дидор бо хони муғулии Мовароуннаҳр Тармаширин (726-734 х.к./1326-1334), ки баъди пазируфтани ислом номи Алоуддинро гирифта буд, Ибни Баттута ба пойтахти ӯ, шаҳри Нахшаб меравад. Бо вучуди панҷоҳу чаҳор рӯз таваққуф дар Нахшаб, Ибни Баттута аз тавсифи Нахшаб бо ин хабар иқтифо мекунад: «Ин шаҳри кучақро боғҳо ва обҳо дар миён гирифтааст ва мо дар хориҷи шаҳр, дар сарое, ки аз он амири шаҳр буд, манзил кардем» [5. 446].

Ин мавзӯ аз асри VII пеш аз мелод маҳалли суқунати одамон қарор гирифта, он замон пиромуни ин шаҳри бостонӣ ба сохтани девори муҳофизатӣ оғоз карданд. Бақоҳои вайронаҳои ин деворҳо соли 1999 бори нахуст аз ҷониби бостоншиносон таҳқиқ гардид. Шавоҳиде вучуд дорад, ки Нахшаб дар ин замон номи суғдии Навтак ва ё Навтакаро доштааст, ки маънии таҳтуллафзии ин калима ба забони имрӯз «Биной нав»-ро медиҳад. Ҷун ин шаҳр бахше аз қалаврави давлати Юнону Бохтар буд, ҳадс зада мешавад, ки он шояд номи Евкратидеяро дошт [9, 260].

Ба гуфтаи муаррих ва шарқшиноси маъруф В.В.Бартолд хони муғули Мовароуннаҳр Кебек (1318-1326) баъди ба сақуи қудрат нишастан, ба қисмати ҷанубии Мовароуннаҳр нақли макон карда, дар дуҷонимфарсаҳии Нахшаб, дар поёноби Қашқадарё барои худ коҳе бино намуд [2, 75], ки дар Муғулистони он замон вожаи «коҳ» ба маънои «қаршӣ» ба қор мерафтааст [1, 161-162]. Ба ин сабаб шаҳри Нахшаб табдили ном ба Қаршӣ кард, ки то ханӯз ин шаҳри бостонии Варзрӯд бо ин номи бегона ёд мешавад, агарчи макони шаҳри Қаршии кунунӣ на ба Нахшаби то ҳодисаи муғул ва на ба шаҳри Нахшаби садаи чаҳордахум мутобиқат мекунад [1, 162]. Дар идомаи баррасиҳояш оид ба ваҷҳи тасмияи вожаи «қаршӣ» В.В.Бартольд менависад, ки ин вожа

---

¹¹⁴ Манзури Ибни Баттута Элхониёни Эрон аст.

дар гузашта дар осори нависандагони садаи XI Юсуфи Балосоғунӣ, муаллифи «Кутагу билик» ва Маҳмуди Кошғарӣ муаллифи «Девони луғот ат-турк» низ ба назар мерасад ва «туркҳо зоҳиран онро аз забони бумии Туркистони Чин (Чанубӣ) ба вади гирифтаанд» [1, 161-162].

Дар «Бобурнома», ки дар аҳди Акбар (1556-1605), подшоҳи маъруфи Бобуриён аз ҷониби Байромхон ба форсӣ тарҷума шуда, онро мирзо Муҳаммади Шерозӣ дар Бомбай дар соли 1308 ҳ.қ./1890-91 ба зевари табъ даровард, роҷеъ ба Нахшаб омадааст: «Дигар вилоят Қаршист, ки Насаф ва Нахшаб ҳам мегӯянд. Қаршӣ номи муғулист, гӯрхонаро ба забони муғулон «қаршӣ» мегӯянд. Ғолибан ин ном баъд аз тасаллоти Чингизхон шуда буд. Камобтар ҷоест, баҳори ӯ хуб мешавад, зироати ӯ, харбузай ӯ хуб мешавад. Ба ҷониби чануби Самарқанд аст, андаке ба ғарб моил. Ҳаждаҳ фарсанг роҳ аст» [3, 33]. Ин матни тарҷумаи форсӣ бо матни тарҷума ба забони русӣ муғойират надорад [4, 64].

Ибни Баттута аз Нахшаб ба ҷониби Самарқанд меравад ва бардоштҳои ӯ аз ин шаҳри бостонии тоҷикон дар ниҳояти тавсифу тамчид аст: «Самарқанд яке аз бузургтарин ва беҳтарин ва зеботарин шаҳрҳои дунёст, ки бар канори рӯдхонае ба номи рӯдхонаи Гозирон бино шудааст. Боғҳои шаҳро аз ин рӯдхона ба василаи дулобҳо (чархи об) обёрӣ мекунад. Мардум баъд аз намози аср дар боғҳои пиромуни шаҳр гирд омада, ба тафреҳу таварруҷ (сайр) мепардозанд. Дар ин ҷоҳо мастабахое (нимкати чӯбин) барои нишастани мардумон таъбия карданд ва дуқонҳое барои фуруши мева ва хӯроқӣ ҳаст. Дар атрофии шаҳр кохҳои бузург ва биноҳои қобили тавачҷуҳе вучуд дорад, ки нишони улуви ҳиммати мардуми он мебошад, лекин ғолиби ин биноҳо хароб шуда ва низ бисёре аз қисматҳои дохили шаҳр ба ҳолати вайрона афтадааст. Шаҳр нух бору дорад ва нух дарвоза» [5, 456]. Ба яқин ин харобаю вайронаҳои шаҳр аз замони ҳодисаи муғул «ба мерос» мондаанд.

Шаҳри дигари Мовароуннаҳр, ки сайёҳи мағрибӣ то замони убур аз Амударё дар он таваққуф кардааст, Тирмиз аст. «Шаҳри қадими Тирмиз,- менависад ӯ,- бар канори Чайхун сохта шуда буд. Баъд аз харобии он шаҳр ба дасти Чингизхон шаҳри ҷадид дар думилии Чайхун бино шуд» [5, 458]. Ибни Баттута дар зимни зикри харобаҳои Балх, ки ба дасти чингизӣ сурат гирифта буд, аз вайронаҳои Тирмиз муқаррар ёд мекунад: «Ҳамин балоро (яъне вайрониро) бар сари Тирмиз низ овард, ҷунонки шаҳри мазбур аз он пас рӯи ободӣ надид ва Тирмизе, ки акнун ҳаст дар думилии Тирмизи собиқ бино шуда аст» [5, 445].

Шаҳри Тирмизи тозабунёдро Ибни Баттута ҷунин дарёфтааст: «Тирмиз шаҳри бисёр бузург ва дорои абнияти хуб ва чанд бозор аст. Ин

шаҳр боғҳои зиёд ва ангур ва беҳи (биҳӣ) фаровон ва бисёр хушбӯ дорад ва наҳрҳо аз васати он мегузаранд. Гӯшту шир дар он фаровон аст» [5, 458]. Чун шахси мутаваҷҷеҳи ҳама кор ӯ аз расми ҷолиби мардуми ин шаҳр хабар медиҳад: «мардум дар гармобаҳо сари худро ба ҷои гили ҳаммом бо шир мешӯянд. Пеши ҳар гармовабон зуруфи бузурге мамлу аз шир вучуд дорад, ки ҳар кас воридаи ҳаммом шавад, зарфи кучаке аз он пур мекунад ва сари худро бад-он мешӯяд. Шир мӯи сарро нарму шаффоф мегардонад» [5, 458].

Ибни Баттута баъди убури Амударё воридаи марзи Хуросон мешавад ва теъдоди шаҳрҳои ин сарзаминро ҷаҳор адад зикр кардааст: «Шаҳрҳои Хуросон ҷаҳор аст: ду ободон ва ду вайрон. Дутои ободон иборат аст аз Ҳирот ва Нишопур ва дутои вайрон иборат аст аз Балху Марв» [5, 463]. Суоле матраҳ мешавад, ки ҷаро Ибни Баттута шаҳрҳои Хуросонро аз Ҳироту, Нишопур ва Балху Марв иборат донистааст, дар сурате ки аз шаҳрҳои дигари Хуросон, мисли Ҷом, Тус, Машҳад, Сарахс, Зова (Турбати Ҳайдария), Бастом, Кундуз, Андароб, Ғазнин ва Кобул низ ахбор медиҳад? Ба назар мерасад, ки манзур аз ҷаҳор шаҳри номбарнамудаи Ибни Баттута ин марказҳои маъруфи Хуросонанд, ки бидуни зикри марказ будани онҳо ин шаҳрҳоро ном мебарад. Ин маънӣ ба ҳангоми тавсифи шаҳри Нишопур, ки мегӯяд: «Нишопур яке аз шаҳрҳои ҷаҳоргонаест, ки марокизи Хуросон маҳсуб мешаванд» [5, 471], ошкор мегардад.

Дар бораи шаҳри бостонӣ ва маъруфи Хуросон - Балх, ки дар манобеи таърихӣ бо номи уммулбилод – модари шаҳрҳо зикр шудааст, Ибни Баттута дар ду маврид аз харобии ин шаҳр ба дасти Чингиз ёд мекунад: «Балхро (Чингиз) ба шамшер бигирифт ва он шаҳро бо хок яксон кард» [5, 445]. Дар ҷои дигар менависад: «Балх ба кулӣ вайрон шуда буд, лекин манзараи шаҳр ҷунон менамуд, ки гӯӣ ҳанӯз ободон аст, ҷӣ шаҳр бисёр васеъ ва пурҷамъият ва биноҳои он мустаҳкам буда ва осори масҷид ва мадориси он то кунун ҳам барҷост» [5, 461].

Дар идома аз ҳунари озинзадани биноҳои шаҳри Балх бо лочувард ва ёкути Бадахшон менависад, ки дар пояҳо ва деворҳои имороти вайрона дида мешуд: «Нуқуши пояҳои иморот омехта бо рангҳои лочувард мебошад ва мегӯянд лочувард моли Хуросон аст, ки аз кӯхистони Бадахшон ба даст меояд ва ёкути бадахшӣ ҳам аз ҳамон ҷост ва авом онро «балхаш» талаффуз мекунанд» [5, 461].

Ибни Баттута ривояти ҷолиберо аз қавли таърихдонони Балх пиромуни бино намудани масҷиди Балх меоварад, ки ба ибтикори ҳамсари ҳокими Балхи замони Аббосиён, Довуд ибни Алӣ сохта шуда ва ба қавли ӯ «аз беҳтарин ва васеътарин масҷиди дунё буда ва агарчи масҷиди Работулфатҳи Мағрибро аз ҳайси бузургии сутунҳо метавон

шабеҳи он донист, вале масҷиди Балх аз ҳама чанбаҳои дигар зеботар аст» [5, 461].

Ривояти ба харобӣ кашидани тақрибан як савуми ин масҷиди бузурги шаҳр аз ҷониби чингизиён ба тамаъи ганчинае, ки гуфта мешуд дар зери яке аз сутунҳои масҷид нухуфта аст, низ ҷолиб аст. Бино ба ахбори Ибни Баттута баъд аз он ки масҷид бино шуд, аз се як ҳиссаи маблағи чудошуда барои сохтмони он боқӣ монд ва ин маблағро зери яке аз сутунҳои масҷид пинҳон карданд, то агар баъдҳо ба таъмиру тармими масҷид ниёз афтод, аз он истифода намоянд. Ин хабар чингизиёро водор сохт, то як савуми масҷидро вайрон кунанд ва чун чизе ба даст наоварданд, аз таҳриби боқимондаи масҷид худдорӣ намуданд [5, 462].

Ибни Баттута аз Ҳирот чун бузургтарин шаҳри ободи Хуросон ёд мекунад ва менависад: «Ҳирот шаҳре бузург ва дорои абнияти бисёр аст. Мардуми ин шаҳр муттақӣ ва мутадайн ва покдоману ҳанафимазҳаб мебошанд ва шаҳри Ҳирот аз ҳар гуна фиқу фасод мубаррост» [5, 463]. Бо ин ахбор ба тавсифи шаҳри Ҳирот иктифо карда, дар бораи муборизаи султон Ҳусайни Курт алайҳи Сарбадорони Хуросон бо сарвари амир Масъуд ба иҷмол ахбор медиҳад. Шарҳи мухтасаре, ки Ибни Баттута дар ин бора овардааст, бо ин ки вай Сарбадоронро ба муносибати ташайюъ душман медонад, дар мақоми муқоиса бо навиштаҳои муарриҳини дигар ҳақоикеро равшан месозад. Шояд рубоии яке аз шоирон, ки дар бораи ҷанги амир Ҳусайни Курт ва амир Масъуд суруда аст, барои нишон додани ранги аслии қиёми Сарбадорон судманд бошад, ки гуфтааст:

*Гар Хусрави Курт бар далерон назадӣ
В-аз теги ялӣ гардани шерон назадӣ.
Аз бими синони Сарбадорон то ҳашир,
Як турк дигар хайма ба Эрон назадӣ.*

Аз Ҳирот Ибни Баттута ба шаҳри Турбати Шайхи Ҷоми кунунӣ, ки дар аҳди бостон ба номи Бузҷон ё Пушгон ёд шудааст ва ин сайёҳ онро Ҷом ном мебарад, сафар мекунад. «Ҷом шаҳри мутаваассит ва зебост, - менависад ӯ. Боғҳо ва дарахтон ва наҳрҳои чашмаҳои фаровон дорад. Бештари дарахтони он тут аст. Абрешими зиёд ҳам дар он ба амал меояд... Шаҳри Ҷом ба дасти авлоди шайх Шихобуддин (аз авлоди шайх Ҷом маъруф ба Зиндапил) ва аз молиёти девонӣ маоф аст» [5, 468-469].

Ибни Баттута аз шаҳри Тус чун яке аз бузургтарин марокизи Хуросон ёд мекунад ва аз ин бештар иттилое намедиҳад [5, 469]. Рочеш ба шаҳри Машҳад низ ахбори кӯтоҳе дорад: «...шаҳри бузург ва пурчамъият аст ва меваҳо ва обҳо ва осибҳои зиёде дорад». Аммо

итилои $\bar{u}$ роҷеъ ба тавсифи куббаҳо, сақф, деворҳои кошкоришудаи мақбараи имом Ризои Машҳад ва гилемҳои фаршшуда дар он чолиб аст. Дигар хабаре, ки дар «Сафарнома»-и Ибни Баттута дар Машҳад аз мулоқоташ бо тоҳир Муҳаммадшоҳ муҳим ба назар мерасад, ин тавзеҳи унвони «тоҳир» дар ин шаҳр аст: «Унвони «тоҳир», -тавзеҳи медиҳад $\bar{u}$, -ба истилоҳи мардуми он ҷо ҳамон аст, ки дар Мисру Шом ва Ироқ «нақиб» ва дар Синду Ҳинд ва Туркистон «саид аҷал» мегӯянд» [5, 470].

Бояд зикр кард, ки унвони нақиб дар Мовароуннаҳри асрҳои миёна баъд аз шайхулислом аз мақомҳои баланд дар силсилаи маротиби табакоти рӯҳонии ҳукуматгар махсуб шуда, меросӣ ва ба табақаи сайидҳо мансуб буд [6, 148]. Онҳо дар лашкаркашиҳои хонҳои Мовароуннаҳр ҳамеша ширкат менамуданд. Дар вақти набудани ҳокими кишвар нақибҳо бахсу муноқишаҳои байни низомииёнро баррасӣ мекарданд ва ҳуқуқи онҳо нисбат ба қозии ҳарбӣ бештар буд [7, 190].

Роҷеъ ба шаҳрҳои Сарахсу Зова (Турбати Ҳайдария), ки гузораш ба ин ҷойҳо низ будааст, Ибни Баттута чизе намегӯяд ва танҳо аз шайх Лукмони Сарахсӣ ва силсилаи ҳайдария, ки аз ҷараёнҳои сӯфия буда, ба шайх Ҳайдар дар шаҳри Зова мансуб аст, зикре мекунад.

Нишопурро ба зебӣ Ибни Баттута Димишқи кучак ном мебарад ва тавсифи меваҳо, боғҳо ва обҳои фаровони онро менамояд: «Чаҳор наҳр дар ин шаҳр ҷорист ва бозорҳои хубу васеъ ва масҷиди бисёр зебодорад, ки дар васати бозор воқеъ аст, бо чаҳор мадраса дар канори он, ки оби фаровоне дар онҳо ҷорист» [5, 471]. Муаллифи «Сафарнома» инчунин аз бофта шудани порчаҳои ҳариру кимҳо дар Нишопур, ки ба Ҳиндустон мебаранд, менависад [5, 471].

Баъд аз Нишопур Ибни Баттута воридаи Бастом шуда, дар зовияи мазори Боязиди Бастомӣ манзил мекунад. Аммо аз ин шаҳр ахборе ба ҷуз ин ки мазори орифи шаҳир Боязиди Бастомӣ бо қабри яке аз авлоди имом Ҷаъфари Содик зери як кубба аст ва мақбараи шайх Абулҳасани Харақонӣ дар ин ҷост, чизе бештар намегӯяд [5, 472].

Масри баъдии Ибни Баттута аз Бастом аз тариқи Ҳиндукуш ба Кундузу Бағлон будааст. Ин сайёҳ аз шаҳри Бағлон ҳарфе намезанад, вале роҷеъ ба Кундуз ахбори чолиб дорад. Бино ба хабари Ибни Баттута ин замон ҳокими Кундуз амир Бурунтия аз аҳли Мавсил буд ва дар боғи бузурге манзил дошт, ки аз Ибни Баттута ва ҳамроҳонаш дар он ҷо пазирой кард.

Ибни Баттута худуди чихил рӯз дар хориҷи шаҳри Кундуз барои чаронидани шутурон ва асбони худ таваққуф кард, зеро ин маҳал чарогоҳҳои хуб ва алафи фаровон дошт ва бисёр амн буд. Амнияти ин мантақаро Ибни Баттута марҳуми аҳкоми шадида медонад, ки аз ҷониби ҳокими Кундуз муқаррар шуда буд. «Агар касе аспе бидуздад,

менависад Ибни Баттута, - бояд он аспро ба изофаи нух раъс аспи дигар, ки назири он бошад, пас бидихад ва агар надошт фарзандони ўро мебаранд ва агар авлод ҳам надошт, мисли гўсфанд сарашро мебуранд. Аз баракати ин қонун мардум исми худро ба рони чорпо доғ мекунанд ва ўро бе он ки ба шубон ниёз афтад, ба ҳоли худ мегузоранд. Мо низ чунин кардем» [5, 472].

Сабаби дигари бештар иқомат гузидан дар Кундузро Ибни Баттута тарс аз барфҳои кўҳи Ҳиндукуш гуфтааст. Вачҳи тасмияи вожаи «ҳиндукуш»-ро Ибни Баттута аз ин қарор тавсир мекунад: «Чун бардагон ва канизаконе, ки аз Ҳинд меоварданд, аглаб аз шиддати сармо ва яхбандон дар ин кўҳҳо талаф мешаванд, номи онро Ҳиндукуш ниҳоданд» [5, 473].

Баъди убури Ҳиндукуш Ибни Баттута ва ҳамроҳонаш ба Панҷшери имрӯзӣ мерасанд, ки онро Панҷхер ном мебаранд. Дар нақшаи чуғрофиёи «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ низ ин мавзёе бо номи Панҷхер зикр шудааст [8]. Ибни Баттута роҷеъ ба Панҷхер менависад: «Дар он чоҳо шаҳри қашангу ободоне дидем, ки рӯи наҳри бузурги кабудине, ки чун дарёе аз кўҳистони Бадахш фуру мерезад, бино шудааст. Ёкути маъруфи Бадахш аз ҳамин кўҳистон ба даст меояд. Ин шаҳрхоро Чингизи малъун, подшохи тоторҳо хароб карда ва аз он пас рӯи ободонӣ надидаанд» [5, 473].

Роҷеъ ба вачҳи тасмияи вожаи «панҷхер» низ назари муҳим дорад: «Ҳер» ба маънии кўҳ аст ва Панҷхер, яъне Панҷкўҳ» [5, 473]. Бояд гуфт, ки дар моҳияти амр «хер» вожаи санскрит буда, маънии «кўҳ»-ро дорад.

Сафари Ибни Баттута аз шаҳрҳои Хуросон аз тариқи Парвону Чарх идома меёбад. Аз Парвон зикре дар «Сафарнома» нарасидааст, вале Чархро қарияи бузург зикр намуда, на шаҳр, ки ҳокими он Муҳаммади Чархӣ онхоро меҳмондор будааст: «Аз он чо (Парвон) ба Чарх рафтем, ки қарияи бузургест ва боғҳои зиёд ва меваҳои хуб дорад» [5, 474].

Ибни Баттута аз Ғазнин чун шаҳри бузург ва пойтахти Маҳмуди Ғазнавӣ, ки борҳо аз ин чо ба Ҳинд лашкар кашида, шаҳрҳо ва қалъахоро кушудааст, ёд мекунад. Аммо дар замони вуруди Ибни Баттута ба ин шаҳр бештари он ба вайронӣ афтада ва танҳо бахши хурде аз он обод будааст. «Ҳавои Ғазна, -менависад Баттута, - бисёр сард аст ва саканаи он зимистонҳо ба Қандаҳор мераванд» [5, 474].

Охири шаҳри Хуросон, ки Ибни Баттута аз он дидан карда ва баъдан аз масири ин шаҳр вориди марзи Ҳин мешавад, Кобул аст. Шаҳри Кобул, ки аз он Фирдавӣ борҳо дар «Шоҳнома» тавсифашро намуда, гоҳе онро Кобулистон низ зикр карда ва дар гузаштаҳо шаҳри бузурге будааст, Ибни Баттута менависад, ки «акнун қарияе аз он боқӣ

монда аст». Ин замоне буд, ки паштунҳо (афгонҳо) аз мавзеъҳои сукунати худ дар силсилакӯҳҳои Сулаймон воридаи шаҳрҳои мисли Кобул шуданд ва дар зимн Ибни Баттута менависад: «Тоифае аз Ачам, ки афгон номида мешаванд, дар он (Кобул) сукунат гузидаанд. Афғонон кӯҳистонҳо ва гарданаҳои мустаҳкаме (дар кӯҳҳои Сулаймон) дар ихтиёрдоранд. Мардуми бисёр кавӣ ҳастанд ва бештар ба роҳзани мепардозанд» [5, 475].

12 сентябри 1333 Ибни Баттута ва ҳамроҳонаш аз хоки Хуросон воридаи Панҷоб мешаванд, ки тавсифи иқомати ин сайёҳи мағрибӣ дар Ҳинд, ки ҳафт сол ба дарозо кашид, гузориши вижаеро тақозо мекунад.

Пажӯҳандагон ва аҳли таҳқиқ, ки ба дунболи ҷустуҷӯӣ ва огоҳии бештаре ҳастанд, бидуни шакк ахбори «Сафарнома»-и Ибни Баттутаро пиромуни шаҳрҳои Мовароуннаҳру Хуросон судманд хоҳанд ёфт ва аз онҳо ба масобеи калиди ниҳонхонаи асрори таърихи шаҳрҳои тоҷикон дар густурдаи Хуросони Бузург истифода хоҳанд кард.

Адабиёт:

1. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 19-192.

2. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 23-102.

3. Захируддин Мухаммад Бобуршоҳ. Бобурнома мавсум ба «Тузуки Бобурӣ». Бомбай, 1308. -246 с.

4. Захириддин Мухаммад Бабур. Бабур-наме. Записки Бабура. Перевод М.Салье. Ташкент, 1958. -528 с.

5. Ибни Баттута. Сафарнома. Ҷилди аввал. Тарҷумаи Мухаммадали Муваҳҳид. Чопи шашум. Техрон. 1376. -639 с.

6. Камол Х. История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчака в Мавераннахр и Хорасан (XVI в.). Душанбе: Дониш, 2012. -408 с.

7. Ханьков. Описание Бухарского ханства. СПб, 1843.

8. Ҳусайн Шаҳидии Мозандаронӣ. Нақшаи ҷуғрофиёии «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ. Техрон, 1371.

9. The Encyclopaedia Metropolitana: Or Universal Dictionary of Knowledge, Volume 23, edited by Edward Smedley, Hugh James Rose, Henry John Rose, 1923. P. 260.

Лариса Додхудоева
д.и.н., заведующая отделом этнологии и антропологии
Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониш

ТРАДИЦИИ ДИЗАЙНА ЗАРАФШАНА: ИХ АНАЛОГИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ПАМЯТНИКАХ НАРОДНОГО ИСКУССТВА

*Именно фольклор донес до нас смутные, но
все же явственные следы, не отраженных другими
источниками обычаев неизмеримо далекого прошлого.*

О.А. Сухарева

Исторически территория Зарафшана является крупнейшей областью среднеазиатского междуречья, где сформировался своеобразный культурный феномен, обладающий характерными, исключительно для него, традициями дизайна. Важно и то, что орнамент региона и, в частности древнего Пенджикента, по мысли В.Л. Ворониной, составлял бесспорно самостоятельную и яркую ветвь локальной школы и являлся созданием не пришлых, а местных мастеров, что доказывают одинаково высокие художественные достоинства скульптуры, живописи и архитектурного орнамента.¹

При всей вариативности художественного стиля Зарафшанского Согда, присущих ему техники исполнения, иконографии, способов моделировки, его традиции на протяжении столетий остаются приоритетными в формате народного искусства региона. Нередко какая-нибудь современная форма, композиция, прием находят свои прототипы в достаточно древних образах дизайна Зарафшана.

Аналогии и интерпретация архетипов в памятниках региона многочисленны, хотя и представлены порой неравномерно или же частично. Это явление уже замечено рядом исследователей, на что будет указано ниже. Весьма показательны в этом смысле несколько исторически разновременных примеров, которые были зафиксированы нами в процессе полевых исследований в Зарафшане в 2014, 2019 гг.

Целью данной статьи, посвященной универсальным символам – архетипам Зарафшана и их интерпретации, является попытка реконструировать преемственность тех или иных традиций дизайна в современных памятниках. Исследования показывают, что архетипы до настоящего времени продолжают жить и использоваться в коллективной памяти нынешнего поколения мастеров Зарафшана. Вместе с тем происходят и определенные изменения при использовании типовых моделей.

В различных этнографических исследованиях упоминаются определенные ритуалы, связанные с огнем внутри жилищного пространства Верховьев Зарафшана. В ходе археологических работ в Саразме были открыты два типа очагов: хозяйственные и ритуальные (культовые). Для кухонных и обогревательных очагов использовались камни, которые обрамляли собой ямку с камнями в центре помещения. Обогревательные очаги имели облик *сандали* в виде конструкции квадратной формы, вкопанной в пол, который до сих пор используется в Афганистане, Турции, Иране.

Кухонные очаги были в основном пристенными с полукруглым ограждением, некоторые из них располагались во дворах. Аналогичные конструкции с выемкой для казана сохранились в современных среднеазиатских домах. Культовые очаги представляли собой конструкции круглой и прямоугольной формы.²

Очаги Саразма, несомненно, послужили прототипами для их современных копий в Центральной Азии, в том числе Зарафшане, которые сохранились в отдельных домах, несмотря на то, что в настоящее время помещения здесь отапливаются электрическими обогревателями, а во многих домах готовят пищу, как на традиционных очагах, так и на электроплитах.

По мнению Д. Назилова, очаг на самой ранней стадии развития жилища был универсальным по функции. Он служил одновременно, как средство обогрева помещения, так местом приготовления пищи. В начале I тысячелетия до н.э. комнаты еще отапливались «по-черному», т.е. на полу жилища разводился костер. Позже начинают устраиваться ульевидные очаги в стенах или в полу. В раннее средневековье намечается отделение очага от «чистой», жилой части помещения специальной оградой перед суфой. С XII в. очаг начинают ставить на специальное возвышение. Позднее появляется очаг с дымоходом в стене.

Если в XI в. бытует как средство обогрева только переносной очаг-мангал, то в источниках XV в. сообщается об использовании *сандали*, который вплоть до XX в. включительно станет традиционным средством обогрева. В новое время завершается функциональная дифференциация очагов. Отдельно используются очаг для выпечки хлеба *тонур*, *танур*, очаг для обогрева *сандали*, очаг для приготовления горячей пищи *оштон*.³

В Вору также очаг отождествлялся с жилищем, а его отопление изначально носило реликтовый характер, в чем нашло отражение широко известное положение из текста Авесты, убеждение в том, что желания человека, носящего дрова к огню, обязательно исполняются. Очаг служил и местом проведения обрядово-поминальных действий в

семейных, общественных трапезах, а также некоторых знахарских обрядов при заболевании членов семьи, что связано с сохранением доисламских обрядов и верований, связанных с культом огня.

Известный исследователь И.И. Зарубин писал, что внешним отличительным признаком верхнезарафшанского жилища является небольшая труба: равнинные жилища ее не имеют вовсе, памирские жилища вместо трубы снабжены для отвода дыма квадратными отверстиями посредине крыши.⁴ И ныне особым реликтом выступают в деха Вору рукотворные глиняные дымоходы *мӯрӣ*, которые поднимаются над крышами некоторых домов. Это своеобразной конструкции вытяжной колпак над очагом, выходящий на крышу в виде трубы.⁵

Своеобразной конструкции дымоходное отверстие имеет форму усеченного конуса, суживающегося кверху с боковыми отверстиями *рӯча* для выхода дыма. Его конструктивное устройство различно в каждом доме. Иногда его задней и боковыми стенками служат стены самого помещения, а передняя образуется специальной перегородкой на столбах, спускающейся от потолка и доходящей до половины высоты помещения. В другом случае он представляет собой специальный огромный навес над очагом, суживающийся кверху и переходящий в трубу-дымоход *мӯрӣ*, дымарь (*мӯр*, *мӯрин*), и в виде трубы заканчивающийся снаружи и возвышающийся над крышей. В некоторых домах пазухи, образованные по бокам верхней части колпака, используются как ниши для утвари и различных хозяйственных предметов (*мӯрин*).⁶

Сведения русских путешественников и ученых, особенности фиксации ими полевых находок при изучении Центральной Азии в конце XIX-начале XXв., не всегда адекватно и с предельной точностью отражают те или иные моменты зафиксированных ими особенностей явлений или же событий. В силу этих причин порой происходила недооценка или игнорирование значимости отдельных объектов прошлого в публикациях тех или иных авторов.

Это касается и функционирования очага внутри жилища Верхнего Зарафшана, которое, например, В.В. Дынин в начале XXв. описал достаточно негативно из-за большого количества дыма, исходящего от очага и заполнявшего жилое помещение.⁷ Между тем, хорошо известно, что в Ригведе большое место в космологии занимает образ мирового жара *tapasa-tapas*.

Сила тепла, жара, мучения в древнеиндийской мифологии нередко рассматривается как универсальный космогонический принцип, поскольку силой магического жара *tapasa* рождается в первозданных водах золотой зародыш, закон, истина, ночь, океан. *Tapas* в Ведах связан с солнцем и

огнем, из него идет дым. Как средоточие творческой энергии он лежит в основе мироздания и религиозного поведения – умерщвления плоти, аскезы.

Представление о жаре, как магико-религиозной силе, является очень древним мистическим опытом, характерным для большого числа первобытных традиций. Возможно, такой жар, отождествляемый также и с вызывавшим его трансом, могли понимать под *танасом* и индоарии. Ограниченность пространства усиливала одурманивающее воздействие пара и дыма. Нередко в костер добавляли растительные наполнители, дающие наркотический эффект и приводящие в транс, что, по мнению известного антрополога М. Элиаде, есть «чудесная сила и власть, которые означают знание состояния экстаза или, на других культурных условиях, доступ к состоянию совершенной духовной свободы».

В этом смысле значимость инициационных ритуалов в традиционной культуре трудно переоценить. Помимо структурирования социальной жизни коллектива путем расчленения ее на определенные сакральные промежутки и придания ей соответствующего вектора движения от обыденного к священному и наоборот, посвящение, как и любой ритуал, способствует объединению общества и его возвращению во времена начала.⁸

Известный этнограф А. Давыдов детально описал изготовление домашних очагов-печей для приготовления пищи в Верховьях Зарафшана, процесс обработки глины и формирование конструкций. Для создания куполовидной колодки - формы для очага-печи *кундаи оштон* в разных частях региона служили различные приёмы. При этом остроумный вариант был изобретен в деха Вору. Здесь возвышение в виде купола складывалось не из камня, а из кусков кизяка, поверх которого еще наносился слой из хорошей глины (20-25см). Затем кизяк поджигали, чтобы быстрее происходил процесс подсыхания и образовывался *кундаи оштон*. Для формовки внутреннего пространства очага из приготовленного раствора очажной глины делают плоские куски *мафтил радиф* (толщина 2-3-см), которыми выкладывают внутри стенки *кундаи оштона*, а затем их прибивают. Сам процесс носит название *сангкӯб*.⁹

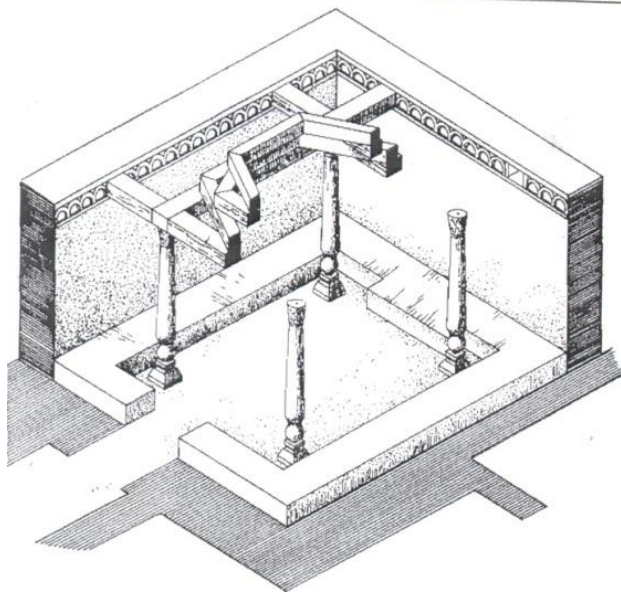

По утверждению В.Л. Ворониной, для развития в орнаменте какого-либо мотива важны два основных фактора. Во-первых, такой мотив должен иметь свой оригинал в хозяйстве данного народа или окружающей природе; во-вторых, этот мотив должен обладать декоративными качествами и широкими композиционными возможностями.¹⁰ В этом смысле весьма показателен пример функционального, конструктивного и декоративного оформления фриза в помещениях различного назначения Зарафшана на протяжении длительного исторического времени.

Обратимся к конструктивной системе парадных помещений в Пенджикенте (У-У111 вв.). Широко известно, что убранство залов в этом раннесредневековом городе не ограничивалось живописью: по верху стен, видимо, размещались деревянные кариатиды, под потолком шел резной фриз с изображениями богов в декоративных арках, а сам потолок состоял из балок и досок, также украшенных резьбой.

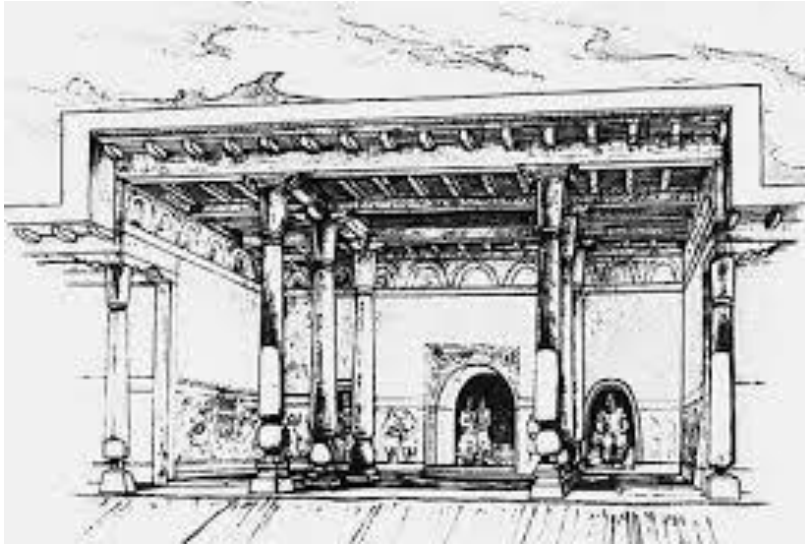
При распределении сюжетной живописи на долю орнамента выпадала роль ограничивать в форме лент снизу и сверху живописное поле, изредка расчленять его по высоте, обрамлять ниши. Этим целям служили живописные бордюры различной ширины и рисунка (3-4 до 20-25 см). Более широкие горизонтальные орнаментальные полосы правильнее назвать панелями (если они расположены у пола) или фризами (если они завершают живописное поле). Рисунок бордюров был многообразен. Некоторые комбинированы из двух или даже трех полос-основного мотива и узкой каймы.¹¹

В данном случае из всех составляющих данной системы наиболее интересным остается фриз и традиции его оформления, которые до настоящего времени сохранились в художественной резьбе по дереву в современных помещениях и вышивке Зарафшана. Эти параллели в свое время были отмечены Г.Л.Чепелевской, Л.В. Ворониной, С.Г. Хмельницким, П.Б. Лурье, Ю.Я.Якубовым.¹²

Пенджикент. Парадный зал с фризом (по С.Г. Хмельницкому)

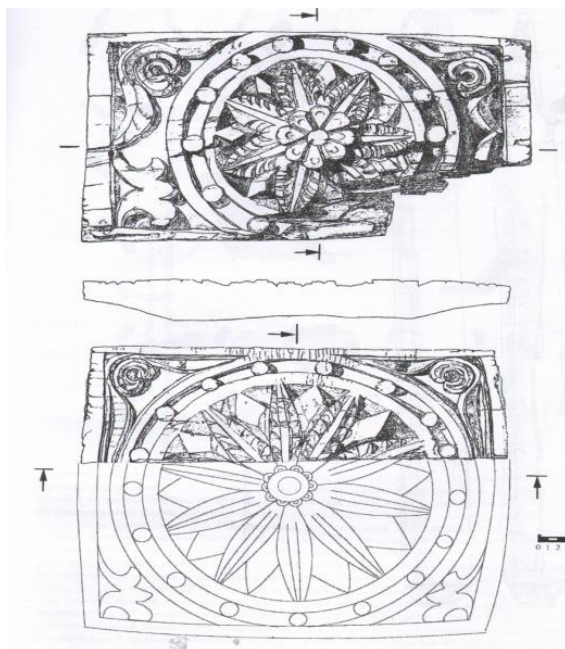
По утверждению С.Г. Хмельницкого, мотив декоративной аркады под потолком зала имел, несомненно, реальные архитектурные прототипы. Он был распространенной традиционной составляющей деревянных фризоз, располагавшихся под потолком приемных залов в богатых жилищах и замках доисламского времени У-III вв. (Пенджикент, Шахристан, Гардани Хисор в Таджикистане, Куйрук-тобе (Казахстан), построенный, вероятно согдийцами, деревянное резное панно из Ашта 1X-X вв. Вслед за Г.Л. Чепелевской С.Г. Хмельницкий указал, что этот прием дошел до наших дней в народной архитектуре Таджикистана и Узбекистана - с заменой резных деревянных фризоз их вышитыми имитациями *зардевор(и)* (тадж.), *дорпеч* (узб.), но с сохранением места под потолком и мотива аркады.¹³

Храм в Пенджикенте (по В.Л. Ворониной)

В свою очередь В.Л. Воронина также подчеркивала, что мотив аркады прочно вошел в качестве декоративного сюжета при украшении, с одной стороны, таких произведений прикладного искусства, как ларцы, шкатулки, оссуарии, серебряные сосуды и блюда, вышивки современного народного искусства таджиков и узбеков, а с другой, - архитектурных деталей: панелей (резной стук Термезского дворца), фриз (оббурдонский и шахристанский деревянные фризы, доска из Ашта, которая, несомненно, была первоначально фризом), и даже - колонн (оббурдонская). Она также отметила большое сходство общего вида колонн древнего Пенджикента, т. е. согдийских, и колонн в народном творчестве Северного Таджикистана XIX-XX вв., которое особенно сказывается в формах основания - "кувшинчика" (так называемого *кузаги*). Переход от стены к покрытию отмечался резным деревянным фризом, которым оформлялись, по-видимому, также границы средней приподнятой части потолка.¹⁴

В середине XIX – начале XX вв. в городских интерьерах, в том числе в Пенджикенте, по-прежнему придавали важное значение резьбе фриза между стеной и потолком, который получил название *аракй* (*араки сарав, кавси (каузи) фурумон*).¹⁵ Отдельные исследователи полагают, что их прототипами могли послужить резные деревянные фризы, которые украшали раннесредневековые культовые помещения, например, в цитадели Хисорака У11-У111 вв.¹⁶

***Городище Хисорак. Резное дерево. У11-У1116в.
Рисунок А.Ю. Фрунзы, реконструкция П.Б. Лурье.***

В Пенджикенте и других районах Зарафшана до настоящего времени сохраняются средневековые традиции украшения интерьера. Объектом его особого декоративного решения остается фриз, проходящий по периметру всего помещения между стеной и потолком. При этом не наблюдается копирование декора.

Примерами подобного решения стенного пространства могут служить в Шурнова дом Бегали Негматова(усто Абдуджалол, усто Абдухолик и усто Косим,1976-1980гг.), дом А. Рахимова(усто Абдуджанги Эркаев, 1985г.), дом Мухаммад-наби Алиева в деха Шурча, дом Абдуикрома Умарова в деха Вору(усто Бобораджаб Малаев из Маргидара, 80-е гг. XXв.) Все интерьеры народных жилищ Зарафшана оформлены в последней четверти XXв., и в каждом случае традиции деревянной резьбы были интерпретированы мастерами *дуредгарами*, *кандакорами* различно.

Дом Бегали Негматова в селении Шурнова. 1976-1980гг.

Согласно В.Л. Ворониной, традиционно средневековый фриз или прогон в полном варианте расчленялся по высоте на три части. Венчающей частью всегда являлась полоса рельефной ромбической резьбы, под которой расположен пояс пальметт, а нижняя часть представляла собой более широкий орнаментальный пояс, где допускались более свободные вариации рисунка. Это трехчастное деление напоминает архитрав, фриз и карниз классического ордера. Но возможен был и упрощенный вариант, где нижняя часть выпадает, не исключен случай, когда ромбическая порезка выступала в качестве самостоятельной тяги, будучи выделена сверху и снизу гладкими полосами.¹⁷

В указанных современных образцах оформления фриза в XXв. мастерами чаще сохраняется лишь его трёхчастное деление, в то время как их декор составлен из совершенно различных мотивов. Лишь в доме Бегали Негматова в селении Шурнова использован рисунок арочного проема в верхней части. Под ним следует ряд розеток, а еще ниже – выпуклые полуцилиндры.

Таким образом, традиция оформления интерьера резным деревянным фризом продолжает оставаться главной во многих, в основном парадных помещениях Зарафшана. Однако их орнаментация в каждом отдельном случае интерпретируется мастерами совершенно свободно, согласно их фантазии, воображению и вкусу.

Современные полевые материалы свидетельствуют о сохранении сакрального значения фриза, придаваемого женщинами такому элементу декора комнат, как вышитая в форме фриза полоса *зардевор(и)*, в Зарафшане. Она может быть различной формы. В изделиях XXв. еще сохраняется мотив аркады, о чем свидетельствуют

изделия ручной и машинной вышивки этого периода. Среди других образцов зардевора Зарафшана можно выделить его машинный вариант 80-х гг. XXв. с единообразным узором в виде птиц у древа жизни в аркаде, выражающий идею парности (семьи).

Зардевор. Пенджикент, начало XXв.

В XXIв. произошли значительные изменения именно в типовой композиции фриза. В верховьях Зарафшана сохранили традицию украшения парадных комнат вышитыми фризами, но они совершенно произвольны по композиции. Наряду с традиционными декоративными мотивами в современных изделиях можно увидеть и круги в виде цветочных венков, надписи на таджикском языке (кириллица), различные зооморфные мотивы и другие элементы.

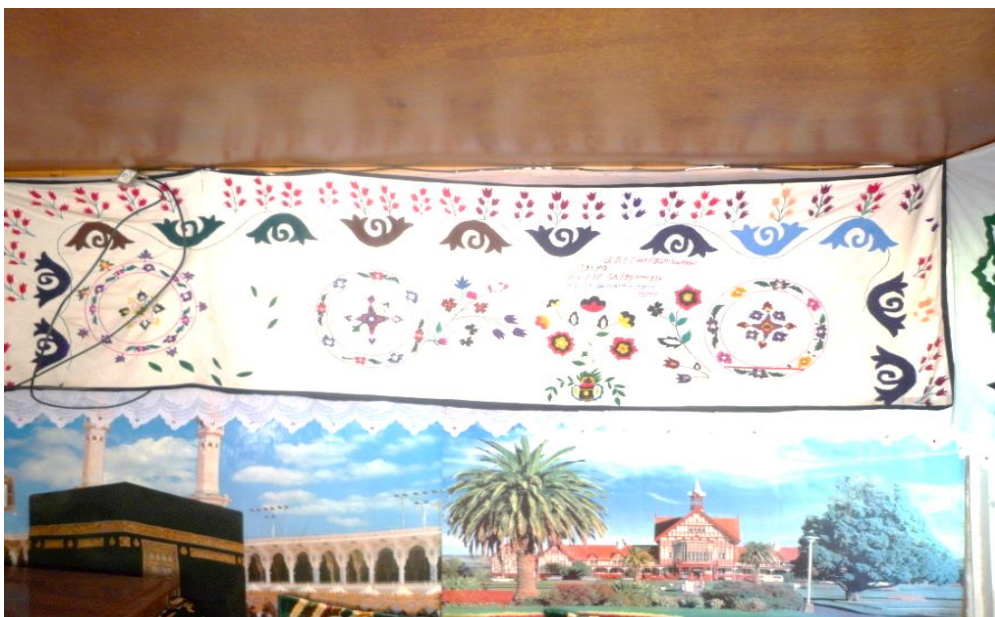
Образцы *зардевора* из деха Нофин, которые украшали спальную комнату для туристов гостевого дома, в 2014г. были развешены здесь бессистемно: на разных стенах, иногда поверх различных изображений, рядом с сузани. Одни фризы с трех сторон обрамлены типичной для вышитых изделий узкой простроченной полосой из хлопчатобумажного материала черного цвета. Нижний край двух из зардевора обвязан тесьмой с пайетками, бисером или украшен бахромой. На поле из красного сатина представлены кувшины, изображения кроликов (зайцев?), символы плодородия, а также растительные мотивы в виде цветов тюльпана *лола*, хлопка *пахта* и лотоса *нилуфар* на длинных стеблях, которые ритмично делили все прямоугольное пространство на равные части. В данном случае эти разделительные линии в виде стеблей выполняют назначение традиционных арок средневековых фризов. Они призваны ритмически делить пространство с единообразными изображениями на несколько частей. В центре одного из зардевора вышита надпись «15-и соли 1993 Мехробшо» («15-го 1993г.

Мехробшо»), что свидетельствует, возможно, о том, что создание данного изделия было приурочено к 15-летнему возрасту юноши.

Другое зардузи не имеет даты изготовления, но, по всей вероятности, оно выполнено также в 90-е гг. XXв. Композиция вышита на белой хлопчатобумажной ткани и обрамлена узкой полосой черного цвета, в нижней части к ней пришит бордюры из тюля фабричного производства. В комнате изделие располагается над банерами с изображением Мекки и других достопримечательностей. Композицию зардевори составляют три розетки - солярные диски в оправе из цветов и листьев. В центре этих кругов располагаются равноконечные кресты, традиционно олицетворяющие собой четыре стихии (*чор унсур*): землю, воду, воздух, огонь. Эти крестообразные фигуры представлены в виде четырехлепесткового цветка с орнаментальным растительным мотивом на концах. Ни одна из розеток не похожа на другую. Так, обрамление левого диска в виде гирлянды имеет еще и дополнительные цветочные элементы, а его центральный крест украшен изображениями коробочки мака *кукнора*, вышитого нитками желтого цвета. От этого диска в свободном порядке располагаются зеленые листья, как бы разлетающиеся в разные стороны.

Вторая и третья розетки близки по композиции и набору орнаментальных элементов, но несколько различаются по размеру и декору: третья крупнее второй и более насыщена цветочным рисунком. Между ними располагается ваза черного цвета с цветами, так называемое «ваза-растение», несколько напоминающая изображение Каабы, покрытой по традиции черным покрывалом *кисвой* с золотым орнаментом. Из второго диска произрастает стебель с различного рода цветами, у третьей розетки также расположен куст с цветами.

По верхней части композиции и по обеим ее сторонам проходит волнистая линия, напоминающая своим рисунком волну *мавдж*, которая отделяет основное поле от бордюра с изображением тюльпанов *лола* и орнамента с рогами горного барана *кушкорак*, *кучкорак*, *кучкорча*. Ритмично повторяющиеся элементы последнего мотива попеременно находятся в пределах основного поля и за границами волнистой линии в бордюре.

Зардевори. Деха Нофин. 90-е гг. XXв.

Зардевори украшен надписью, вышитой красными, синими и черными нитками. Этот своеобразный эпиграфический орнамент, возможно, составлен из имен членов семьи: Ильёс, Мардон, Билкиз, Зухро, Ахрор, Лаъл(?), Абдуникруз, Шосанам, Мурзо, Мурод(особенности правописания сохранены. Л.Д.) Надея зардевори деха Нофин именами собственными мастерица *чевар* в некотором роде отражает собственную индивидуальную самоидентификацию, не мысля себя вне принадлежности к определенному клану *авлуду*.

Различия в форме и орнаментации дисков, свободную компоновку ее элементов на поверхности вышитого изделия можно объяснить тем, что до начала работы весь комплекс, согласно традиции, не был представлен на ткани в виде эскиза художницы *каламкаш*. Вероятно, также, что это зардевори вышивали несколько мастериц, а потому здесь ясно прослеживаются различия в форме и красочном решении отдельных элементов. По всей вероятности, они испытывали и недостаток в материале для вышивания, поэтому как цветы, так и орнамент рогов выполнен нитками разного цвета.

Многочисленные изображения веток с пятью весенними тюльпанами в бордюре зардевори весьма показателен. Выразительный контур этого цветка с острыми или овальными формами лепестков, легко читаемый в профиль, всегда предоставляет мастерам богатый

материал для различных его интерпретаций. Благодаря своему «изрезанному» силуэту рисунок тюльпана придает динамизм изображению, даже если его изображение статично.¹⁸ Помимо этого розетки-диски в виде венков с крестом в центре и цветочными мотивами значительно оживляют композицию так же, как волнистые стебли.

Следует подчеркнуть, что помимо рисунка *кушкорака* и рисунка солнечных дисков в виде венков здесь отсутствуют орнаментальные мотивы, поскольку все остальные изображения старательно приближены *чевар* к натуралистическим формам своих прототипов. В волнистом рисунке стебля и ритмично повторяющемся округлом силуэте *кушкорока* еще можно уловить традиционное деление фриз на арки, что было присуще традиционному дизайнерскому решению средневековья. Именно в силу подобных особенностей этот зардевори можно отнести к новому тренду в таджикской вышивке, так называемому типу *зиндадузи* (живая, реальная вышивка), которая отличается натуралистичностью своих деталей. В такого рода изделиях мастерицы *гулдуз*, *кашидадуз* стремятся создать иллюзию реальности прототипов и образцов, переносимых ими на ткань, а не орнаментировать их.

Несмотря на прослеживаемую в данном изделии инновационность подхода к исполнению традиционного дизайна зардевори, все же следует заметить, что в нем сохранена символика отдельных элементов - диска, креста, тюльпана и рогов барана и других-, которые являлись одними из основных символов во многих классических памятниках.

Равноконечный крест *чархи фалак*, знак огня и солнца, спасения и милосердия, символ четырех стихий *чор унсур*, света, огня и бессмертия, служил защитой от дурного глаза. В свою очередь, круг-диск был олицетворением вечности и единства, рая и любви. Мотив волны *мавдуж* – обладал очистительной силой. В то же время S-образные линии- знаки, из которых состоит сам рисунок волны, могут быть рассмотрены, как символы изобилия и плодородия. Тема букета *гулдаста*, цветка *гул*, побега *банд*, *таноб*, куста *буттагул* связана с символикой дерева жизни и включает в себя представление о мировой оси, творении. Мотив «вазарастение» включал в себя культ сосуда, идею плодородия, источник жизни. Первородный лотос *нилуфар* являлся символом чистоты и непорочности, жизни и опоры Вселенной, роза означала красоту. Рисунок навершия круторогого барана *кушкорак*, *кучкорак*, *кучкорча* олицетворял связь с космосом и его поддержку.¹⁹

Широко известно, что мотив тюльпана *лола*, знака весеннего возрождения сил природы, молодости, начала весны и достижения цели, связан с доисламскими культовыми представлениями. Его изображение

встречается в росписях храма Пенджикента и не только в орнаменте, но и в сюжетной живописи отдельных помещений. В связи с этим А. Ю. Якубовский предположил, что наличие мотива тюльпана в храмах Пенджикента указывает на то, что здания были посвящены культу умирающих и воскресающих сил природы.²⁰ Древний праздник тюльпанов *сайри гули лола* был порожден стремлением народа обеспечить не только условия для общения юношей и девушек, но и плодородия в целом.²¹ В живописи Северного Таджикистана и поныне распространены мотивы граната и тюльпана, воплощающие в своем единстве те же идеи плодovitости, многодетности и богатства. Все варианты вышеуказанных орнаментальных мотивов широко распространены ныне и в резном дереве, ганче, ткачестве, ковроделии, вязании, керамике, металле.

Как заметила В.Л. Воронина, в раннем средневековье, а, возможно и раньше, существовала определенная традиция оформления фриза, но в его декоративной тематике существовали и некоторые отступления от основного варианта. В отдельных помещениях фигурировал каплевидный листок, зооморфный мотив, виноградная лоза, символы граната и тюльпана, своего рода атрибуты культа в Центральной Азии.²²

Зардевори из деха Нофин 90-х гг. XXв. свидетельствуют о том, что отступления от архетипов активно преобразуются и в настоящее время. В целом, различного типа изделия этого достаточно изолированного поселения – своеобразный пример коллективной памяти и современной ментальности конкретного локального общества, в котором в настоящее время подверглись изменениям основы традиционного дизайна Зарафшана согласно новому видению мастериц-вышивальщиц.

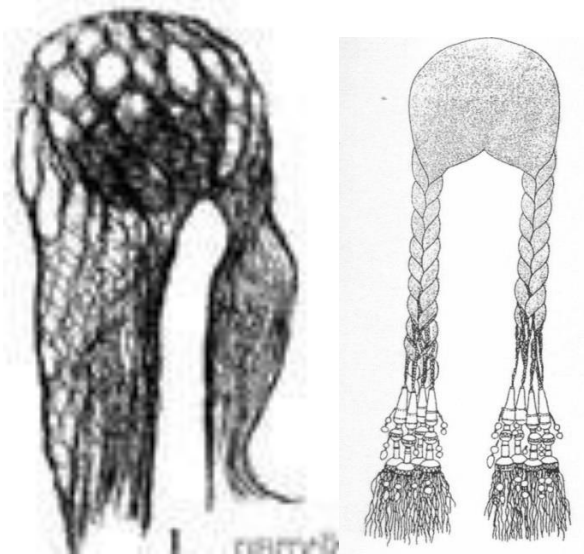
Некоторые современные мастерицы украшают свои вышитые фризы и большими розетками, символами вечного движения. Многие из них уже не имеют аркад. Размещенные у потолка и те, и другие образцы позволяют в некотором роде представить райские кущи на небесах.

Как видно из приведенного материала, реликты древнейших верований, лежавших в прошлом в основе магии, по-прежнему служат украшением жилища, а также оберегом, наделенным сакральной силой, призванной отвести действие разрушительных сил и сохранить благополучие в доме. В новом художественном характере подобных изделий в определенной мере сохранена их сакральная роль в деталях, которая ныне представляется уже посредством свободных по композиции вышивок с отголоском их традиционного ритуального значения. Ныне они уже выведены за пределы своего магического

предназначения, поскольку помещены в пространстве туристического бизнеса.

Народное искусство XXIв., основанное на традиционном дизайне, остается важным фактором сохранения многих смыслов и художественных решений культуры Зарафшана, а также конструирования современных уникальных образов. Это наблюдается и в области накосных украшений. Исследователи предполагают, что регион распространения ношения накосных украшений совпадает с территорией андроновских памятников, что позволяет считать их этнографической особенностью андроновских племен.²³

Весьма заманчиво проследить развитие накосных аксессуаров таджиков Зарафшана на примере кружевных льняных сеток для волос с кистями и разновидностями шнуров из замка Калаи Муг в Паргаре (У11-У111вв.). Их головная округлая часть была сплетена из крупных ячеек-ромбов, а накосники в виде двух узких полос - из мелкой сетки, украшенной на концах кистями. В замке также были найдены различного рода шнуры из скрученных вместе белой и черной нитей, свитых из крученых нитей белой овечьей шерсти.²⁴

1. Сетка для волос. Замок Калаи Муг в Паргаре. У11- 1 четверть У111вв.

2. Типовые накосные подвески (по Н. Сычевой)²⁵

Еще в XIXв. существовал особый тип убранства для кос, который полностью скрывал женские волосы. Он имел форму в виде узкого рукава с открытым низом, в который пропускались обе косы, или

длинной лопасти, опускающейся по спине сверху кос. В обоих случаях его украшали серебряные накладки и вышитые узоры, нередко кисти.

Кисти до сих пор широко распространены у таджиков и других народов Центральной Азии. Их делали и продолжают готовить из шелка и шерсти, украшать бисером, бусинами, металлическими пронизками, небольшими амулетницами *туморами*, монетами, бубенчиками и т.п.

У таджиков, как и у других народов Центральной Азии, накосные украшения были многочисленны и разнообразны. Повышенное внимание к этому типу ювелирных изделий объясняется как эстетическими соображениями, так и магией волос, глубокая вера в которую сохранялась вплоть до недавнего времени. Накосники маркировали половую дифференциацию и социально-возрастную статус, являлись мощной символической защитой и, согласно принципам имитативной магии, усиливали плодovitость женщины.²⁶ Двукосье до настоящего времени остаётся элементом костюма замужней женщины.

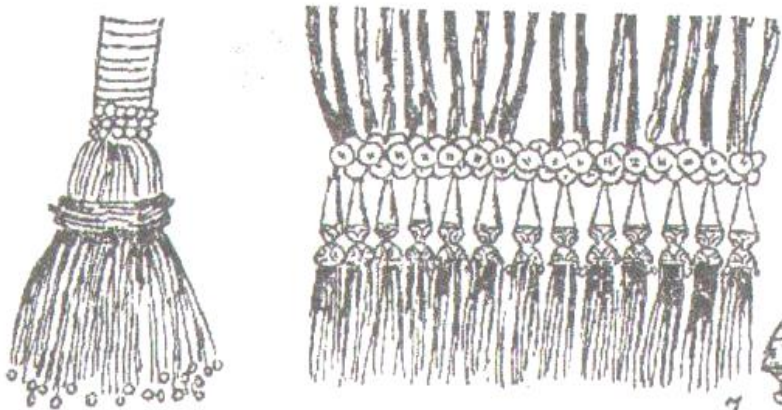
Древнее искусство плетения тесьмы и кистей *джихакбоф* и *бандакбоф*, создание элементов накосных украшений *чочпопуки*, *кокулсози*, *пунаксози* или *джамолаксози* по-прежнему являются весьма востребованными видами ремесла в Зарафшане. Среди них самыми излюбленными видами остаются те, что вплетались в косы вместе с черными шелковыми, или хлопчатобумажными, иногда шерстяными шнурами, оканчивающимися длинными кистями на концах. Другого типа изделия состоят из пришитых к горизонтальной планке черных шелковых ниток с кистями на концах. Их закрепляют на косах или посредством пуговиц на мелко сплетенных косичках *майдабофи*.²⁷

Кисти *пунаки* украшены различного рода серебряными *нукранупак* или позолоченными *тиллопупак* фигурными бусинами и куполообразными колпачками с кораллами и бирюзой, подвесками, отделанными штампом, чернью, гравировкой, филигранью. Каждый элемент украшения был семантически насыщенным: предохранял от воздействия разрушительных сил, способствовал плодovitости. По композиционному принципу все кисти можно разделить на три вида: горизонтальные, вертикальные и веерообразно расходящиеся кисти.²⁸

Прежде девочки с 4-х-летнего возраста по достижению совершеннолетия вплетали в волосы кисти *пунаки*, количество которых в праздники достигало 40-50-ти образцов. Новобрачная же обязана была носить *джамолак* в течение одного года, а во время работы и сна его снимать. Современные мастерицы из Пенджикента Онабиби

Рахимова и Мухаббат Гоибназарова из деха Кухдаман с детства занимаются изготовлением накольников *кокул, джамолак*.

На протяжении длительного исторического времени типологические основы традиционного дизайна Зарафшана не служили препятствием для развития художественного многообразия, напротив- они всегда оставались основой формирования последующих стилей орнаментального искусства этой локальной школы. На основе согдийской традиции в современных произведениях различного рода ремесел Зарафшанской долины продолжается интерпретация ее основ с акцентом на самобытность, своеобразие техники исполнения, цветового решения.

***Накосные украшения джамолак и нукраи пунак.
Верхний Зарафшан (по Л.А. Чвырь, З.Х Умаровой)***

Народное искусство не ставит перед собой задачу передать исторически точные данные. В каждом его изделии, порой не четко, но явно ощущаются древние символы даже в тех случаях, когда в них прослеживается некое реалистическое начало, порой приводящее к определенной утрате изначального смысла традиционных элементов. Со временем иносказание и новая трактовка извечных образов способствуют переходу культовых символов в более привычные, повседневные образы. Свободные от традиционной ритуальной функции они продолжают жить в новых формах и по-прежнему воплощать в себе созидательный дух природы. По мысли В.Л. Ворониной, сохранение архетипов в современном ремесле бесспорно не случайное, но закономерное явление. Утрата промежуточных памятников не позволяет проследить непрерывное развитие древней

орнаментальной традиции, но отголоски ее и сейчас видны в народном искусстве таджиков.²⁹

Литература:

1. Воронина В.Л. Архитектурные памятники древнего Пенджикента. // Материалы и исследования по археологии СССР. №124. - Москва-Ленинград, 1964. -С. 126.
2. Разоков Ф.А. Ук.соч. -С. 115, 116.
3. Назилов Д. Мастера школ горного зодчества. -Ташкент, 2001.-С.36.
4. Зарубин И.И. Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 года. // Известия Академии наук СССР. - VI серия, т. 21, вып. 3. 1927. –С.352.
5. Давыдов А. С. Жилище. // Материальная культура таджиков Верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973. -С. 58.
6. Подробно об очагах и печах Верхнего Зарафшана см. Давыдов А. Жилище.-С.31-49; Назилов Д. Ук.соч.-С.36.
7. Дынин В.В. Очерки быта горцев верховьев Зеравшана. // Известия Туркестанского отдела РГО. Т.IX .Вып. 1 -Ташкент, 1914. - С. 43.
8. *Подробно см.* Запороженко А.В., Луговой К.В. Индоиранские инициационные ритуалы и их отражение в осетинском нартовском эпосе. //Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. /Ред. П.К. Дашковский. – Вып. III. – Барнаул, 2009. – С. 78-97.
9. Давыдов А. Жилище. - С. 46.
10. Воронина В.Л. Архитектурные памятники.....-С. 126.
11. Беленицкий А.М., Бентович И.Б. Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. - Москва, 1973.-С. 46; Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века).- Москва, 1976.- С. 75-89.
12. *См. например,* Чепелевская Г.Л. Сузани Узбекистана. - Ташкент, 1961. -С. 20, рис.9; Воронина В.Л. Ук.соч. 126; Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. - Берлин-Рига, 1992. -С. 35; Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии У-У111 вв.- Берлин-Рига, 2000. - С.52; Лурье П.Б., Ю.Я. Якубов. Резное дерево и штампованный штук из помещения цитадели Хисорака. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып.

- X111. Отчет о полевых работах экспедиции в 2010г./ ред. П.Б. Лурье. - Санкт-Петербург, 2011. -С.27-32.
13. Хмельницкий С. Между арабами и тюрками.... -С. 305; Хмельницкий С. Между кушанами и арабами.....-С.52.;Чепелевская Г.Л.....-С. 20, рис.9.
  14. Воронина В.Л. Архитектурные памятники ....- С. 126.
  15. Рузиев М. Декоративно-прикладное искусство таджиков. - Душанбе, 2003.-С. 145.
  16. *Подробнее см.* Лурье П.Б., Ю.Я. Якубов. Резное дерево и штампованный шук....-С. 30.
  17. Воронина В.Л. Архитектурные памятники ....- С. 124.
  18. Sumru Belger Krody. Tulips to Roses. Changing Trends in Ottoman Embroidery. //Oriental Carpets &Textile Studies. Y11.International Conference on Oriental Carpet. - Washington, 2011.-Р. 64.
  19. Народное искусство Таджикистана / Общ ред. А. Масов, ред. Д.Додхудоева. Авторы-составители: Р. Масов, Н. Юнусова, Л. Додхудоева. -Душанбе, 2011. - С. 19,20,32,33,49.
  20. Якубовский А.Ю. Древний Пянджикент. По следам древних культур. - Москва, 1951. -С. 255.
  21. *Подробнее см.* Пещерева Е.М. Праздник тюльпана (лола) в сел. Исфара, Кокандского уезда. //Сб. "В. В. Бартольд». - Ташкент, 1927; Сухарева О.А. Празднества цветов у равнинных таджиков (конец XIX- начало XXв.). // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. - Москва, 1980. -С.31-46.
  22. Воронина В.Л. Архитектурные памятники ....- С. 120.
  23. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). - Ташкент, 1991. -С.59; Позднякова О.А. Накосные украшения из андроновских могильников лесостепного Алтая. // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже столетий. Материалы XL1 Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. - Барнаул, 25-30 марта 2001г.-Барнаул, 2002.-С.252.
  24. Якубов Ю. Паргар в VII-VIII вв. н. э. (Верхний Зеравшан в эпоху раннего средневековья). —Душанбе, 1979. - С. 47.
  25. Сычева Н. Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана XIX-XXвв. из собрания Государственного музея искусства народов Востока. —М., 1984.-С.60-61.

26. Горожанкина Е. М. Традиционное ювелирное искусство народов Средней Азии и Казахстана. Автореф. канд. дис. искусствоведения. Аз. -С.12.
27. Чвырь Л.А. Таджикские ювелирные украшения. -Москва, 1977.
28. Горожанкина Е. М. Ук.соч.- С.16.
29. В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента (предварительное сообщение) //Труды Академии наук Таджикской ССР. т. XVII. - Сталинабад, 1953. -С. 24.

САРАЗМ – ОҒОЗИ ТАМАДДУНИ САНОАТИ ТОҶИКОН

Дар таърихи иқтисодӣ ва сиёсии ҷомеа, нақши бузургро дар ҳама давру замон канданиҳои ғойданок бозидаанд. Аз истифодаи онҳо тамоми фаъолияти истеҳсолии инсон вобаста аст, аз ҷумла шурӯъ аз сохтани асбобҳои сангин то истеҳсоли мошинҳои мураккаб.

Сарчашмаҳои хаттии таърихи Осиёи Марказӣ аз он шаҳодат медиҳанд, ки дониши геологӣ, рушди истихроҷи маъдан ва истеҳсолоти металлургӣ дар Саразм моҳияти калон дорад.

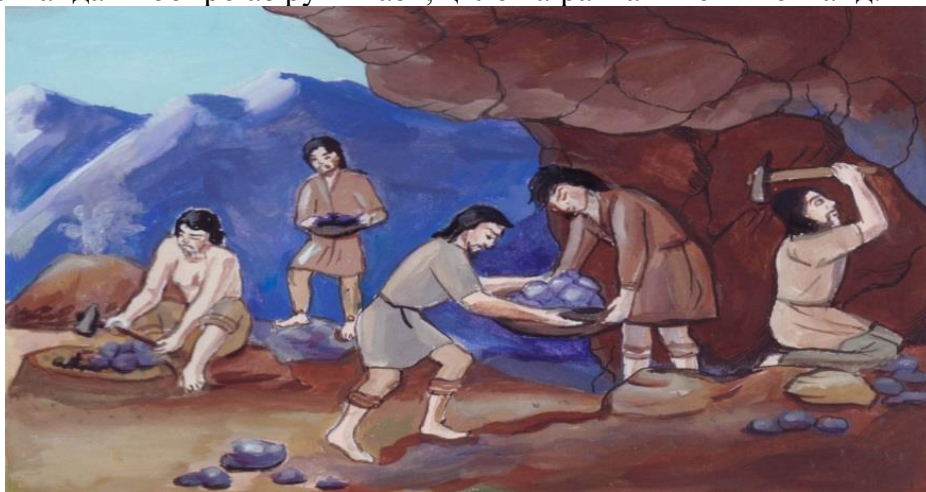
Сокинони шаҳраки Саразм дар ҳазорсолаи IV пеш аз мелод маъдангудозиро хеле хуб аз худ карда буданд. Далел он аст, ки дар Саразм бостоншиносон зиёда аз 300 намуди ашёҳои металлӣ ва зиёда аз даҳҳо намуди ҷавоҳироти аз нуқра ва тилло сохташударо пайдо карданд. Баъд аз гузаронидани таҳлилҳои химиявии олотҳои металлӣ маълум мегардид, ки ниёгони мо дар кӯраҳои сохташон мис ва маъданҳои ғойданокро мегудохтанд. Барои ба даст овардани олотҳои биринҷӣ маъдани қалъагӣ, мис, сурб, руҳ ва арсендорро аз конҳои водии Зарафшон оварда, мегудохтанд. Инчунин, ҳунармандони Саразм реҷи дарёи Зарафшонро обшӯй карда, аз он тилло ва нуқраро ба намуди концентрат ҷудо мекарданд, ки минбаъд онро дар хумдон мегудохтанд.

Тавре ки аз таҳқиқоти кӯҳкорӣ бостоншиносӣ маълум гаштааст, ягона системаи омӯзиши нақбҳои қадима дар Осиёи Миёна ин конҳои Карнаб, Лапас, Ҷангалӣ ва Мушистон будааст. Ҳамин тавр, бостоншиносон истихроҷи қалъагиро зиёда аз 3 ҳазор сол пеш аз мелод муайян кардаанд.

Танҳо дар Карнаб зиёда аз 100 нақбҳо пайдо кардаанд, ки дар 8 тояш таҳқиқоти археологӣ, гузаронида шудааст. Ҳангоми омӯзиши археологӣ-кӯҳӣ муайян карда шудааст, ки дарозии нақб то 40 метр расидааст. Вале дар қони Ҷангалӣ ва Лапас дарозии нақб то 10 метр расидааст.

Вобаста аз ҳолати мавҷудияти хобиши ҷисмҳои маъдан истихроҷ бо усули кушод ё зеризаминӣ гузаронида мешавад. Ниёгони мо дар ибтидо барои кандани маъдан болғаҳои сангӣ, биринҷӣ ва табартешаи дудамаро истифода мекарданд (расми 1). Ҷинси кӯҳие, ки душвор шикаста майда мешавад, дубора бо ёрии ўзак (костра) гарм кардашуда, баъдан бо ёрии об зуд сард мекарданд. Вақте ки нақбкано аз ҷисми маъдан маъданро қанда, ҳар чӣ қадар ба даруни танаи маъдан дохил

мешуданд, ҳамон қадар маъдани бойро бадаст меоварданд. Албатта онҳо маъдани бойро аз рӯйи вазн, чило ва рангаш мешинохтанд.

Расми 1. Коркарди канданиҳои фойданокӣ зеризаминӣ.

Дар замонҳои мавҷуд будани олотҳои кӯҳкориҳои маъданӣ (асри биринҷӣ ва оҳан) ҳамчун объектҳои истихроҷи зеризаминии қабатҳои дорои маъданҳои мис, қурғошим, сурб, киновар, тилло ва конҳои бисёрметаллӣ, оҳан ва ғайраҳо ба коркард фаро гирифта мешуданд.

Маълумотҳои аниқ имконият медиҳанд, ки шиносоии инсоният бо истихроҷи маъдан аз давраҳои қадим дар Осиёи Миёна аз минтақаи Қаромазор оғоз меёбад. Оғози коркарди канданиҳои фойданок дар минтақаи номбаршуда ба асри сангӣ тааллуқ дорад. Аз давраҳои палеолит то неолит аз ин ҷо сангҳои ҷақмоқ ва оҳаксангро то соҳили Акчасой тавассути Қизилолма, Гошсой ва Қарабо истихроҷ мекарданд.

Махсусан маъдани минтақаи каторкӯҳҳои байни Қизилолма ва Гошсой бо шиддат коркард шудааст. Дар ин минтақаи Гошсой коркарди маъдан бо усули рӯизаминӣ (карийерӣ) амалӣ шудааст. Ин корхоро анъанаҳои истихроҷи маъдан шуморидан мумкин аст, зеро ки ин аввалин роҳҳои истифодаи бойгарии табиат мебошад. Ҳамин тариқ, дар дигар минтақаҳо гузаронидани якумин корҳои кӯҳӣ, тавассути ҷамъ кардани қабати болоии ашё, кушодан, чуқур кандан, яъне бо усули коркарди рӯизаминӣ амалӣ мешуданд.

Чоҳҳои рӯизаминӣ, ба чуқуриҳо табдил меёфтанд, чоҳҳо дар конҳои сангин марҳилае буданд, ки гузаришро аз амалиёти истихроҷи миси худрӯй ва баъд ба маъданҳои мис оварда расонид (расми 2).

Бостоншиносони ватанӣ ва хориҷӣ аз Саразм якҷанд бозёфтҳои ороишии тиллоиро ёфтанд. Ин аз он гувоҳӣ медиҳад, ки ниёгони мо истихроҷи тиллоро хеле хуб медонистанд. Яке аз роҳҳои қадимтарини

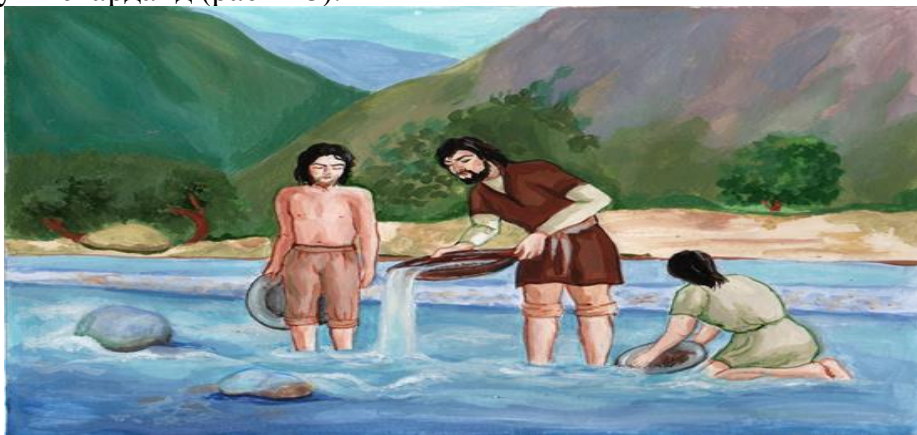
истеҳсоли тилло ин регшӯйкунӣ буд. Усули ҷудокунии тилло аз рег хеле одӣ буда, иҷрои он барои ҳар шахс имконпазир аст.

Расми 2. Коркарди маъдан бо усули дар аввал рӯизаминӣ баъдан зеризаминӣ

Сокинони Саразм зиёда аз 5500 сол пеш роҳи дастӣ шустанӣ тиллоро ба дараҷаи баланд медонистанд. Тахмин карда мешавад, ки онҳо барои аз рег ҷудо кардани зарачаҳои тилло моҳҳою солҳо ҳазорҳо тонна регии Зарафшонро обшӯй мекарданд. Дарёи Зарафшон аз сарғаҳи Мастчоҳи кӯҳӣ тиллоро бо худ афшонда то Бухоро мебарад. Тиллои калонзарра дар болооби Зарафшон мавҷуд буда, тунук-зарраҳош дар поёни дарё во меҳӯранд.

Гумон меравад, ки аҷдодони мо аз соҳили дарёи Зарафшон дар табақҳои сафолӣ ва ҷӯбӣ регии тиллодорро дар муқобили об истода обшӯй мекарданд (расми 3).

Расми 3. Шустанӣ регии тиллодор дар табақ

Дар ин сурат тилло ва дигар минералҳо, ки нисбат ба дигар чинҳои кӯҳӣ вазнин мебошанд дар таги табақ ба намуди концентрат чамъ мешаванд ва минбаъд онро ба гудохтан омода мекарданд. Гузашта аз ин ниёгонамон усули камхарчи самаранокро пайдо карданд, яъне аз пӯсти ҳайвон истифода карданд. Пӯсти ҳайвонотро якҷанд муддат дар зери соҳили дарёи Зарафшон мегузоштанд, баъдан онро аз зери об гирифта дар ҷойи офтобӣ хушк карда баъди хушк шудани пӯст онро тақон медоданд, ки аз он зарраҳои хурди тилло мерехтанд. Бо мақсади боз ҳам зиёдтар ба даст овардани тилло ва дигар минералҳои қиматбаҳо, онҳо ноаи заршӯйиро ихтироъ карданд. Ноаи заршӯйиро аз танаи ҷӯби дарахт сохтанд. Ноаро дар яке аз шохобҳои дарёи Зарафшон гузошта дар таги ноа пӯсти ҳайвонро гузошта, бо табақҳои сафолӣ ва ҷӯбиашон регҳоро аз зери соҳил гирифта сангҳои калонашро дур карда аз сари ноа мерехтанд (расми 4). Усули охири ба онҳо самарайи хуб дод.

Расми 4. Шустани регии тиллодор дар ноаи заршӯйӣ

Дар ҳудуди Тоҷикистон тилло ва нуқраро дар мавсими муайян истихроҷ мекарданд.

Дарёфти тилло дар Зарафшон, Вахш ва Панҷ дар давраи юнонӣ – бақтириёӣ (III-II аср пеш аз милод) бо маълумот ва дарёфти археологӣ шоҳидӣ медиҳанд. Дар асри IV-V қорқарди металл ҳамчун ҳунармандӣ муҳим буд. Шуғли заршӯйӣ ба таври васеъ ҳам набошад дар Язгулом ба мушоҳида мерасид. Бояд қайд кард, ки ҳунари заршӯйӣ ва заргарӣ дар Дарвоз низ ривочу равнақ доштааст.

Абӯрайҳони Берунӣ дар асарҳои худ (943-1048) – «Китоб-ул-ҷамоҳир ф. маърифат-ул-ҷавоҳир» қайд карда буд, ки дар кӯҳистони водии Рашт порчаи тиллои худрӯйеро ёфта буданд, ки вазни он 80 ратлей (32 кг 430 гр) ташкил медод. Инчунин дар Помири Ҷанубӣ дар

дараи Шоҳ-Ваҳон порчаи тиллои худрӯйро пайдо кардаанд, ки 24 килограмму 360 грамм вазн дошт. Ғайр аз ин дар яке аз шохоби болоии дарёи Панҷ (Шугнон) порчаи тиллои худрӯйро ёфтанд, ки шакли дандонаро дошта вазнаш ба 5 килограмму 684 грамм баробар буд. Дар корхонаи муштараки Дарвоз соли 1988 хангоми шустани рег тиллои худрӯйи аз ҳама калони 114 ва 225 гиромаро ёфтаанд. Аммо ин порчаҳои калони тиллои худрӯй, ки дар байни регу шағалҳои водихои дарё дучор меомаданд, ханӯз дар асрҳои миёна қариб тамом шуда буданд.

Азбаски саразмиҳо санъати маъдангудозиро нав аз худ карда буданд «устохонаҳо»-и худро, дохили яке аз хонаҳои истиқоматӣ ё рӯйи ҳавлии кушод месохтанд. Кӯраҳо хеле одӣ буда шакли қубури лойиро доштанд. Он 30-40 см чуқурӣ ва 20-40 см паҳноӣ дошта, ғафсии деворҳои 4-5 см-ро ташкил меод. Мутахассисони соҳаи маъданшиносии қадим Б.А. Литвинский, Е.Н. Черних, В.А. Рузанов ва чанде дигарон дар асарҳои худ ишора намудаанд, ки ин кӯраҳои аз лойи хом сохташуда натавонанд ба гудохтани маъдани мис, балки ба гудохтани маъданҳои дигар аз қабилӣ тилло ва нуқра низ қодиранд. Бостоншиносон вақте ки дар танаи кӯраҳо олуҳои мису биринҷиро пайдо карданд, тахминҳо дар бораи аз берун ба Саразм овардани маъданҳо аз байн рафтанд.

Бо оташи ҳезум ҳароратро дар кӯра аз 1000 °С баланд бардоштан ғайри имкон аст. Ниёгони мо аз чӯби дарахтони бурсу зарангу дӯлона, ки дар қаторкӯҳҳои Туркистону Зарафшон фаровонанд, сараввал ангишт тайёр мекарданд. Миқдори нам дар чӯби дарахт хеле зиёд аст. Дарахти навбуридашуда тақрибан 35-50 % нам дорад.

Технологияи раванди коксониданро хеле хуб аз худ карда буданд. Барои тайёр кардани ангишти чӯб хоҳи на он қадар чуқурро канда дар он чӯби дарахтони буридаро рост гузошта болояшро бо хоку-лой пӯшонида, аз ҷойҳои муайяншуда сӯроҳӣ мегузоштанд (расми 5).

Расми 5. Омода кардани тӯда барои тайёр кардани ангишти чӯб

Баъди алов кардан бе иштироки ҳаво дар давоми 10-15 шабонарӯз аз чӯби дарахт ангишт тайёр мешуд. Дар раванди тақтири чӯб сараввал намнокӣ аз танаи чӯб дур шуда, баъди ҳарорат аз 200 °С баланд шудан газҳои ғайриорганикӣ якҷоя бо гармӣ хориҷ мешаванд (расми 6).

Расми 6. Раванди тайёршавии ангишти чӯб

Ба даруни кӯра порчаҳои яклухти мисро дохил карда бо ангишти тайёр шуда кӯраро метафсониданд (расми 7). Барои он ки ҳарорат ба нуқтаи гудозиши мис расад, ба кӯра бо ҳаводами аз пӯсти ҳайвон сохташуда, ҳаво медоданд то ин ки ҳарорат аз 1000 °С баланд шавад.

Расми 7. Гудохтани мис дар кӯра

Баъди дар кӯра аз $1050\text{ }^{\circ}\text{C}$ баланд шудани ҳарорат миси худрӯй оҳиста-оҳиста ба моеъ мубаддал мегашт ва онро ба колабҳои омода карда, мерехтанд. Ҳамин тарик, ниёгонамон аз мис олоту ашӯҳои зерин: дарафш, сӯзан, ҷуволдӯз, симчаи бофандагӣ, корд, ханҷар, пайконҳои камону найза, чангакҳои моҳигирӣ ва табар-тешаи дудамаро сохтанд. Бо гузашти замон олотҳои аз мис сохташуда талаботи зиндагии ниёгонамонро қаноат намекард. Яъне хангоми истифодабарии олотҳои аз мис сохташуда аз сабаби мулоимӣ онҳо зуд қат мешуданд. Бинобар ин ба онҳо лозим омад, ки ба миси гудохташаванда иловаҳо ҳамроҳ кунанд. Яке аз металлҳое, ки зуд ба дасти инсон расид ин қалбагӣ буд. Ин металлро чӣ тавр инсоният пайдо кард? Тасодуфан хангоми дар атрофи маъдансангҳо оташ афрӯхтан қалбагӣ аз тарқишҳои санг ба моеъ мубаддал шуда рехт, чунки ҳарорати гудозиши қалбагӣ пасттар, яъне ба $230\text{ }^{\circ}\text{C}$ баробар аст. Баъди хунукшавӣ аз атрофи он санг порчаҳои қалбагиро пайдо карданд ва минбаъд фикри аз маъдан чудо кардани қалбагӣ, яъне гудозиши маъдани қалбагӣ ба вучуд омад.

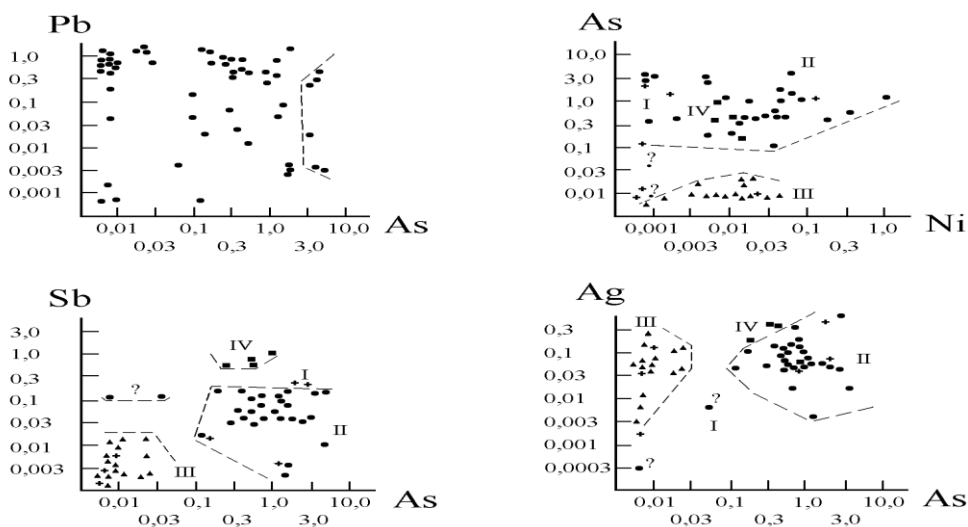
Саразмиён порчаи қалбагии ба даст овардари хангоми гудохтани мис бо он ҳамроҳ карданд дар натиҷа ҳулае ҳосил шуд, ки аз миси худрӯй саҳттару устувортар буд ва он номи биринҷиро гирифт. Ин қадамҳои аввалини саноати металлгудозии ибтидоӣ дар Саразм буд, ки чандин ҳазор сол тӯл кашид.

Ҳунари рехтагарӣ хеле нозуку моҳирона аст. Дар корҳои рехтагарӣ барои ба шароити муносиб расидан, ниёгонамон таҷрибаҳои зиёдеро мегузaronиданд. Ҳамин тавр, ҳунари маъдангудозӣ дар Саразм такмил ёфта аз насл ба насл дода мешуд. Ба ғайр аз қалбагӣ хангоми гудохтани

мис маъдангудозон минералҳои сурб, сурма ва арсенро, ки аз водии Зарафшон пайдо мекарданд, илова менамуданд. Маъдангудозон дар ҳамон давра он дараҷа малакаи касбиашон баланд шуда буд, ки бо ламси даст ранг, чило ва вазни порчаҳои минералро медонистанд, ки аз кадом металл ташкил ёфтааст.

Гистограммаҳои басомади консентратсияи омехтаҳо ва графики коррелятсияи омехтаҳои қалъагӣ-арсен имкон медиҳанд, ки дар коррелятсияи Саразм ду намуди хӯла дар асоси мис ва хӯлаҳои биринҷии арсенӣ фарқ мекунанд. Сарҳади хӯлаҳо бо иловаҳои арсен дар фосилаи 2-3 % муайян карда шудааст. Мисе, ки аз Саразм пайдо карданд, ба якҷанд гурӯҳҳои химиявӣ ҷудо карда шудааст, ки тақсимои он дар ҷадвалҳои коррелятсияи арсен-никел, сурма-арсен ва арсен оварда шудааст (расми 8).

Ин натиҷаҳо аз он гувоҳи медиҳанд, ки ҳангоми рехтани мис маъдангудозони Саразм ба он иловаҳо аз маъдани конҳои ҳавзаҳои водии Зарафшон мекарданд. Зеро ки дар замони мо ҳаммаи маъданҳои истихроҷшавандаи ҳавзаҳои водии Зарафшон дорои арсен мебошанд.

Расми 8. Тақсими басомадҳо ва таносуби консентратсияи омехтаҳо бо миси шаҳраки Саразм

Аломатҳои шартӣ: + - гурӯҳи I; ● - гурӯҳи II; ▲ - гурӯҳи III; ■ - гурӯҳи IV; "?" - гурӯҳи NO.

Ҳамин тавр, Саразм, воқеан яке аз марказҳои асосии истеҳсоли маҳсулоти металлӣ ба шумор рафта, дар Осиёи Марказӣ як минтақаи

бузург буд.

Адабиёт

1. Исҳоқов А. Саразм оғози тамаддуни Тоҷикон // Душанбе, Дониш, 2018, 280 с.
2. Самиҳов Ш.Р. Саразм – оғози тамаддуни саноати тоҷик // Душанбе, Матбааи ДМТ, 2020, 160 с.
3. Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака V - начало XIII в. / Изд. “Наука”, Москва, 1974, 133 с.
4. Рузанов В.Д. Химико-металлургическая характеристика двух наручных браслетов из Сурхандарьинской области // ИМКУ. Вып. 35. Самарканд, 2006 г.
5. Рузанов В.Д. Металлургия Согда в эпоху энеолита и бронзы // В сб. «Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии». Материалы Международной конференции. Самарканд, 7-8 сентября 2009 г.
6. Рузанов В.Д., Буряков Ю.Ф. Древние рудники и памятники металлургии в горах Кугитангтау // ИМКУ. Вып. 28. Самарканд, 1997 г.

Човид Холов
доктори илмҳои филологӣ,
директори Коллеҷи омӯзгории шаҳри Панҷакент

ИРТИБОТИ ТАМАДДУНҲО: САРАЗМ, МОҲЕНЧОДАРО, ҲАРАППА...

Саразм ёдгории қадимаи бостоншиносии Осиёи Марказӣ ба ҳисоб рафта дар масофаи 15км. қисмати ғарбии шаҳри Панҷакент, дар ҳудуди ҷамоати деҳоти Саразм воқеъ гардидааст. Ин макони муқаддас, 31-июли соли 2010 дар сессияи 34-уми ЮНЕСКО, ки дар Бразилия баргузор гардид, ба феҳристи Мероси фарҳанги умумибашарӣ шомил гаштааст.

Ҳафриётҳое, ки то имрӯз аз ҷониби бостоншиносон дар доманазамини Саразм ба сомон расонида шудаанд, як қатор паҳлӯҳо ва хусусиятҳои пешрафти модии гаронбаҳои оғози тамаддуни башариро ифшо намудаанд. Месазад зикр намуд, ки ин мавзеъ як маҳалли густурдаи аҳолинишине буд, ки истиқомати доимӣ ва пешрафти тамаддуни инсонро аз давраи энеолит то давраи биринҷӣ, тақрибан аз ҳазораи IV-III то милод таъмин намудааст. Аммо, хусусияти ҷолибтарини минтақаи ҳафриётшуда, ин миёнапайвастагии он бо дигар фарҳангҳои ҳаммонанди протошаҳрии манотиқи наздик ва дастрас дар тамоми самтҳо мебошад, ки то ба минтақаҳои Осиёи Ҷанубӣ доман паҳн карда, таъсири бевоситаи худро гузоштааст.

Яке аз чунин пайвастагиҳо тамаддуноҳои овозадори Моҳенҷодаро ва Ҳараппа мебошад, ки мансуб ба шибҳи қораи Ҳиндустон аст. Экспонатҳои бозёфтшуда зимни ҳафриётҳои шаҳри Саразм аз он гувоҳӣ медиҳанд, ки алоқаҳои ҳатмӣ ва ногусастанӣ миёни тамаддуни саразмиён бо шаҳрҳои ҳамзамони тамаддуни тоҳараппагии Ҳиндустон ба таври мушаххас вучуд доштааст. Ташаккули тамаддуни башарӣ дар минтақа тавассути ҳамкориҳо, додугирифтҳо, муоширатҳо ва муколамаҳо ғанитар гашта, дар бурунсозии халоҳо дар фазои иҷтимоӣ, фарҳангӣ, иқтисодиву сиёсӣ мусоидат намудааст.

Шибҳи қораи Ҳиндустон бо тамоми тафовути диниву мазҳабӣ, гуногунрангии урфу одатҳо шаклҳои мухталифи фарҳанги башариро ҳанӯз аз домони кӯдакиаш бо худ парварда, дар такомил, густариш ва ҷаҳонишавии он саҳмгузор будааст. Маҷмӯи табодули фарҳангӣ байни ин шибҳи қора ва манотиқи ҳамҷавору ҳамиртибот ба қари таърих ва бо ибораи муаррихон ба даврони пре-таърихӣ ва про-таърихии сеҳазорсолаи то мелод рафта мерасад. Аз ҷумла, ба забон овардани

фарханги модии тамаддуни Ҳараппа ва Мохенчодаро дар ин маврид басо муҳим ва судманд аст. Зеро оин, анъана ва расму русуми ибтидои шахрдории ин тамаддуни қадима то кунун дар рӯзгори мардуми минтақа арзи ҳастӣ дорад ва комилан мавриди истифода ва ниёиш қарор гирифтааст. Ҷолиби таваҷҷуҳ он аст, ки баъзе аз ин падидаҳо дар таҷрибаи фархангии дигар мамолик низ таъсири амику боровари худро гузоштаанд.

Маҳз дар ҳамин айём дар водии Зарафшон тамаддуни шахрдории Саразм рӯ ба инкишоф ниҳода буд. Ва яқин аст, ки баҳри шукуфои ва пешрафти ҳамачонибаи ҳаёти иқтисодиву иҷтимоӣ саразмиён бо ҷаҳони беруна низ дар иртиботи ҳамешагӣ будаанд ва ин нуқта аз ҷониби муаррихону бостоншиносон борҳо зикр шудааст. Нахустшаҳсе, ки ба кушоиши дари ҳазорсолаҳо пӯшидаи тамаддуни Саразм муваффақ гаштааст, ин бостоншиноси шинохтаи тоҷик Абдуллоҷон Исҳоқов мебошад. Наметавон хизматҳо ва заҳматҳои А. Исҳоқовро нодида гирифт. Абдуллоҷон Исҳоқов ба мактаби маҳаллии бостоншиносии Панҷакент таҳкурсии ниҳоят қавӣ гузошта, шогирдони хуберо ба воя расонидааст. Мактаби бостоншиносии Панҷакентро дар ҷои дилкашу зебо бунёд карда буд ва маҳз дар ҳамин ҷо ҳазинаи тиллоии осори ниёғони моро аз хокдонҳои Саразму Панҷакенти қадима ҷамъоварӣ намуда, ниғаҳдорӣ мекард... Ба ибораи дигар меъмори пойгоҳи бостоншиносии Саразм ва Панҷакент дар баробари дигар бостоншиносони ватаниву хориҷӣ Абдуллоҷон Исҳоқов маҳсуб мешавад ва ин пойгоҳро метавон ба номи ин бостоншиноси варзида гузошт.

А. Исҳоқов бо таваҷҷуҳ ба табари дарёфтшуда ба Саразм аз нигоҳи касбӣ баҳои воқеӣ дода тавонист. Бад-ин васила ҷустуҷӯҳо ва ҳафриётҳо яке паси дигаре дар шаҳри Саразм хусни оғоз ёфтанд.

Намуди имрӯзаи ҳафриётҳои Саразми бостон дорои хусусияти хосае мебошад, ки тарҳи ягонаи панҷарашаклро мемунад, ки деворҳои хиштӣ аз кунҷи рост якдигарро бурида мегузаранд. Қисматҳои гуногуни биноҳо барои мақсадҳо ва ҳадафҳои ҷудогона тарҳрезӣ шудаанд: ба мисли манзили зист, биноҳои маъмурию ҷамъиятӣ, маҳалли кулолгарон бо хумдонҳои сафолпазии дуқабата, маъбадҳои оташпарастон бо оташкадаҳои мудаввар ва чоркунҷа, барои иҷроиши маросимҳои динӣ, қабристон ва ғайра.

Тарҳи шахрдории Саразм ба фарханги давраи энеолитии Ҳараппа ва хосатан шаҳри Мехргарҳи Ҳиндустон хеле шабоҳат дорад. Аз лиҳози ҷуғрофӣ, ин ду минтақаи фарҳангӣ аз ҳамдигар чандон дур ҷойгир нашудаанд ва хеле табиист, ки тарҳсозии умумие миёни ин ду сукунатгоҳ ба ҷашм мерасад. Истифодаи хиштҳои гилӣ ҳангоми

сохтмони деворҳо нишондиҳандаи қавии ҳаммонандии ин протошаҳрҳои бостонӣ мебошад. Бояд гуфт, ки чунин тарҳрезии шаҳрдорӣ бо истифода аз усулҳои навин, нозуккорӣ, хишти пухта бо фарҳанги гулгулшукуфои водии Синд, ки баъдан дар атрофи Меҳргарҳ арзи ҳастӣ карда буданд, идома ёфтааст.

Зимнан бояд тазаккур дод, ки дар фарҳанги моддии ин ду маркази фарҳанги башарӣ-Саразм аз як тараф ва Меҳргарҳ ва дигар шаҳрҳои Ҳараппа аз тарафи дигар як қатор аносири умумие мавҷуд аст. Дар байни ин ашёҳо метавон сафолпораҳои нақшу ниғорбаста, зарфҳои сурху қахваранг ва моҳирона наққошишударо ном бурд, ки ҳаммонандии табиӣ ин ду маркази тамаддунро дар худ мунъакис кардаанд. Дар осорхонаи миллии Ҳиндустон дар шаҳри Деҳлӣ чанд сафолпораи мусавваре маҳфуз аст, ки мансуб ба зарфҳои давраи аввали тамаддуни Ҳараппа мебошанд. Маҳз ҳамин сафолпораҳои мусаввар аз лиҳози тарҳашон бо сафолпораҳои тамаддуни Саразм шабоҳати наздик доранд.

Масалан, экспонатҳои ба ҳамин идао мувофиқ, ки алоқаи дақиқи байни ду минтақаи ҳамҷавору ҳамсояро аз замони оғози тамаддуни башарӣ тасдиқ мекунад, ин дастпона аз чилди гӯшмоҳиҳо, чилди холии гӯшмоҳиҳо ва сангҳои ороишӣ аз қабилӣ ақиқ, фирӯза маҳсуб мешаванд, ки дар қабрҳои саразмиён ба даст омадаанд. Дар баробари ин мавҷудият ва паҳншавии лочувард дар тамаддуни пеш аз Ҳараппа ва даврони Ҳараппа бо фаъолияти бурунмарзии Саразм робитаи зич дорад.

Гузашта аз ин, Саразм нақши калидиро дар таъминкунии кӯрғошим-металли зарурӣ барои аксар шаҳрнишинони давраи биринҷӣ бозӣ мекард.

Инчунин дар давраи энеолит олотҳо ва асбобҳои мисӣ мавриди истифода қарор доштанд. Ин ҳама шаҳодатгари рушди саноати металлургия дар тамаддуни Саразм мебошад. Воқеан, дар Саразм теъдоди зиёди асбобҳои металлӣ истеҳсол мешуд ва тавассути ин қудрати тавоноӣ минтақаи саноатии саразмиён ба олам нишон дода мешуд. Саразм тайи қарнҳои зиёд пайваста рушд мекард. Ва дар ҳамин замон тамаддуни Ҳараппа ва Моҳенҷодарро дар ҳоли нумӯш ва ривочу раванқ будааст. Дар баробари Саразм инкишофи саноати вазнин-истеҳсоли фулузот дар Моҳенҷодарро ва Ҳараппа низ васеъ ба роҳ монда шуда буд. Бостоншинос Вибҳа Трипатҳӣ менависад, ки “Истеҳсоли мис ва асбобҳои аз он сохташуда, асбобу анҷоми биринҷӣ, тиллоӣ, нукрагӣ асоси саноати Ҳараппаро ташкил медиод ва ин гуна масолеҳи тайёр ба Мессопотамия содир карда мешуд”.

Манбаъҳои асосии воридоти мис ба Ҳараппа “Балучистон ва Афғонистон, ки дар қисмати ғарбии Ҳиндустон ҷой гирифтааст, ба ҳисоб меравад. Ин марзҳо аз баландкӯҳҳои Бадахшон то соҳили баҳр тӯл кашидаанд. Ҷолиб он аст, ки дар ин мамолик коркарди мис пештар ба роҳ монда шуда буд”. В Трипатҳӣ таъйид намудааст, ки мис ба Ҳиндустон аз Осиёи Марказӣ воридот карда мешуд. Чун муаррихону бостоншиносон доир ба тамаддуни Саразм чандон маълумоти кофие надоштанд, аз Саразм ва содироти мис аз ҷониби онҳо чизе гуфта нашудааст. Мантиқист, ки ба ивази молҳои ороишӣ ва дигар маводи мавриди эҳтиёҷи аз Ҳиндустон воридшаванда саразмиён метавонистанд мис ва дигар амволи ба ҳараппагиҳо заруриро бароварда гардонанд.

Яқинан пайваста табодули тичоративу фарҳангӣ миёни сокинони Саразм, Ҳараппа ва Моҳенҷодаро ва дигар манотиқи рӯ ба густариши фарҳанги дунёӣ идома доштааст. Замоне, ки Саразм дар авҷи пешрафти иҷтимоиву иқтисодиву фарҳангӣ буд, тақрибан аз солҳои 3500 то 2000 то мелодро дар бар мегирад. Ҳол он ки густариши Меҳргарҳ замони хеле тӯлонии таърихро фаро гирифтааст, ки он ба солҳои 7000 то ба 2600 то мелод дуруст меояд. Ва тамаддуни водии Ҳинд, яъне маданияти Ҳараппа ва Моҳенҷодаро солҳои 3300 – 2600 - ро фарогир будааст.

Бо ташаббуси Вазорати фарҳанг ва Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.Дониши АМИ ҶТ зимни пешниҳоди ҳуҷҷатҳо ба ЮНЕСКО таваҷҷуҳи асосиро ба он ҷалб намуданд, ки фарҳанги Саразм дар иртибот ва табодули таҷриба беназир будааст, ки онро “муколамаи фарҳангӣ” меноманд. Аз нуқтаи назари олимони тоҷик Саразм шаҳодати тамаддуни нодири протошаҳрӣ дар “Доираи ҳамкориҳои Осиёи Миёна” (MAIS) мебошад. Чунин шакли фарҳангӣ бештар дар ҳавзаҳои бузурге ба мисли Миср, Месопотамия, Ҳинд ва Хуанҳеи Чин рушд ёфтааст, аммо ҳар яке аз ин фарҳангҳо ҷиҳатҳои хоси худро доштанд.

Доир ба пайдоиши нахустин тамаддуни фарогир олимони зиёде фикру ақидаи худро баён намудаанд. Яке аз чунин маъхазӣ муътамад китоби ҷаҳорчилдаи “Таърихи тамаддун ва фарҳанги ҷаҳон” ба шумор меравад, ки аз ҷониби гурӯҳи олимон Росс Е. Данн, Дороти Абрахамс ва дигарон таълиф шудааст. Ин гурӯҳи олимон, ки шӯҳрати ҷаҳонӣ касб намудаанд, бар он ақидаанд, ки “Нахустин тамаддуни рӯдборӣ миёни солҳои 4000 ва 2000 қабл аз мелод дар дараҳои борхези миёни Дачла ва Фурот ба вучуд омад... Бо пайдоиши тамаддуни Байнаннаҳрайн марокизи дигари тамаддун низ дар дараи рӯди Нил дар Миср ва рӯди Синд дар Ҳинд падида омаданд”.

Рӯдхонаи Зарафшон дар саҳифаи тамаддуни қадимаи башарият аз зумраи падидаҳои тозасабтшудае мебошад, ки зикраш дар боло рафт.

Ва чи хеле ки асноди таърихӣ гувоҳӣ медиҳанд, аз лиҳози шахрдорӣ ин тамаддун пас аз фарҳанги водии Ҳинд (муаррихон онро бо номҳои тамаддуни водии Синд/Нара/Сарасватӣ низ ёдовар мешаванд) дар минтақаи Осиё мақоми баландеро соҳиб аст. Гузашта аз ин, тамаддуни Саразм маркази маъдангудозӣ ва коркарди фулузот дар минтақа ба шумор мерафт.

Тавзеҳоти бостоншиносӣ чандин мушобеҳоти сукуниро байни фарҳанги Тоҷикистон ва фарҳанги Ҳинди Шимолу Ғарбӣ то замони дерини сангӣ ошкор мекунад. Дар замони навсангӣ Осиёи Марказӣ ва Ҳинди Шимолӣ шомил ба як минтақаи бузурге буданд, ки дар он ҷо кишоварзии ҳаммонанд роиҷ буд ва ҷараёни яксонӣ пешрафти иҷтимоӣ низ дар уруҷ будааст, ки ин иллати зуҳури тамаддуни шахрӣ ва ташкили давлатҳои мухталиф гаштааст.

Ҳеродот муаррихи номвари юнонӣ менависад, ки Ҳинд ба унвони яке аз ҳосилхезтарин шатрапаҳои қаламрави ҳахоманишӣ (аз қарни шашуми қабл аз мелодӣ то қарни чаҳоруми қабл аз мелодӣ) ба шумор мерафт ва таъбан элҳои мухталиф аз хитаҳои даштӣ ва камҳосили Осиёи Марказиро ба тарафи худ кашидааст. Аз ҳафриёти бостоншиносӣ бармеояд, ки нуфузи густурдаи зарфҳои сафолӣ хориҷӣ миёни асбобҳои рӯзгори мардуми маҳаллӣ дар саросари Ҳинди шимолӣ эҳсос карда мешавад. Р.Шарма дар таҳқиқи хеш қайд намудааст, ки “Аз мавҷудияти зарфҳои якранг, ба вижа косаҳои марбут ба аҳди ҳахоманишӣ дар Хоразм, Суғдиён, Марҷиёна, Бохтари шимолӣ, Сиистон ва низ дар водии рӯди Ганг равобити Осиёи Марказӣ ва Ҳинд ошкоро мешавад”.

Албатта, бо уручи султанати кушонӣ, ки қисмати азими Осиёи Марказӣ ва бештари хитаҳои Ҳинди Шимолӣро фаро гирифта буд, равобити байни Осиёи Марказӣ ва Ҳинд ба авҷи аълои худ расид. Муносибати Ҳинд бо Бохтар, Суғд ва Хоразм, ки пешинааш ба давраҳои ҳахоманишӣ ва Сикандари азим меравад дар аҳди Кушон аз ду марҳила мегузарад. Ва ба қавли Мешкерис “Муносибатҳои фарҳангии Осиёи Миёна ва Ҳиндустон, ки дар замони неолит ва қарни биринҷӣ ба низоми дароварда шуда буд, дар замонҳои баъдӣ низ идома доштааст”.

Дар охири ҳазораи IV-III то эраи мо Саразм ба як маркази муҳими мубодилаи байниминтақавӣ дар масофаи марзҳои дароз (махсусан нозуки содирот) табдил ёфт. Нуқтаҳои аҳолинишин дар гузаргоҳҳои калон, дар меҳвари калони Шарку Ғарб ва ҳосатан дар водии Зарафшон сохта шудаанд. . . Далелҳо барои табодули Саразм аз молҳои экзотикӣ,

сангҳои кандакоришуда, зарфҳо, лочувард, тилло, нукра, сангҳои мухталифи ранга ва маъданҳои оварда шудаанд ...

Чустучӯҳо гувоҳӣ медиҳанд, ки иртибот бо минтақаҳои Осиёи Ҷанубӣ ва паҳншавии таҷрибаҳои анъанавии фарҳанги мардуми Ҳинд дар бозёфтҳои нодири моддӣ низ таҷассум ёфтаанд. Дар фарҳангҳои протошаҳрии ин ду минтақа монандии хеле возеҳ дар мавҷудияти манотиқи аҳолинишин, яқсонии касби кулолгарӣ, асбобҳои аз металл сохташуда, ороиш дар сангҳои қиматбаҳо ба ҷашм мерасанд. Албатта, дар шибҳи қораи Ҳиндустон истеҳсоли сангҳои ороишӣ ва ашёҳои қиматбаҳо арзиши бузурги таърихӣ доштанд.

Мисоли равшани инро мо дар фарҳанги Меҳргарҳ мушоҳида карда метавонем. Коркарди сангҳои начандон гаронбаҳо ин минтақаро вориди шабакаи тичоратии бузург гардонидаст, ки садсолаҳо барои Меҳргарҳ манбаи даромад ва пешрафти иқтисодӣ гардидаст. Дар Меҳргарҳ коркарди лочувард низ васеъ ба роҳ монда шуда буд. Аммо ҷолиби тавачҷуҳ ин аст, ки дар Меҳргарҳ ва манотиқи атрофи он манбаи лочувард ҳамчун ашёи хом вучуд надошт. Ва яқинан лочувард тариқи роҳҳои савдоӣ аз Осиёи Марказӣ ворид карда мешуд. Чунин ақидаро бостоншиноси маъруфи Ҳинд Ширин Ратнагар тақрибан дар ҳамаи таҳқиқҳои ёдрас намудааст. Ш. Ратнагар лочувардро аз ашёи содиротии тамаддуни Ҳараппа аз Осиёи Марказӣ медонад ва ақидаи тичорати пайвастаи хараппагӣро бо мардуми бурунмарзӣ борҳо таъйид намудааст.

Ин ақида дар заминаи ҳолӣ пайдо нашудааст. Зеро маъхазҳо собит менамоянд, ки бозаргонҳои замони Моҳенҷодаро ва Ҳараппа содиркунандагони асосии зару зеварот ба минтақаҳои аҳолинишини наздисарҳадии Месопотамия ва ҳамчунин сарзаминҳои Осиёи Марказӣ маҳсуб мешуданд.

Ҳарчанд ки фарҳанги Саразм дар қабатҳои то кунун кофташуда давраи аз 3500-2000 то эраи моро дар бар мегирад, алоқаи фарҳангиву тичоратии он бо давраи камолоти фарҳанги Ҳараппа ҳамзамон мебошад. Ш. Ратнагар дар пайвандсозии тамаддуни водии Ҳиндустон ва робитаҳои он бо ҷаҳони беруна ба иштибоҳ роҳ надодааст. Гарчанде бостоншинос то андозаи имрӯз аз қовишҳои Саразми Тоҷикистон иттилои кофӣ надошт, аз ҷараёни қушодани ҳамзамонии маҳалҳои монанд дар берун аз минтақаҳои Осиёи Ҷанубӣ бохабар буд. Ҳангоми таҳлили ӯ ҳам пайвандҳо ва ҳам фарқияти ин маҳалҳои аҳолинишин бо аҳолии таҷҷоии Ҳиндустон ба таври возеҳ нишон дода шудаанд. Вай яке аз ташаббускорони таҳияи рисолаи алтернативӣ дар муқоиса бо алоқаи

аз ҳад содатари баҳрӣ байни ду маркази бузурги шаҳрҳои асри биринҷӣ дар водии Ҳинд ва Месопотамия буд.

Барои фаҳмидани микёси бузурги рушд ва мубодила дар байни ин марказҳои шаҳрии баркамол дар ҷаҳони асри биринҷӣ ин минтақаҳо, дар байни ду хатсайр- ҳам роҳҳои баҳрӣ ва ҳам хатсайрҳои рӯизаминӣ, ба назар гирифта шуданд. Ш. Ратнагар саҳми дастачамъонаи марказҳои тамаддуни бостониро барои ташаккули фаҳмиши беҳтари ҷаҳони маъмулии муштараки фарҳангӣ, ки дар ҷазираҳо ва атрофи онҳо, инчунин дар доманакӯҳҳо ва водихо, дар биёбонҳо ва теппаҳои Ғарб, Осиёи Марказӣ ва Ҷанубӣ таҳия шудаанд, эътироф кардааст.

Роҷеъ ба ин масъала бостоншиноси дигар Марутсио Тоши навиштааст, ки «Дар охири солҳои 60-ум аксари минтақаҳои шимол ва ҷануби баҳри Араб ҳанӯз ҳам аз ҷониби бостоншиносон ба ҳадди кофӣ омӯхта нашуда буданд. Кофтуковҳои минбаъда дар Эрон, Афғонистон, Осиёи Миёнаи Шӯравӣ ва Уммон баъзе халохоро пур карданд ва барои бостоншиносони баъдӣ дурнамои навро кушоданд. Дар маҷмӯъ, ин таҳқиқотҳо нишон доданд, ки дар болои бандари Эрон ва ҳавзаҳои дарёҳои ҷануби Осиёи Марказӣ, ки ҳамчун субъектҳои фарқкунандаи таърихӣ дар охири ҳазораи 4-уми пеш аз мелод ба вучуд омадаанд, як қатор тамаддунҳо кашф шуданд. Тақрибан дар соли 2500 пеш аз мелод марказҳои асосӣ дар ҳар як система аксар хусусиятҳои ҷудоқунандаи шаҳрро доштанд - ҳаммонандии меъморӣ, хонаҳои ашрофон, дафнҳои шигифтангез, манзилҳои ҳунармандон ва ташаккули шаҳристонҳои маъмурий. ..Тамоми шаҳрҳои ин қаламрави бузург дар тӯли чанд садсола тақрибан ба солҳои 2200 то 2000 пеш аз мелод рост омадаанд, ки бо тамаддуни баркамолӣ Месопотамия мустақиман алоқамандӣ доранд».

Хусусиятҳои хоси нуқтаҳои аҳолинишине, ки М. Тоши номбар кардааст, ба бозёфтҳои бостоншиносии Саразм, ки то кунун дарёфт шудаанд, мувофиқанд. Аммо, вай дар ин бора Саразмро зикр накардааст, дар сурате, ки Ҳисори Ҷанубу Ғарби Эрон ва Олтинтепаи Туркманистони Ҷанубӣ, сарфи назар аз нигоҳ доштани решаҳои гуногун ва мақомашон диққати ӯро ҷалб намудаанд.

Вале зикри тамаддуни Саразм дар асарҳои Ш. Ратнагар дида мешавад. Ҳамин тариқ, дар байни шаҳрдориҳои маъруфи асри биринҷӣ ва пайвастагии онҳо, аз ҷумла, Ҳараппа, Моҳенҷодаро ва Месопотамия шаҳрдории Саразм низ имрӯз ба ҷаҳониён аз анъанаву рисолати шаҳрдории худ дарак дод.

Ин ҷо чанд нуқтаеро перомунӣ равобитаи бевоситаи саразмиён бо шаҳрдориҳо ва умуман, шибҳи қораи Ҳинд зикр карданӣ ҳастем. Зимни

ҳафриётҳои Саразм асбобҳо ва ашёҳои ёфт шудаанд, ки истехсол ва ё мавҷудияти онҳо дар водии Зарафшон ва ҳудуди шаҳрдории саразмиён имконнопазир будааст. Ва ба маънии дигар ин гуна ашёҳои ба қатори молҳои содиротии бозаргонҳои саразмиё шомил буда метавонанд. Масалан, дарёфти дастпонаҳо, гарданбандҳоро чилди гӯшмоҳиҳои ороишӣ, ки ба шакли солим то ба мо расидаанд, далели он аст, ки ин ашёҳо аз минтақаи баҳрӣ ба саразмиён ворид карда шудаанд. Ин гуна маводҳои ороишӣ ҳам аз ҷиҳати сохтор ва ҳам аз ҷиҳати мавриди ниёз ба фарҳанги Моҳенҷодаро ва Ҳараппа хос будаанд...

Ҳангоми боздид аз Саразм яке аз бостоншиносони маъруфи Ҳинд профессор Нандини Бҳаттачария ба муаллифи ин сатрҳо изҳор дошт, ки расми бо зару зеварот ва ашёи гаронбаҳо гӯронидан имрӯз низ миёни бархе аз мардуми бенгалӣ (Н. Бҳаттачария аз бенгалитаборон аст-Ҷ.Х.) роиҷ будааст. Ин нуқтаро пас аз дидани бозёфтҳои аз қабри Маликаи Саразм Н. Бҳаттачария ироа намуда, афзуд, ки “чунин дастпонаҳо аз чилди гӯшмоҳиҳо ва дар шакли асли бокимондаҳои чилди гӯшмоҳиҳо айнан дар бозёфтҳои Ҳараппа низ ба даст омадаанд. Муаллиф ин фикрашро дар таҳқиқаш таҳти унвони “Tracing the trail of Indo-Tajik cultural links, through past and present” ташреҳ додааст.

Мавҷудияти миқдори зиёди маводҳои баҳрӣ дар чунин сарзамини фарсахҳо дур аз баҳрҳоро укёнусҳо, албатта, гувоҳи он аст, ки саразмиён бо ин кишвари соҳибфарҳанг алоқаҳои зичи тичоративу фарҳангӣ доштаанд.

Чилди гӯшмоҳиҳо ва дигар бозёфтҳои аз Саразм: Осорхонаи ба номи А. Рӯдакӣ, ш. Панҷакент.

Теъдоди зиёди дастпонаҳо аз чилди нимкурраи гӯшмоҳиҳо сохта шудаанд. Ба ақидаи Ҷ.М. Кенойер “дар бозёфтҳои бостоншиносон пас аз санг ва терракота чилди гӯшмоҳиҳо яке аз маводҳои асосӣ ба ҳисоб меравад. Ва дар аксар мавзӯҳои таърихии Ҳинд артефактҳои аз чилди гӯшмоҳӣ истеҳсолшуда ба теъдоди зиёд мавҷуданд. Технологияи истеҳсоли он дар Ҳинд ҳанӯз аз ибтидои давраи неолит (асрҳои VII-III) васеъ ба роҳ монда шуда буд”.

Махсусан, дар замони инкишофи тамаддуни Мохенҷодаро истеҳсоли ин намуди маҳсулоти бозоргир хеле афзуд. Ҷ.М.Кенойер муайян намудааст, ки дар Мохенҷодарро аслан аз чилди гӯшмоҳиҳои Турбинела пирам, ки дар байни баҳри Араб ва халиҷи Бенгал умр ба сар мебаранд, истифода мебаранд.

Дастпонаҳои Маликаи Саразм аз ҳамин намуд чилди гӯшмоҳӣ тарроҳӣ карда шудаанд. Бархе аз муҳаққиқон бар он ақидаанд, ки дастпонаҳои Маликаи Саразм шояд аз Гучарат ва ё Кутчи Ҳиндустон ворид карда шуда бошад. Вале дар ҳар сурат ин дастпонаҳо дар шакли маҳсулоти тайёр ба Саразм ворид карда шудаанд. Маълум аст, ки бостоншиносон дар қабри Маликаи Саразм инчунин шабаҳои гуногун, аз ҷумла, 49 адад тиллоӣ, 166 адад лочувардӣ, 48 адад фирӯзагӣ ва 1159 адад ақиқиро дарёфт намудаанд.

Дастпона дар дастони Маликаи Саразм, Осорхонаи Саразм, Панҷакент.

Бамаврид аст, ироа намоем, ки ҷуфти дастпонаи дар Саразм ёфтшуда ба нисбати ҳамаи дастпонаҳои, ки дар Ҳиндустон дарёфт шудаанд, ҳатто ба замони пештар мансубият дорад.

Ҳангоми яке аз сафарҳоям ба Ҳиндустон озими Ракҳигарҳӣ гаштам. Ракҳигарҳӣ як деҳаи калонҳаҷмест ва гирду атрофаширо майдонҳои сабзу хуррами найшакар фаро гирифтаанд. Гумон мекардам, ки майдони ҳафриётҳои ин ҳамворазамини сарсабз фароҳу доманадор ва ғайримаъмулист. Аммо ҳилофи назари ман байни киштзорҳои кишоварзон пора-пора заминҳои ҳафриётшудаеро дарёфтам, ки бостоншиносон ин ҷо далели тамаддуни қадимаи Ракҳигарҳиро дар заминаи фарҳанги Ҳараппа ҷустуҷӯ намудаанд.

Масалан, чунин яке аз бозёфтҳои ҳаммонанд боқимондаҳои занест, ки дар Ракҳигарҳии Ҳинд - ҳудуди имрӯзаи раёсати Ҳарияна ҳангоми ҳафриётҳо ба мисли Маликаи Саразм пайдо намуданд, ки бо дастпонаву зару зевар ба ҳок супорида шудааст ва чунин бозёфтҳо дар ҳафриёти тамадуни Ҳараппа ягона нестанд. Танҳо дар ҳудуди Ракҳигарҳӣ ёздаҳ адад чунин қабрҳо мавриди омӯзиш қарор гирифтаанд. Вале чи хеле ки Н.Иботсон қайд намудааст, ин гуна бозёфтҳо аз лиҳози замони баъд аз Маликаи Саразм рӯнамоӣ шудаанд.

Дастпона дар дасти чапи зане аз Ракҳигарҳӣ (Ҳарияна), мансуб ба тамаддуни Ҳараппа: Осорхонаи Миллӣ, Деҳлӣ, Ҳиндустон

Нуктаи ҳайратовар он аст, ки дар Мессопотамия низ чунин анъана дар ҳамин давра ҷой доштааст. Масалан, дар Мессопотамия ҳангоми дарёфти қабри шоҳ рӯшан гашт, ки ўро бо ҳамма артефактҳои шоҳӣ, зару зеварот аз ақиқ, лочувард ва фирӯза - маҳсули тамаддуни Ҳараппа ба ҳок супоридаанд.

Бозёфтҳои зиёди ба дастмада аз он шаҳодат медиҳанд, ки санъати ҳунармандӣ ва махсусан, ҳунарҳои мардумӣ дар Саразми бостон ба авҷи аълояш расида буд ва гумон меравад, ки қисмате аз чилди гӯшмоҳиҳо, фирӯза ва ақиқ ҳамчун ашёи хом аз Ҳинд ба Саразм ворид карда мешуд.

Инкишофи ҳунармандӣ ва хосатан истеҳсоли маводи ороишӣ дар Ҳиндустон рӯ ба равнақ дошт. Метавон ин ҷо назаре ба омӯзиши муаррихи номвари ин кишвар Упендир Сингҳ овард: “Шабаҳо, дастпонаҳо ва маводҳои ороишӣ музаикӣ аз гӯшмоҳиҳо аз он шаҳодат медиҳанд, ки ҳунармандони касбии ин соҳа хеле зиёд буданд. Чанҳударо ва Балакот аз марказҳои муҳими коркарди чилди гӯшмоҳиҳо маҳсуб мешуданд... Чунин ҳунармандӣ дар минтақаи Гучарати замони фарҳанги Ҳараппа басо аҳамияти муҳим дошт”.

Чилди гӯшмоҳиҳои бозёфтишуда аз бошгоҳҳои Ҳараппа: Осорхонаи миллӣ, Деҳлӣ, Ҳиндустон

Аз мақом ва макони ҷойгиршавии Саразм маълум аст, ки дар ин мавзӯ муваҷҷаҳӣ пеш мардуми таҳҷой зиндагӣ мекарданд ва барои густариши рӯзгори хеш дар ҳаракат буданд. Аммо муаррихоне ҳастанд, ки дар таҳлили фарҳанги густурдаи Саразм саҳми муҳочирони дигар минтақаро афзал мешуморанд. Аз ҷумла, В.М.Массон дар ҳакин ақида аст. Ӯ ишора ба он мекунад, ки муҳочирони геоксурӣ аз ҷануби Туркманистон сабабгори тараққиёти тамаддун дар Саразм гаштаанд. Барои тасдиқи ақидаи худ сафолҳои бо усули геоксурӣ нақшбандишударо мисол меоварад. Ӯ он ки чи хеле ки боло зикр намудем, дар нақшу нигори сафолҳои Саразм таъсири бевоситаи тамаддуни Ҳараппа баръало аён аст. Вале баъдан муҳаққиқ ин фикри худро бо идомаи афкораш инкор менамояд. В.М.Массон мегӯяд, ки “ҳайратангез аст, ки (дар Саразм-Ҷ.Х.) боқимондаҳои терракоти геоксурӣ дида намешавад”. Дар идомаи таҳлили мероси саразмиён муаллиф менависад, ки “Аммо маҷмаи Саразм бо як унсурҳои геоксурӣ ба итмом намерасад. Дар ин ҷо ҳамчунин миқдори хеле зиёди намуди сафолҳои гулқоришудаи Балучистони шимолӣ мавҷуд аст, ки аз сафолҳои

геоксурӣ на танҳо бо нақшҳояш, балки бо технологияи тайёр карданаши низ фарқ мекунад...” . Ва дар ҷои дигар ба сурати зайл хулосабардорӣ мекунад: “дар назди мо як намуд баҳамомезиши анъанаҳо, маркази муҳим ва гузаргоҳи алоқаҳои давраи оғози заминдорӣ намудор мегардад”.

Пас муҳочирони геоксурӣ мисли дигар муҳочирони бурунмарзӣ метавонианд ба хоҳири тиҷорат вориди Саразм гарданд. Чун саразмиён чи хеле ки дар боло ироа намудем, бо тамоми тамаддуноҳои дастраси замони худ иртиботи фарҳангиву тиҷоратӣ барқарор намуда буданд. Ва дар густариши шаҳрдорӣ ва созмони силсилашабакаҳои иҷтимоиву иқтисодӣ хеле пеш рафта буданд. Нуқтаи муҳиме, ки назарияи В.М.Массонро қуллан инкор мекунад, ин идомаи ташаккул ва инкишофи тамаддуни ҳоса ва оламфузунӣ зарафшонӣ дар мисоли шаҳрдорӣ бемисли Панҷакенти суғдӣ мебошад. Водии Зарафшон дар тӯли ҳазорсолаҳо маскани офариниш, парвариш ва густариши фарҳанги таърихсоз будааст. Иқлими мусоид, рӯдхонаи зулолу ҳамешаравон, муҳити осон ҳифозатшаванда аз кӯчманчиҳои даштӣ ҳама дар якҷоягӣ даст ба сарчашмаи зиндагии мардуми таҳҷой дода, ҳаёти ҷаззоб ва гоҳо пурмашаққатро пойдор нигоҳ доштаанд.

Арзёбии Саразм ва ашӯҳои боқимондае, ки аз макони бостоншиносӣ ба даст омадаанд, барои фаҳмидани фазои робитаҳои моддӣ ва маънавии берун аз марзҳо, аз ҷумла, то шибҳи қораи Ҳинд хеле назаррас аст. Бозёфтҳо на танҳо далели интиқоли баъзе ашӯҳои ороишӣ ва мавриди ниёзи мардум мебошанд, балки дар худ густариши фарҳангӣ ва таҷрибаи ҳамкориҳои иҷтимоиро мунъакис кардаанд. Албатта, ин бозёфтҳо дар мисоли тамаддуни Саразм ва Ҳараппа нишондиҳандаи меъёри анъанавии иҷтимоию иқтисодӣ ва фарҳангӣ ба шумор мераванд.

Бо вучуди ин, бо эътирофи таъсири бениҳоят пурқудрати ин пайвастагӣ байни сарзамини Ҳиндустон ва минтақаи бостондиёри Саразм ковишҳо ва нишондиҳандаҳои таъсирбахш дар пешанд. Ҳамин тавр, метавон хулоса кард, ки мубодилаҳои тарафайн байни шаҳрдориҳои Ҳиндустон ва Саразм дар такмили якдигар саҳми назаррасеро касб намудаанд.

Галина Каримова
к.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории,
археологии и этнографии им. А.Дониша

ДОЗОРОАСТРИЙСКИЙ ПАНТЕОН САРАЗМА (семь божеств и семь творений)

Согласно зороастрийскому учению, Ахура-Мазда сотворил при помощи Святого Духа (Спэнта-Маишу) шесть более низких божеств, тех самых «излучающих свет существ», которых Зороастр узрел в своем первом видении. Вместе с Ахура-Маздой они составляют семь божеств, именуемых Амэша-Спэнта (Бессмертный Святой), названия которых впервые встречаются в Ясне Хаптангхайти [*Ясна* 39.3]. Остальные меньшие божества именуются язата. Так, семь Амэша-Спэнта считаются покровителями и защитниками семи добрых творений, а именно: **неба, воды, земли, огня, растений, скота, и человека**. Бессмертным святым, указывающим путь к другим и первым явившимся Заратуштре, является *Воху-Мана* (или Бахман) (Благой помысел), покровитель «кроткой, милосердной коровы» или покровитель скота, его союзник *Аша-Вахишта* (Ордибе-хешт) - (Лучшая праведность)- покровитель огня. Затем *Спэнта-Армаити* - покровитель земли и Святое благочестие, *Хшатра-Ваирья* (Шахривар) - покровитель металла и Избранная власть (Желанная власть) - владыка небес, *Хаурватат* (Хордад) - покровитель воды и Целостность, и *Амэрэат* (Мордад) - Бессмертие и покровитель растений [Дюмезиль, 1986, с 33].

Ахура-Мазда с помощью Спэнта-Майню (Святого Духа) сотворил шесть «бессмертных святых», которые вместе с верховным Богом составляют пантеон из семи божеств. Им молились и почитали их как отдельных богов. Именно идея о «семи божествах» и стала главным новшеством учения Зороастра, хотя их основой были старые представления о происхождении мира. Название Амэша-Спэнта применяется к любым божествам творения Ахура-Мазды, оно прилагается главным образом к шести великим существам первого видения пророка. Эти шесть Бессмертных Святых являются эманациями самого Ахура-Мазды, и они вызвали к жизни другие добрые божества более низкого порядка – *агуров* и *язатов*, таких как, *Митра* (Верность, Клятва), *Анахита* (Богиня Воды и Плодородия), *Апам-Напату* (Сын вод и бог Клятвы), *Сраоше* (Послушание), *Аши* (Богиня Судьбы) и *Гэуш-Урвану* (дух-Бык) и др.

Так обряды, имевшие вековую древность, приобрели новое измерение. Связь между каждым божеством и соответствующим творением кажется обоснованной, потому что зороастризм, несмотря на то, принят ли он по наитию или получен в божественном откровении, считается рациональной религией. Однако повсеместно отмечено существование незаратуштровских (или дозораострийских) божеств у народов Центральной Азии индоиранского происхождения. На основе археологического материала попытаемся воссоздать пантеон поклонений по материалам древнеземледельческого протогорода Саразм, расположенного в долине Зарафшана.

Неоднократно в литературе нами рассматривался момент существований культовых практик в археологических материалах Саразма [Раззоков, Каримова, Курбанов, Бобомуллоев, 2006; Каримова, 2009, с. 262-282; 2011, с. 99-106; 2012, с. 119-130; 2013, с. 200-221; 2016, с.138-199; 2017, с. 84-95; 2017, с.66-74; 2019, с.67-69; 2019а, с. 113-121]. В настоящей статье, привлекая данные архитектуры, реликты культовых практик и отдельных находок попытаемся воссоздать более целостную картину религиозного континуитета населения Саразма в энеолите-бронзовом веке.

По времени самое стратиграфически раннее существование культовых практик было получено в результате выявленного на раскопе XI культового захоронения Тура (рис.1,1). Особое отношение к этому типу животного отмечено и по другим материалам, найденным в Саразме. Так в раскопе VI был обнаружен скульптурный налеп головы быка (рис.1,3), к раскопу IV относится цилиндрическая печать с изображением быка - тура с пышным хвостом (рис.1,2). Эта привилегированность выделяет понятие как фетиш, тотем, символ рода или племени. Это же возможно определяет отношение как божеству дозораострийского пантеона т.е. Гэуш-Урвану (дух-Бык), эманация Воху-Мана, покровитель «милосердной коровы» или покровитель скота, хорошо известный в Авесте.

Следующим выраженным признаком культово-обрядовой практики является поклонение огню. В Саразме оно присутствует во всех периодах жизни. В раннем энеолите оно представлено следом кострища в храме огня в раскопе XI (рис. 1,1), в слоях СЗМ II и III круглыми (дисковидными) алтарями в культовом, дворцовом комплексе в раскопе IV, V, в раскопах VI, XI – XIII (рис. 2, 2,3), в святилищах жилых кварталов в раскопе II, VI (рис. 2,1; 3,1). В слое СЗМ IV квадратными алтарями в раскопе IV, VI, VII, IX (рис. 2, 3,4; 3, 2). Поклонение огню определяет эманация Аша-Вахишта (Ордибе-хешт) - (Лучшая праведность) - покровитель огня.

Основу саразмийских верований и культов составляют близко родственные дозороастрийские верования оседлых племен и народов, а это определённо связано с землёй и её благами – посевами, урожаями и т.д. В Саразме имеется огромное зернохранилище, и в одном из его помещений расположен круглый дисковидный алтарь (рис. 3,3), который отражает существование ритуальной практики, возможно проводимой в пору начала посева и во время сбора и заполнения урожая в закрома. Следовательно, определяется поклонение Анахите (Богиня Воды и Плодородия), Апам-Напату (Сын вод и бог Клятвы), которые выражает эманация Спэнта-Армаити - покровитель земли и Амэрэтат (Мордад) - Бессмертие и покровитель растений.

В Саразме в Раскопе V в слое, отнесенном к энеолиту, расположено уникальное круглое в плане сооружение, которое названо местом поклонения солнцу (рис. 3,4), а следовательно определяет присутствие астролатрического культа. Из семантики изображений солярных и геометрических знаков и те, и другие относятся к знакам, обозначающие символы астролатрии. Это - солнце, луна, звёзды, небо, воздух и все обозначения и символы с ними связанные (круг, крест, квадрат, треугольник, пунсоны и др.), которые также хорошо представлены в материалах Саразма. Росписи на стенах, орнамент керамики, изображение на печатях и талисманах отражают поклонение астрологическому культу позднее в зороастризме, представленному в эманации Хшатра-Ваирйа (Шахривар) - покровитель металла и Избранная власть (Желанная власть) - владыка небес.

Самым древним в истории человечества считается поклонение культу женского божества представленного в виде богини матери или богини плодородия. Претерпевшая значительные трансформации на протяжении многих тысячелетий, этот образ полностью не исчез, его черты угадываются в образах женских святых и персонажей местного пандемониума.

В Саразме, в слоях, которые относятся к поре энеолита (Намазга II) найдены антропоморфные фигурки (рис. 4, 1-2) положенные в погребение жрицы и отдельные части глиняных статуэток женского божества или идолчиков из различных частей городища (рис. 4, 3-5). Эта небольшая коллекция из пяти фигурок отражает очевидные данные. Две женские статуэтки, положенные в захоронение, представляют собой образ патронов – покровителей жрицы. Они небольшого размера, а самая маленькая фигурка имеет сквозное отверстие в области шеи т.е. является защитным амулетом. Этими находками мы имеем подтверждение божественного покровительства и особого положения женского антропоморфного образа. Положенные в захоронение скульптурки из глины являют собой черты почитания женского

божества и выделения из общего состава жителей протогорода персон - отпратителей культово-ритуальных действий, как правило, это жрицы, шаманки и т.д.

Особо необходимо отметить каменное изваяние, возможно, идола, представляющего ипостась водного божества или реки (Зарафшан?), оно найдено в фрагментарном виде (илл.7, 4). Фрагмент отражает волнообразные широкие и более тонкие линии, помещенные с двух сторон овальной формы скульптуры. Другое каменное изваяние, возможно, также изображает идола в образе человека (рис.5, 1). Из вышеперечисленного можно вывести факт поклонения Женскому божеству в виде покровительницы стихий, личного покровительства, культа прародительницы. Следовательно, определяется более персонафицированное поклонение Анахите (Богиня Воды и Плодородия).

В саразмской культуре, например, как можно судить по каменной модели скульптуры, идола стояли прямо в жилых комнатах. Для Саразма также можно предполагать и существование особых святилищ, занимавших на поселениях центральное место. Мелкие терракотовые фигурки являлись объектом домашних культов, а в святилищах, принадлежавших всей общине, находились идола по типу найденного каменного фрагмента, о котором говорилось ранее. К тому же, святилище с пятью тумбами, на которых очевидно выставлялись эти идола, также найдено в раскопе VI Саразма.

Наличие святилищ или храмов является одним из свидетельств развитой системы представлений и сложившегося культа, что подтверждается также обнаруженными в Саразме глиняными статуэтками изображающими женское божество и каменными антропоморфными идолами, а так же случайно найденная в подъёмном материале уникальная каменная чаша в форме совмещенного антропоморфно- зооморфного облика.

Святилище или культовый комплекс с пятью пристенными тумбами разной длины, расположенными по центру и двумя угловыми, на которых очевидно и выставлялись эти идола, найдено в помещении 2 в раскопе VI (рис.6). В центре помещения имеется квадратный алтарь. Показательно то, что в этом помещении у западной стены, найдены фрагменты обвалившейся живописи (рис.6), а за стеной этого помещения была найдена золотая розетка (рис.6). Как вариант, предлагается реконструкция расположения божеств на тумбах с учётом выявленных культовых приоритетов. Хотелось обратить внимание на то, что в центральноазиатской культово-жреческой практике известно использование украшений налобной ленты правителей или жрецов (терракотовая статуэтка жреца из Харатты). Но также известна

практика украшения фетишей или тотемных символов различными драгоценными украшениями. Например, ритон в виде головы быка, выставленный в музее на Кипре, украшали золотые рога, вместо глаз были вставлены драгоценные камни, а лоб украшала золотая розетка. Розетка по форме и исполнению схожа с золотой розеткой Саразма. Поэтому при реконструкции нами использована фотография кипрской туреницы, как пример возможной разновидности образа поклонения быку (рис.7).

Таким образом, материалы исследования отразили факт особого значения олицетворений шести великих божеств, которые присутствовали в культово-религиозной практике саразмийцев. Это хорошо известные культы древнеземледельческих цивилизаций Центральной Азии - *неба, воды, земли, огня, растений, скота и человека* (рис. 7,2). Очевидно, что эти прото божества получили трансформацию в божественную форму «излучающих свет существ», которых Зороастр узрел в своем первом видении, и которые в зороастризме составили основной авестийский пантеон, определённый как семь творений [Дюмезиль, 1986, с, 74] : Митра - Огонь, который пронизывает все остальные творения, а благодаря солнцу управляет сменой времен года, находится под покровительством Аша-Вахишта; Анахита - Богиня Воды и Плодородия; Хшатра-Ваирйа - стал владыкой небес из камня, которые защищают своим сводом землю. Спандармат в зороастрийской мифологии — олицетворение возделанной земли и религиозного благочестия и жизни (впоследствии Спента Армайти, Арматай — одно из божеств Амеша Спента). ; Расположенная внизу, земля принадлежит Спэнта-Армайти (Святому благочестию). Вода — это творение Хаурватат (Целостности), а растения относятся к Амэрэтат (Бессмертию). Воху-Мана (Гэуш-Урван - дух-Бык- Благой помысел) является повелителем кроткой, милосердной коровы, символом созидательного добра.

Уже сегодня в Саразме в раскопе III (зернохранилище) святилище с алтарём (которое, очевидно, можно определить как место отправления культово-обрядовых действий посвященных культам земли, растительности и плодородия), в раскопе V открыт «храм Солнца», в раскопе IV – святилище символов культа или «семи творений», в раскопе VI – святилище «священного Быка», в раскопе XI – «храм Огня». Из семи заявленных исследованием культов не выявлены отдельные храмы или святилища (если таковые существовали) для культа воды. Необходимо отметить, что на ранних этапах жизнедеятельности в слоях СЗМ I – III храмы и святилища имеют определенное посвящение, а в слое СЗМ IV в дворцово-храмовом комплексе нами определено святилище символов культа или «семи творений», которому и посвящена данная статья. Имеются ли какие-либо

другие посвящения храмов и святилищ, покажут дальнейшие исследования и разработки.

ЛИТЕРАТУРА

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. (Les dieux souverains indo-europeens, 1977) Перевод с французского Т.В. Цивьян.-Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986. –

Каримова Г.Р. Культовые сооружения Саразма (по материалам раскопок А.И. Исакова в 1978-1986, 1989, 2000 гг.) // АРТ.- Душанбе, 2009.- Вып. 33, с.262-282.

Каримова Г.Р. Саразмское зеркало в контексте обряда (проблема типологии погребальной культуры) // Наследие предков.- Душанбе, 2011, № 14, с. 99-106

Каримова Г.Р. Дозороастрийские верования древнего Саразма // Наследие предков.- Душанбе, 2012, № 15, с. 119-130.

Каримова Г.Р. Зеркало в связи с погребальными обрядами в эпоху энеолита и бронзы (по материалам древних могильников Таджикистана). // Последний энциклопедист: к 90 летнему юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского.- М.- 2013.- С. 200-221.

Каримова Г.Р. Таджикистан // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Том I. Традиционные верования и шаманизм. – Самарканд: МИЦАИ.- 2016. –С.138-199

Каримова Г.Р. Символика цвета в культуре древнего Саразма. //Ахбори Осорхонаи миллии Чумхурии Тоҷикистон.- Душанбе: Дакики.- 2017.- Вып. 2.- с. 84-95

Каримова Г.Р. Головной убор саразмской жрицы //Проблемы археологии и истории Таджикистана. К 80 летию со дня рождения академика Академии наук Республики Таджикистан Юсуфа Якубовича Якубова.- Сб. статей /Отв. редактор Г.Р. Каримова.- Душанбе: «Дониш».- 2017.- С.66-74

Каримова Г.Р. Этнокультурные процессы - феномен Саразма// Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019.- С.67-69

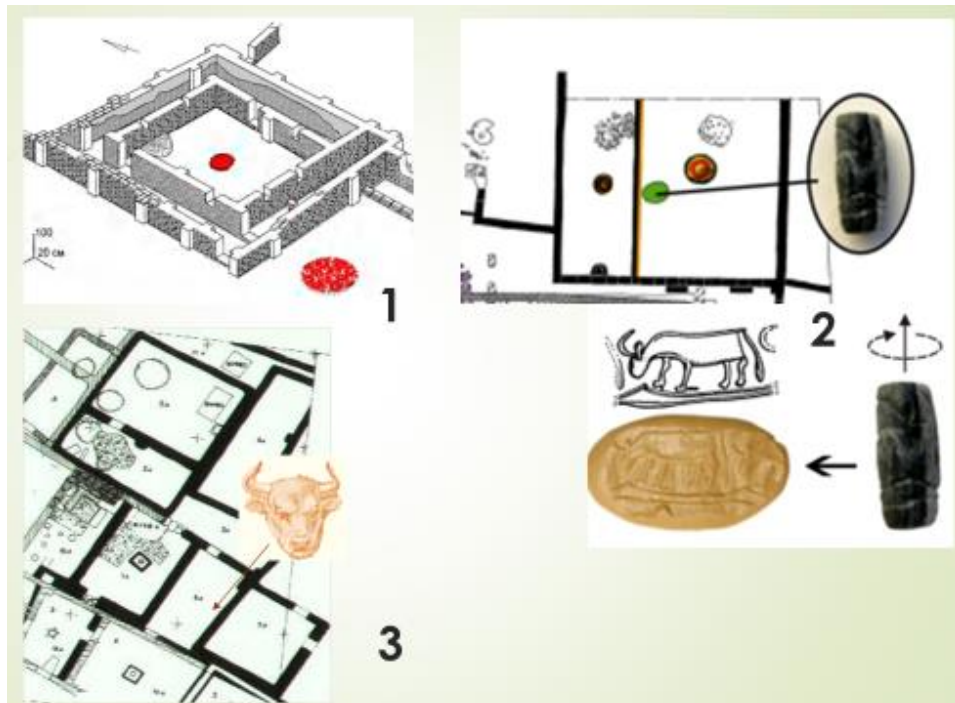
Каримова Г.Р. Печати Саразма – пиктографические знаки или первые знаки протописьменности // Вестник института /Сокровищница науки.- Материалы научно-практической международной конференции, посвященной 5500 летию древнего Саразма, 18-19 декабря 2019 г. в Таджикском педагогическом институте г. Пенджикент.- Пенджикент, 2019. № 4.С. 113-121

Раззоков А. Работа Саразмского отряда в 2002 г. //АРТ.- Душанбе, 2005.- Вып. 30.- С. 77-85

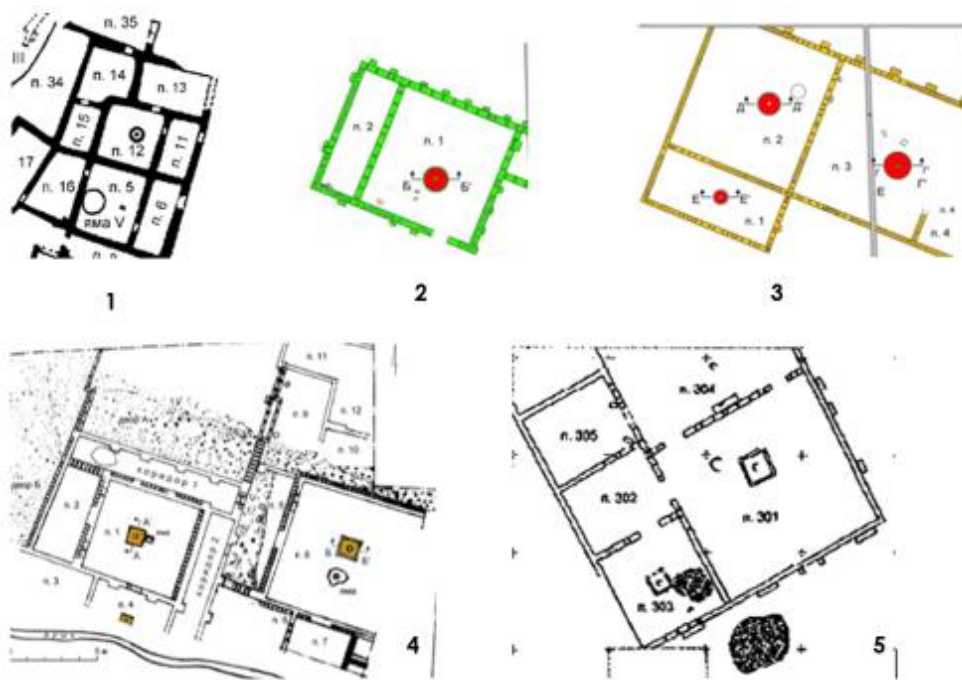
Раззоков А.Р., Каримова Г.Р., Курбанов Ш.Ф., Бобомуллов С.Г. Саразм.- Душанбе: «Эчод»,- 2006.- 96 с.

Раззоков А.Р., Худжагельдиев Т.У. Планиграфический и стратиграфический анализ слоев в раскопках 11 и 12 поселения Саразм (2008г.) // АРТ.- Душанбе, 2010.- Вып.34.- С. 74-104

Besenal R., Isakov A. Sarazm et les débuts du peuplement agricole dans la région de Samarcand // Arts Asiatiques. Paris: l'Ecole française d'Extrême-Orient 1989. Т. 44. Р. 5–20

Рис. 1. Бык в материалах Саразма: 1 - захоронение тура в храме огня Раскоп XI в слое СЗМ II; 2 - Раскоп IV. Печать с изображением быка-тура в помещении 8 в слое СЗМ II; 3 - Раскоп VI. Налеп скульптуры головы быка (реконструкция) на стене помещения 8а в слое СЗМ II

Рис. 2. Культурные сооружения Саразма: 1 - домашнее святилище Раскопа II; 2 – храм с круглым алтарём Раскоп XII; 3 – дворцово-храмовый комплекс Раскоп XII; 4 - дворцово-храмовый комплекс с квадратным алтарём Раскоп IX; 5 - храм с квадратным алтарём Раскоп VII (Besenval, Isakov 1989; Раззоков А. 2005; Раззоков, Худжагелдиев, 2010)

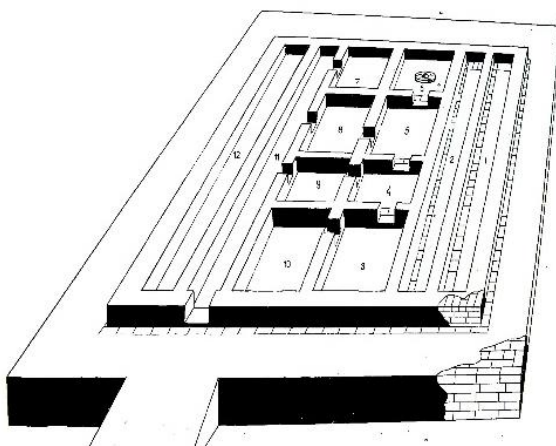

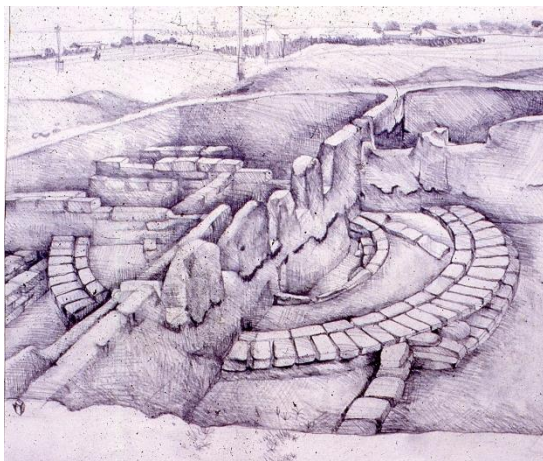
1

2

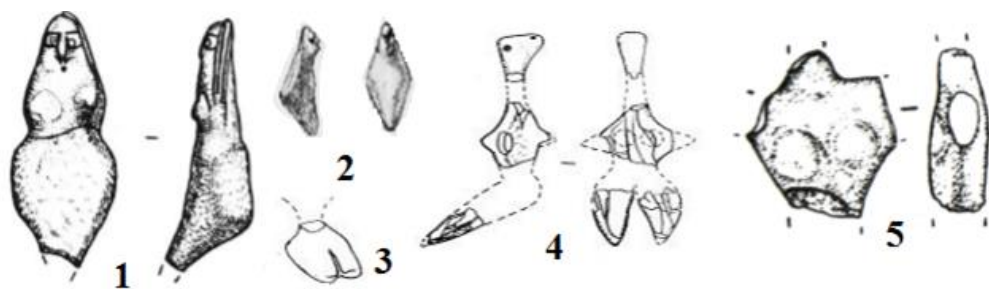
3

4

Рис. 3. Саразм. Алтари огня: 1 - круглый дисковидный; 2 – квадратный; 3 - Раскоп III. Зернохранилище (аксонометрия); 4 - Раскоп V, горизонт 2. «храм Солнца» (архив отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ)

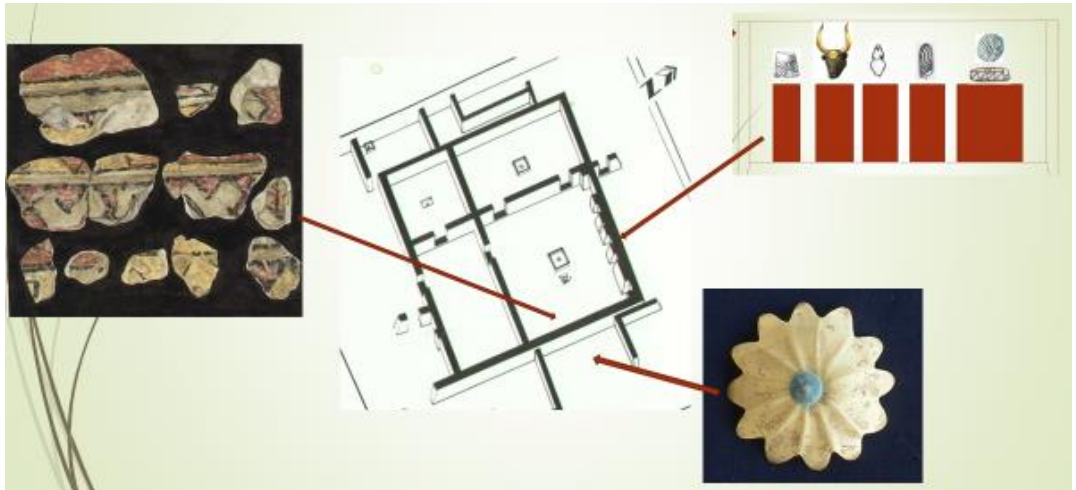

Рис. 4. Саразм. Женские фигурки из глины времени энеолита – бронзы:
 1-2 – статуэтка и амулет из захоронения; 3-5 - терракотки с городища.

Рис. 5. Каменные предметы Саразма: 1 – антропоморфный идол;
 2, 4 – идол растительности (сома?); 3 - подставка для флагоподобного
 символа или штандарта

Рис.6. Культное святилище Саразма в дворцово-храмовом комплексе Раскоп IV

1

2

Рис. 7. 1 - Вариант реконструкции Святилища Саразма в дворцово-храмовом комплексе Раскоп IV; 2 – предлагаемое значение находок, отражающих основной пантеон протобожеств дозороастрийского времени

Бабаджанова Мунзифа
к.и.н., доцент, зав. кафедрой ЮНЕСКО
«Межкультурный диалог в современном мире»
Российско-Таджикского (Славянского) университета,
Директор Информационно-Ресурсного центра ООН

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК САРАЗМ – ПАМЯТНИК ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО

САРАЗМ – первый в Таджикистане памятник Всемирного наследия.

В 2010 году древнейшее поселение Саразм было внесено в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. И на карте Всемирного наследия ЮНЕСКО появился таджикский памятник Саразм (4).

Название «Саразм» происходит от древнего таджикского слова «сари замин» (начало земли).

Это древнейшее поселение (IV—II тысячелетие до н. э.), имеющее историю свыше 5500 лет, было обнаружено осенью 1976 года археологом Абдуллоджоном Исаковым. А. Исаков прожил короткую, но очень яркую жизнь. Его научная и научно-организаторская деятельность внесла неоценимый вклад в изучение материальной и духовной культуры, особенно наследия таджикского народа. Имя А. Исакова стало известно, благодаря открытию им поселения Саразм. В мае 1977 г. на Всесоюзной конференции археологов в г. Пенджикенте он сделал первое сообщение о находках в Саразме, и это открытие было признано сенсацией не только Таджикистана, но и всей советской археологии.

Памятник Саразм расположен в 15 километрах к западу от города Пенджикент и в 45 километрах к востоку от города Самарканд.

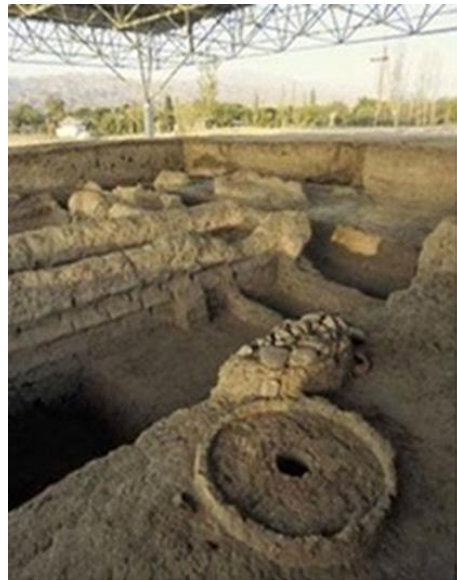

Первоначальная площадь памятника составляла около 130 га.

Городище интенсивно обживалось в течение более тысячи лет, наибольшего расцвета достигло в период позднего энеолита и ранней бронзы (1).

Большую историческую и культурную ценность представляют хорошо сохранившиеся дворцовые и культовые сооружения, общественные и жилые строения. На месте раскопок были найдены металлические и каменные изделия, а также многочисленные украшения, изготовленные из драгоценных камней и обработанных морских раковин (1).

Разрушение поселения по времени совпадает с вторжением на эту территорию кочевых народов с индоиранских племён.

Выделены четыре последовательных хронологических периода, которые с учетом радиоуглеродных анализов датированы следующим образом: период I – 3500 -3200 гг. до н.э.; период II – 3200-2900 гг. до н. э.; период III – 2900-2700 гг. до н. э.; период IV – 2700-2000 гг. до н. э.

Основу экономики жителей Саразма составляли земледелие, как поливное, так и богарное, скотоводство и специализированные ремесла. С конца IV тыс. до н. э. поселение Саразм превращается в один из крупнейших центров металлургии Центральной Азии. Этому способствовали богатые ресурсы гор верховий Зарафшана – таких как золото, серебро, медь, свинец и олово (1).

Устойчивая экономика и высокоразвитая материальная культура Саразма были характерными чертами Зарафшанского центра раннеземледельческих культур Центральной Азии. Саразмийцы, расширяя зону своих контактов, к середине IV тыс. до н. э. установили культурные и торговые связи с древнеземледельческими центрами Южной Туркмении, Ирана, Белуджистана, Индии и Афганистана. Таким образом, городище Саразм является уникальным памятником, который отразил в себе самые различные культурные связи и контакты народов эпохи энеолита и ранней бронзы. Результаты научных исследований на поселении Саразм обсуждались на многих международных симпозиумах в различных странах – в Вашингтоне (1981 г. и 1986 г.), Париже (1985 г.), Германии (1992г.), Иране (2003г.), Италии (2007г.) и Африке (2008г.).

Постановлением
Правительства Республики
Таджикистан от 21
сентября 2000 года за №
391, 5500-летний памятник
Саразм Пенджикентского
района был объявлен
историко-археологическим
заповедником, как центр
формирования культуры
земледелия, ремесел и
градостроительства
таджиков (3).

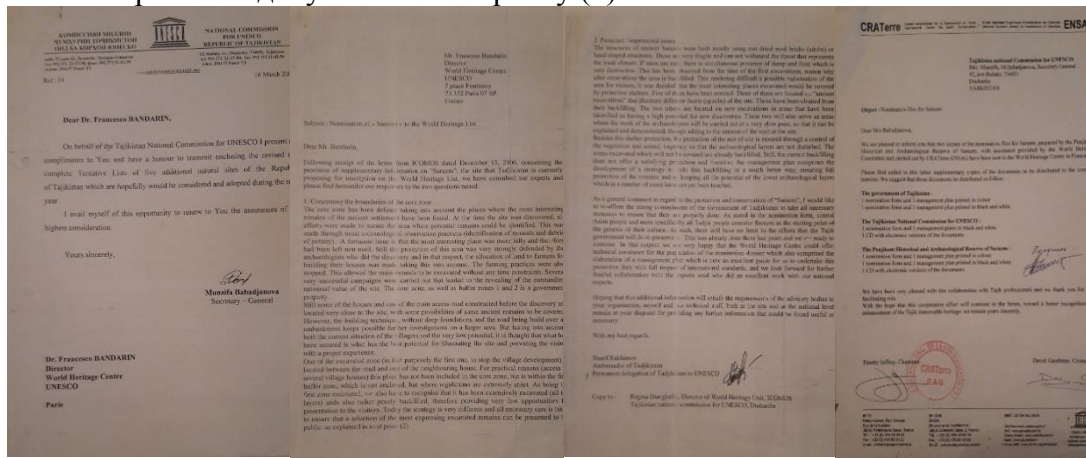

Следует отметить, что Глава государства – Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон внес серьезный вклад в сохранение и развитие Саразма. Саразм – как центр научного, исторического и археологического изучения является, наряду с другими объектами, важным

для Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, который провел большую научную и исследовательскую работу по изучению и сохранению историко-археологического памятника Саразм.

Благодаря неocenимому вкладу отечественных и зарубежных ученых историков и археологов, таких как академик Р. Масов, кандидат исторических наук А. Раззоков, доктор Р. Безенваль, профессор А.П. Франкфор и др. в 2000 году в ЮНЕСКО, в Центр Всемирного наследия, было представлено досье (пакет документов) для рассмотрения и включения Саразма в Список Всемирного наследия. На протяжении нескольких лет эксперты ЮНЕСКО, приезжая на объект в Саразм, детально изучали археологический памятник, вклад руководства Таджикистана по его сохранению и другие вопросы, согласно требованиям Центра Всемирного наследия к памятникам, рассматриваемым для включения в Список Всемирного наследия.

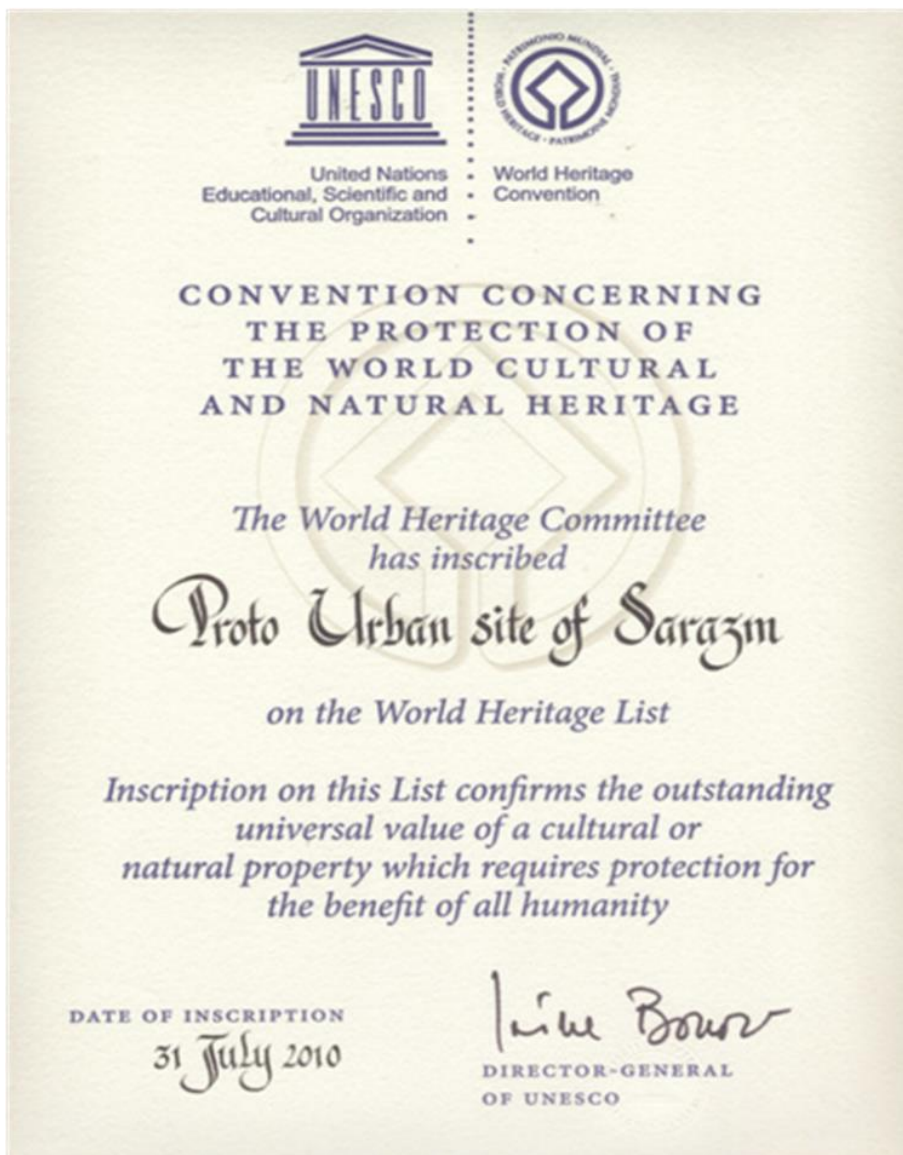
После внесения поправок, дополнительной информации, в 2006 году на имя Директора Центра Всемирного наследия доктора Франческо Бандарина были направлены документы по Саразму (2).

В тот период у Республики Таджикистан ещё не было Посольства во Франции, Постоянной делегации Республики Таджикистан в ЮНЕСКО, поэтому документы направлялись в Правительство Таджикистана, Национальную комиссию Республики Таджикистан по делам ЮНЕСКО (с февраля 2003 года по ноябрь 2008 года я работала Ответственным секретарём Национальной комиссии РТ по делам ЮНЕСКО – М.Б.), заповедник Саразм – директору А. Раззокову, а также копия основных документов в Посольство Республики Таджикистан в Королевстве Бельгия – Чрезвычайному и Полномочному Послу Ш. Рахимову.

Следует отметить, что процесс подготовки документов, обсуждение возникающих проблем по Саразму находились на контроле и решались при поддержке Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона.

31 июля 2010 года историко-археологический памятник Саразм Таджикистана был внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (4).

Символ 5500-летия древнего Саразма, одного из важнейших политических и культурных центров в истории таджиков, имеет округлую форму. Изображенные на нем детали символизируют тот факт, что предки таджиков были искусными земледельцами, ремесленниками, занимались градостроительством и градоуправлением. На двух сторонах символа слово «Саразм» обозначено на таджикском и английском языках, а дата зарождения города – «5500» отображена цифрами.

Двенадцатиугольная золотая находка, являющаяся результатом последних раскопок на Саразме, изображена в центре символа. В середине этой находки изображены древние стены Саразма, построенные из глины. Сама же эта находка изготовлена с высоким ювелирным искусством и олицетворяет Небесное Светило. Круглая зеленая цепь указывает на безупречную синеву неба и олицетворяет атмосферу мира и спокойствия. Если 12 вершиноподобных углов этой находки символизируют 12 вершин небосвода или 12 месяцев года, то создание ее в треугольной форме олицетворяет символ жизнотворных лучей солнца. Почитание солнца арийцами есть их вера в победу света над тьмой, выражает вечное возрождение Земли.

Продолжительные исследования археологов мира на раскопках Саразма свидетельствуют о том, что одним из сакральных обычаев арийцев, в том числе жителей Саразма, было почитание и преклонение перед Небесным Светилом. Все детали и знаки этого символа отражают древнюю историю Саразма и являются вестниками славы независимого Таджикистана.

24 октября 2019 года в Российско-Таджикском (Славянском) университете (РТСУ), по инициативе кафедры Всеобщей истории

факультета Истории и международных отношений был проведен Межвузовский Круглый стол «Саразм на перекрестке торговых и культурных связей Древнего Востока», посвященный празднованию 5500-летия древнего Саразма. В ходе работы Круглого стола студенты были ознакомлены с историей поселения Саразм, участием ученых и археологов в исследовании археологического памятника Саразм и подготовке документов. Активное участие приняли профессорско-преподавательский состав, гости и студенты РТСУ.

Как отмечал Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон: «Это мероприятие даст возможность еще масштабнее представить миру нашу, насчитывающую более 5500 лет и признанную крупнейшими специалистами и научными кругами многих стран, культуру». Глава государства подчеркивал, что Саразм «... является убедительным доказательством того, что с незапамятных времён эту местность населяли предки таджиков, которые занимались созидательным трудом, градостроительством, земледелием, обладали высокой культурой» (3).

Литература:

1. Бабаджанова М. М. Межкультурный диалог в современном мире: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Душанбе: Ирфон, 2015. – С.107-112.
2. Личный архив М. Бабаджановой.
3. www.president.tj
4. www.unesco.org

МУНДАРИЧА

Суханронии Асосгузори сулҳу ваҳдат, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, мӯҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба ифтихори чашни 5500-солагии Саразм.....	3
Приветственное слово Генерального директора ЮНЕСКО Одрэ Азуле	6
Приветственное слово Генерального директора ИСЕСКО Салима аль-Малика	8
Сухани ифтихоии Президенти АМИТ Фарход Раҳимӣ.....	12
Табриқоти меҳмонон	
Франсис Ришар (Фаронса).....	12
Элиза Линеу (Германия).....	13
Кафедра археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного Университета (Россия).....	13
Павел Лурье (Россия).....	14
Светлана Шнайдер (Россия).....	16
Анастасия Костюкевич (Республика Беларусь).....	17
Маърузаҳои илмӣ	
Муҳаммад А.Н. нақши пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон дар эҳёи хотираи таърихӣ ва таҳкими давлатдорӣ миллӣ.....	19
Убайдулло Насрулло Каримзода. Саразм ва нақши он дар тамаддуни Осиёи Марказӣ.....	24
Ҳайдаршо Пирумшоев. Анъанаҳои таърихӣ ва шахрсозӣ ва шаҳрдорӣ тоҷикон.....	30
Юсуфшоҳ Якубов. Признаки города в Саразме.....	39
V. Mutin. The metallic assemblage from Excavation VII at Sarazm....	62
С. Бобомуллоев, Н.М.Виноградова, Б. Бобомуллоев, Т.У. Худжагелдиев. Исследования курганов на массиве Саразм-2	84

в долине Зеравшан (результаты раскопки 2020).....	
Саидов Абдукаҳор. Тавсифи баъзе аз шаҳрҳои Мовароуннаҳр дар «Мулҳақоту-с-Сурах»-и Ҷамол Қаршӣ (ибтидои асри XIV)...	96
Н.Т.Рахимов. Саразм в урбанистической концепции академика Н.Н.Негматова.....	102
Ҳамза Камол. Зикри шаҳрҳои маъруфи Мовароуннаҳру Хуросон дар «Сафарнома»-и Ибни Баттута (асри XIV).....	112
Лариса Додхудоева. Традиции дизайна Зарафшана: их аналогии и интерпретация в памятниках народного искусства.....	122
Самихов Ш.Р. Саразм – оғози тамаддуни саноати тоҷикон.....	140
Ҷовид Холов. Иртиботи тамаддунҳо: Саразм, Мохенҷодаро, Ҳараппа.....	148
Галина Каримова. Дозороастрийский пантеон Саразма (семь божеств и семь творений).....	160
Бабаджанова Мунзифа. Историко-археологический памятник Саразм – памятник всемирного наследия ЮНЕСКО.....	172

---

¹ Воронина В.Л. Архитектурные памятники древнего Пенджикента. // Материалы и исследования по археологии СССР. №124. — Москва-Ленинград, 1964. — С. 126.

² Разоков Ф.А. Ук.соч. — С. 115, 116.

³ Назилов Д. Мастера школ горного зодчества. — Ташкент, 2001. — С.36.

⁴ Зарубин И.И. Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 года. // Известия Академии наук СССР. — VI серия, т. 21, вып. 3. 1927. — С.352.

⁵ Давыдов А. С. Жилище. // Материальная культура таджиков Верхоньев Зеравшана. Душанбе, 1973. — С. 58.

⁶ Подробно об очагах и печах Верхнего Зарафшана см. Давыдов А. Жилище. — С.31-49; Назилов Д. Ук.соч. — С.36.

⁷ Дынин В.В. Очерки быта горцев верхоньев Зеравшана. // Известия Туркестанского отдела РГО. Т.IX. Вып. 1 — Ташкент, 1914. — С. 43.

⁸ Подробно см. Запорожченко А.В., Луговой К.В. Индоиранские инициационные ритуалы и их отражение в осетинском нартовском эпосе. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. /Ред. П.К. Дашковецкий. — Вып. III. — Барнаул, 2009. — С. 78-97.

---

⁹ Давыдов А. Жилище. — С. 46.

¹⁰ Воронина В.Л. Архитектурные памятники. .... С. 126.

¹¹ Беленицкий А.М., Бентович И.Б. Большаков О.Г.

Средневековый город Средней Азии. — Москва, 1973. С.

46; Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения

согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). —

Москва, 1976. — С. 75—89.

¹² См. например, Чепелевская Г.Л. Сузани Узбекистана. —

Ташкент, 1961. — С. 20, рис. 9; Воронина В.Л. Ук. соч.

126; Хмельницкий С. Между арабами и тюрками.

Раннеисламская архитектура Средней Азии. — Берлин—

Рига, 1992. — С. 35; Хмельницкий С. Между кушанами и арабами.

Архитектура Средней Азии V—XI вв. — Берлин—Рига, 2000. —

С. 52; Лурье П.Б., Ю.Я. Якубов. Резное дерево и штампованный

штук из помещения цитадели Хисорака. // Материалы

Пенджикентской археологической экспедиции. Вып.

XI. Отчет о полевых работах экспедиции в 2010 г. / ред. П.Б.

Лурье. — Санкт-Петербург, 2011. — С. 27—32.

¹³ Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. .... С. 305;

Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. ....

С. 52; Чепелевская Г.Л. .... С. 20, рис. 9.

---

¹⁴Воронина В.Л. Архитектурные памятники .... С. 126.

¹⁵Рузиев М. Декоративно-прикладное искусство таджиков.— Душанбе, 2003. С. 145.

¹⁶*Подробнее см.* Лурье П.Б., Ю.Я. Якубов. Резное дерево и штампованный штурк.... С. 30.

¹⁷Воронина В.Л. Архитектурные памятники .... С. 124.

¹⁸Sumru Belger Krody. Tulips to Roses .Changing Trends in Ottoman Embroidery. //Oriental Carpets &Textile Studies. Y11.International Conference on Oriental Carpet. — Washington, 2011. P. 64.

¹⁹Народное искусство Таджикистана / Общ ред. А. Масов, ред. Д.Додхудоева. Авторы-составители: Р. Масов, Н. Юнусова, Л. Додхудоева. — Душанбе, 2011. — С. 19,20,32,33,49.

²⁰Якубовский А.Ю. Древний Пянджикент. По следам древних культур. — Москва, 1951. — С. 255.

²¹*Подробнее см.* Пещерева Е.М. Праздник тюльпана (лола) в сел. Исфара, Кокандского уезда. //Сб. "В. В. Бартольд». — Ташкент, 1927; Сухарева О.А. Празднества цветов у равнинных таджиков (конец XIX— начало XXв.). // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. — Москва, 1980. — С.31-46.

²²Воронина В.Л. Архитектурные памятники .... С. 120.

-
- ²³ -Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент, 1991. – С.59; Позднякова О.А. Накосные украшения из андроновских могильников лесостепного Алтая. // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже столетий. Материалы XL1 Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. – Барнаул, 25–30 марта 2001г. Барнаул, 2002. – С.252.
- ²⁴ -Якубов Ю. Паргар в VII–VIII вв. н. э. (Верхний Зеравшан в эпоху раннего средневековья). – Душанбе, 1979. – С. 47.
- ²⁵ -Сычева Н. Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана XIX–XXвв. из собрания Государственного музея искусства народов Востока. – М., 1984. – С.60–61.
- ²⁶ -Горожанкина Е. М. Традиционное ювелирное искусство народов Средней Азии и Казахстана. Автореф. канд. дис. искусствоведения. Аз. – С.12.
- ²⁷ -Чвырь Л.А. Таджикские ювелирные украшения. – Москва, 1977.
- ²⁸ -Горожанкина Е. М. Ук.соч. – С.16.
- ²⁹ -В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента (предварительное сообщение) //Труды Академии наук Таджикской ССР. т. XVII. – Сталинабад, 1953. – С. 24.
